

YURISPRUDENSIYA

HUQUQIY ILMIY-AMALIY JURNALI

2025-yil 5-son

VOLUME 5 / ISSUE 5 / 2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.5.

Crossref
Content
Registration

ISSN: 2181-1938

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence

MUASSIS: TOSHKENT DAVLAT YURIDIK UNIVERSITETI

“Yurisprudensiya” – “Юриспруденция” – “Jurisprudence” huquqiy ilmiy-amaliy jurnali O‘zbekiston matbuot va axborot agentligi tomonidan 2020-yil 22-dekabrda 1140-sonli guvohnoma bilan davlat ro‘yxatidan o‘tkazilgan.

Jurnal O‘zbekiston Respublikasi Oliy ta’lim, fan va innovatsiyalar vazirligi huzuridagi Oliy attestatsiya komissiyasi jurnallari ro‘yxatiga kiritilgan.

Ushbu jurnalda bayon etilgan natijalar, xulosalar, talqinlar ularning mualliflariga tegishli bo‘lib, Toshkent davlat yuridik universiteti g‘oyasi va qarashlarini aks ettirmaydi.

Mualliflik huquqlari Toshkent davlat yuridik universitetiga tegishli. Barcha huquqlar himoyalangan. Jurnal materiallaridan foydalanish, tarqatish va ko‘paytirish muassis ruxsati bilan amalga oshiriladi.

Sotuvda kelishilgan narxda.

Nashr bo‘yicha mas‘ul:

O. Choriyev

Muharrirlar:

E. Sharipov, Y. Yarmolik, E. Mustafayev, K. Abduvaliyeva, Y. Mahmudov, M. Sharifova, Sh. Beknazarova

Musahhih:

M. Tursunov

Texnik muharrir:

U. Sapayev

Dizayner:

D. Rajapov

Tahririyat manzili:

100047. Toshkent shahri,
Sayilgoh ko‘chasi, 35.
Tel.: (0371) 233-66-36 (1169)

Veb-sayt: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Obuna indeksi: 1387

Tasdiqnoma

№ 174625, 29.11.2023.

Jurnal 2025-yil 27-oktabrda bosmaxonaga topshirildi.
Qog‘oz bichimi: A4.
Shartli bosma tabog‘i: 15,1
Adadi: 100. Buyurtma: № 181.

TDYU bosmaxonasida chop etildi.
Bosmaxona manzili:
100047. Toshkent shahri,
Sayilgoh ko‘chasi, 37.

© Toshkent davlat yuridik universiteti

BOSH MUHARRIR

B. Xodjayev – Toshkent davlat yuridik universiteti Ilmiy ishlar va innovatsiyalar bo‘yicha prorektori, yuridik fanlar doktori, professor

BOSH MUHARRIR O‘RINBOSARI

J. Allayorov – Toshkent davlat yuridik universiteti Ilmiy boshqarmasi boshlig‘i, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori, dotsent

MAS‘UL MUHARRIR

N. Ramazonov – Toshkent davlat yuridik universiteti O‘zbek tili va adabiyoti kafedrasini mudiri, filologiya fanlari bo‘yicha falsafa doktori, dotsent

TAHRIR HAY‘ATI A‘ZOLARI

J. Blum – Amerika Qo‘shma Shtatlarining Boston kolleji Huquq maktabi professori, huquq doktori (AQSh)

M. Vishovatiy – Polshaning Gdansk universiteti professori (Polsha)

M. Hayat – Muhammadiyah Malang universiteti o‘qituvchisi (Indoneziya)

A. Hoshimxonov – Toshkent davlat yuridik universiteti Yoshlar masalalari va ma’naviy-ma’rifiy ishlar bo‘yicha birinchi prorektori, yuridik fanlar doktori, professor

A. Yakubov – Toshkent davlat yuridik universiteti Xalqaro hamkorlik va uzluksiz ta’lim bo‘yicha prorektor, yuridik fanlar doktori, dotsent

M. Axmedshayeva – Toshkent davlat yuridik universiteti Davlat va huquq nazariyasi kafedrasini professori, yuridik fanlar doktori

X. Xayitov – O‘zbekiston Respublikasi Oliy Majlisining Qonunchilik palatasi deputati, yuridik fanlar doktori, professor

S. Yusupov – Toshkent davlat yuridik universiteti Ma’muriy va moliya huquqi kafedrasini mudiri, yuridik fanlar doktori, professor

E. Egamberdiyev – Toshkent davlat yuridik universiteti Fuqarolik huquqi kafedrasini dotsenti, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

Sh. Ismoilov – Toshkent davlat yuridik universiteti Mehnat huquq kafedrasini mudiri, yuridik fanlar doktori, dotsent

G. Uzakova – Toshkent davlat yuridik universiteti Ekologiya huquqi kafedrasini professori, yuridik fanlar doktori

G. Yo‘ldasheva – Toshkent davlat yuridik universiteti Xalqaro huquq va inson huquqlari kafedrasini professori, yuridik fanlar doktori

A. Yo‘ldoshev – Toshkent davlat yuridik universiteti Konstitutsiyaviy huquq kafedrasini dotsenti, yuridik fanlar doktori

R. Altiyev – Toshkent davlat yuridik universiteti Jinoyat huquqi, kriminologiya va korrupsiyaga qarshi kurashish kafedrasini professori v.b., yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

M. Kurbanov – Toshkent davlat yuridik universiteti Jinoyat huquqi, kriminologiya va korrupsiyaga qarshi kurashish kafedrasini dotsenti v.b., yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

S. Oripov – Toshkent davlat agrar universiteti Huquqshunoslik kafedrasini dotsenti, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

F. Hamdamova – Jahon iqtisodiyoti va diplomatiya universiteti Xalqaro huquq va ommaviy huquq fanlari kafedrasini dotsenti v.b., yuridik fanlar doktori

D. So‘fiyeva – TDYU Davlat va huquq nazariyasi kafedrasini katta o‘qituvchisi, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

R. Kuchkarov – TDYU Umumta’lim fanlar va madaniyat kafedrasini dotsenti v.b., filologiya fanlari nomzodi

УЧРЕДИТЕЛЬ: ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Правовой научно-практический журнал «Юриспруденция» – «Yurisprudensiya» – «Jurisprudence» зарегистрирован Агентством печати и информации Узбекистана 22 декабря 2020 года с удостоверением № 1140.

Журнал включён в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан.

Результаты, выводы и интерпретации, изложенные в данном журнале, принадлежат исключительно их авторам и не отражают идей и взглядов Ташкентского государственного юридического университета.

Авторские права принадлежат Ташкентскому государственному юридическому университету. Все права защищены. Использование, распространение и воспроизведение материалов журнала осуществляется с разрешения учредителя.

Реализуется по договорной цене.

Ответственный за выпуск:

О. Чориев

Редакторы:

Э. Шарипов, Е. Ярмолик, Э. Мустафаев, К. Абдувалиева, Й. Махмудов, М. Шаринова, Ш. Бекназарова

Корректор:

М. Турсунов

Технический редактор:

У. Сапаев

Дизайнер:

Д. Ражапов

Адрес редакции:

100047. Город Ташкент,
улица Сайилгох, 35.
Тел.: (0371) 233-66-36 (1169)

Веб-сайт: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Подписной индекс: 1387

Свидетельство

от 29.11.2023 № 174625.

Журнал передан в типографию
27.10.2025.

Формат бумаги: А4.

Усл. п. л. 15,1. Тираж: 100 экз.

Номер заказа: 181.

Отпечатано в типографии Ташкентского государственного юридического университета.

100047, г. Ташкент,
ул. Сайилгох, дом 37.

© Ташкентский государственный
юридический университет

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Б. Ходжаев – доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе и инновациям Ташкентского государственного юридического университета

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ж. Аллаёров – доктор философии по юридическим наукам, доцент, начальник управления по науке Ташкентского государственного юридического университета

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Н. Рамазонов – доктор философии по филологическим наукам, доцент, заведующий кафедрой узбекского языка и литературы Ташкентского государственного юридического университета

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Дж. Блум – профессор юридической школы Бостонского колледжа (Бостон, США), доктор юридических наук

М. Вишоватый – профессор Гданьского университета (Гданьск, Польша)

М. Хаят – преподаватель Университета Мухаммадия Маланг (Индонезия)

А. Хошимхонов – первый проректор по делам молодёжи и духовно-просветительской работе Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

А. Якубов – проректор по международным связям и дополнительному образованию Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, доцент

М. Ахмедшаева – профессор кафедры теории государства и права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

Х. Хайитов – депутат Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор

С. Юсупов – заведующий кафедрой административного и финансового права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

Э. Эгамбердиев – доцент кафедры гражданского права Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии (PhD) по юридическим наукам

Ш. Исмоилов – заведующий кафедрой трудового права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, доцент

Г. Узакова – профессор кафедры экологического права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

Г. Юлдашева – профессор кафедры международного права и прав человека Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

А. Юлдашев – доцент кафедры конституционного права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

Р. Алтиев – и. о. профессора кафедры уголовного права, криминологии и противодействия коррупции Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии (PhD) по юридическим наукам

М. Курбанов – и. о. профессора кафедры уголовного права, криминологии и противодействия коррупции Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии (PhD) по юридическим наукам

С. Орипов – доцент кафедры права Ташкентского государственного аграрного университета, доктор философии (PhD) по юридическим наукам

Ф. Хамдамова – и. о. доцента кафедры международного и публичного права Университета мировой экономики и дипломатии, доктор юридических наук

Д. Суфиева – старший преподаватель кафедры теории государства и права Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии (PhD) по юридическим наукам

Р. Кучкаров – доцент кафедры общеобразовательных дисциплин и культуры Ташкентского государственного юридического университета, кандидат филологических наук

**FOUNDER: TASHKENT STATE
UNIVERSITY OF LAW**

“Yurisprudensiya” – “Юриспруденция” – “Jurisprudence” legal scientific and practical journal was registered by the Press and Information Agency of Uzbekistan on December 22, 2020 with certificate No. 1140.

The journal is included in the list of journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Higher Education, Science and Innovations of the Republic of Uzbekistan.

The results, conclusions, and interpretations presented in this journal belong to their authors and do not reflect the ideas and views of the Tashkent State University of Law.

Copyright belongs to Tashkent State University of Law. All rights reserved. Use, distribution and reproduction of journal materials are carried out with the permission of the founder.

Agreed-upon price.

Publication Officer:

O. Choriev

Editors:

E. Sharipov, E. Yarmolik, E. Mustafaev,
K. Abduvalieva, Y. Makhmudov,
M. Sharifova, Sh. Beknazarova

Proofreader:

M. Tursunov

Technical editor:

U. Sapaev

Designer:

D. Rajapov

Editorial office address::

100047. Tashkent city,
Sayilgokh street, 35.
Phone: (0371) 233-66-36 (1169)

Website: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Subscription index: 1387.

Certificate

№ 174625, 29.11.2023.

The journal is submitted to the Printing house on 27.10.2025.

Paper size: A4. Cond.p.f: 15,1.

Units: 100. Order: № 181.

Published in the Printing house of
Tashkent State University of Law.
100047. Tashkent city,
Sayilgoh street, 37.

© Tashkent State University of Law

EDITOR-IN-CHIEF

B. Khodjaev – Deputy Rector for Scientific Affairs and Innovations of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

DEPUTY EDITOR

J. Allayorov – Head of the Scientific Department at Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Associate Professor

EXECUTIVE EDITOR

N. Ramazonov – Head of the Department of Uzbek Language and Literature at Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Philology, Associate Professor

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

J. Blum – Professor of Law School of Boston College, Doctor of Law (Boston, USA)

M. Vishovatiy – Professor of the University of Gdańsk (Gdansk, Poland)

M. Hayat – Lecturer of the University of Muhammadiyah Malang (Indonesia)

A. Khoshimkhonov – First Deputy Rector for Youth Affairs and Spiritual and Educational Affairs of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

A. Yakubov – Deputy Rector for International Relations and Further Education of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Associate Professor

M. Akhmedshaeva – Professor of the Department of Theory of State and Law at Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

Kh. Khayitov – Deputy of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Professor

S. Yusupov – Head of the Department of Administrative and Financial Law at Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

E. Egamberdiev – Associate Professor of the Department of Civil Law at Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

Sh. Ismoilov – Head of the Department of Labor Law at Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Associate Professor

G. Uzakova – Professor of the Department of Environmental Law at Tashkent State University of Law, Doctor of Law

G. Yuldasheva – Professor of the Department of International Law and Human Rights at Tashkent State University of Law, Doctor of Law

A. Yuldoshev – Associate Professor of the Department of Constitutional Law at Tashkent State University of Law, Doctor of Law

R. Altiev – Acting Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Anti-Corruption at Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

M. Kurbanov – Acting Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Anti-Corruption at Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

S. Oripov – Associate Professor of the Department of Law at Tashkent State Agrarian University, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

F. Hamdamova – Acting Associate Professor of the Department of International Law and Public Law at the University of World Economy and Diplomacy, Doctor of Law

D. Sufiyeva – Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law at Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

R. Kuchkarov – Associate Professor of the Department of General Sciences and Culture at Tashkent State University of Law, Candidate of Philological Sciences

MUNDARIJA

12.00.01 – DAVLAT VA HUQUQ NAZARIYASI VA TARIXI. HUQUQIY TA'LIMOTLAR TARIXI

11 XAYDAROVA MARJONA OLIM QIZI

“Davlat huquqiy siyosati transformatsiyasi” tushunchasi tahlili

12.00.02 – KONSTITUTSIYAVIY HUQUQ. MA'MURIY HUQUQ. MOLIYA VA BOJXONA HUQUQI

20 SAFAROV DJAXONGIR ISMOILOVICH

Yangi O'zbekiston parlamenti: zamonaviy holati va kelajak istiqbollari

34 YOQUBOVA UMIDAXON MA'SUDJON QIZI

Pediatrik dori vositalarining xavfsizligini ta'minlashda tizimli chora-tadbirlar: huquqiy jihatlar va xalqaro amaliyot

12.00.03 – FUQAROLIK HUQUQI. TADBIRKORLIK HUQUQI. OILA HUQUQI. XALQARO XUSUSIY HUQUQ

43 XURSANOV RUSTAM XOLMURADOVICH, ABDALIMOVA DARYA ODILOVNA

Xorijiy mamlakatlarda sun'iy intellektni huquqiy tartibga solish tajribasi: eng yaxshi amaliyotlar sharhi

55 MAMANAZAROV SARDOR SHUXRATOVICH

Biotexnologiya obyektlarining fuqarolik-huquqiy tabiati va xususiyatlari: nazariy-huquqiy tahlil

67 ABDUGAFFAROV DAVRONBEK DILSHOD O'G'LI

Xalqaro tijorat shartnomalarida huquqni tanlash: raqamli tijoratda aniq ifodalangan va ifodalanmagan shakllar

75 ALLAKULIYEV MIRJALOL DAVRONBEKOVICH

Delikt huquqida shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish: ularga noto'g'ri ishlov berilganligi va chiqib ketganligi uchun kompensatsiya

12.00.04 – FUQAROLIK PROTSESSUAL HUQUQI. IQTISODIY PROTSESSUAL HUQUQI. HAKAMLIK JARAYONI VA MEDIATSIYA

84 ABDUSAMATOV NURULLO QOBILJON O'G'LI

Uy-joy qurilish shartnomalaridan kelib chiqadigan fuqarolik sud nizolarida isbotlash jarayoni va dalillarning huquqiy ahamiyati

12.00.06 – TABIIY RESURSLAR HUQUQI. AGRAR HUQUQ. EKOLOGIK HUQUQ

94 OTAMIRZAYEV OYBEK MURODULLO O'G'LI

Yer osti suvlarining huquqiy muhofazasi – dolzarb ekologik masala

12.00.08 – JINOYAT HUQUQI. JINOYAT-IJROIYA HUQUQI

100 KARAKETOVA DILNOZA YULDASHEVNA

Ayb uchun javobgarlik prinsipi va jinoyat subyekti

12.00.09 – JINOYAT PROTSESSI. KRIMINALISTIKA, TEZKOR-QIDIRUV HUQUQ VA
SUD EKSPERTIZASI

109 SULTONOVA LOBAR MAMARAYIM QIZI

Qozog'iston, Qirg'iziston va Tojikiston jinoyat-protsessual qonunchiligida ekstraditsiya:
qiyosiy tahlil

12.00.10 – XALQARO HUQUQ

122 USMANOVA SURAYYO BULTAKOVNA

Jahon Savdo Tashkiloti doirasida turizm xizmatlari bozorining huquqiy tartibga solinishi

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.01 – ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.
ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

11 ХАЙДАРОВА МАРЖОНА ОЛИМ КИЗИ

Анализ понятия трансформации государственной правовой политики

12.00.02 – КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО.
ФИНАНСОВОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

20 САФАРОВ ДЖАХОНГИР ИСМОИЛОВИЧ

Парламент Нового Узбекистана: современное состояние и перспективы развития

34 ЁКУБОВА УМИДАХОН МАЪСУДЖОН КИЗИ

Системные меры по обеспечению безопасности педиатрических лекарственных средств: юридические аспекты и международная практика

12.00.03 – ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО.
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

43 ХУРСАНОВ РУСТАМ ХОЛМУРАДОВИЧ, АБДАЛИМОВА ДАРЬЯ ОДИЛОВНА

Опыт правового регулирования искусственного интеллекта в зарубежных странах: обзор лучших практик

55 МАМАНАЗАРОВ САРДОР ШУХРАТОВИЧ

Гражданско-правовая природа и особенности биотехнологических объектов: теоретико-правовой анализ

67 АБДУГАФФАРОВ ДАВРОНБЕК ДИЛШОД УГЛИ

Выбор права в международных коммерческих договорах: подразумеваемый и явный выбор в цифровой торговле

75 АЛЛАКУЛИЕВ МИРЖАЛОЛ ДАВРОНБЕКОВИЧ

Защита персональных данных в деликтном праве: компенсация за их неправомерную обработку и утечку

12.00.04 – ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО. АРБИТРАЖ И МЕДИАЦИЯ

84 АБДУСАМАТОВ НУРУЛЛО КОБИЛЖОН УГЛИ

Процесс доказывания и юридическое значение доказательств в гражданских судебных спорах, возникающих из договоров жилищного строительства

12.00.06 – ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО. АГРАРНОЕ ПРАВО.
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

94 ОТАМИРЗАЕВ ОЙБЕК МУРОДУЛЛО УГЛИ

Правовая охрана подземных вод – актуальная экологическая проблема

12.00.08 – УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

100 КАРАКЕТОВА ДИЛЬНОЗА ЮЛДАШЕВНА

Принцип ответственности за вину и субъект преступления

12.00.09 – УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА,
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ПРАВО И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

109 СУЛТОНОВА ЛОБАР МАМАРАЙИМ КИЗИ

Экстрадиция в уголовно-процессуальном законодательстве Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана: сравнительный анализ

12.00.10 – МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

122 УСМАНОВА СУРАЙЁ БУЛТАКОВНА

Правовое регулирование рынка туристических услуг в рамках Всемирной торговой организации

CONTENTS

12.00.01 – THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW. HISTORY OF LEGAL DOCTRINES

11 KHAYDAROVA MARJONA OLIM KIZI

Analysis of the concept of the transformation of state legal policy

12.00.02 – CONSTITUTIONAL LAW. ADMINISTRATIVE LAW. FINANCIAL AND CUSTOMS LAW

20 SAFAROV DJAKHONGIR ISMOILOVICH

The parliament of New Uzbekistan: current state and future prospects

34 YOQUBOVA UMIDAKHON MASUDJON KIZI

Systemic measures for ensuring the safety of paediatric medicines: legal aspects and international practice

12.00.03 – CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW. INTERNATIONAL PRIVATE LAW

43 KHURSANOV RUSTAM KHOLMURADOVICH, ABDALIMOVA DARYA ODILOVNA

Experience of legal regulation of artificial intelligence in foreign countries: a review of best practice

55 MAMANAZAROV SARDOR SHUKHRATOVICH

Civil-legal nature and characteristics of biotechnology objects: theoretical and legal analysis

67 ABDUGAFFAROV DAVRONBEK DILSHOD UGLI

Choice of law in international commercial contracts: tacit and express choice in digital trade

75 ALLAKULIYEV MIRJALOL DAVRONBEKOVICH

Protection of personal data in tort law: compensation for improper processing and leakage

12.00.04 – CIVIL PROCEDURAL LAW. ECONOMIC PROCEDURAL LAW. ARBITRATION PROCESS AND MEDIATION

84 ABDUSAMATOV NURULLO KOBILJON UGLI

The evidentiary process and the legal significance of evidence in civil litigation arising from housing construction contracts

12.00.06 – THE LAW OF NATURAL RESOURCES. AGRARIAN LAW. ENVIRONMENTAL LAW

94 OTAMIRZAEV OYBEK MURODULLO UGLI

Legal protection of groundwater is a current environmental issue

12.00.08 – CRIMINAL LAW. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

100 KARAKETOVA DILNOZA YULDASHEVNA

The principle of responsibility for guilt and the subject of the crime

12.00.09 – CRIMINAL PROCEEDINGS. FORENSICS, INVESTIGATIVE LAW AND
FORENSIC EXPERTISE

109 SULTONOVA LOBAR MAMARAYIM KIZI

Extradition in the criminal procedural legislation of Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Tajikistan:
comparative analysis

12.00.10 – INTERNATIONAL LAW

122 USMANOVA SURAYYO BULTAKOVNA

Legal regulation of tourism services market within the framework of the World Trade Organization

Kelib tushgan / Получено / Received: 15.09.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 15.10.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 27.10.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.5./KKPJ9003

UDC: 342.2(045)(575.1)

“DAVLAT HUQUQIY SIYOSATI TRANSFORMATSIYASI” TUSHUNCHASI TAHLILI

Xaydarova Marjona Olim qizi,

Toshkent davlat yuridik universiteti mustaqil izlanuvchisi,

Toshkent davlat transport universiteti

“Xalqaro ommaviy huquq” kafedrası o‘qituvchi assistenti

ORCID: 0009-0004-9845-850X

e-mail: marjonkhaydarova3004@gmail.com

Annotatsiya. Mazkur maqolada “davlat huquqiy siyosati transformatsiyasi” tushunchasining nazariy jihatları, uning davlat boshqaruvidagi o‘rni va funksional ahamiyati, shuningdek, davlat huquqiy siyosati bilan bog‘liqligi har tomonlama tahlil qilingan. Tadqiqot predmeti sifatida transformatsiya jarayonining davlat huquqiy siyosatidagi o‘rni yoritiladi. Muallif huquqiy siyosat transformatsiyasi yo‘nalishlarini ikki tarmoqqa – progressiv va responsiv yondashuvlar hamda demokratik va inson huquqlari tamoyillari asosidagi yo‘nalishlarga ajratib ko‘rib chiqadi. Metodologik asos sifatida tizimli, mantiqiy va tahliliy yondashuv usullari qo‘llangan. Maqolada, xususan, davlat huquqiy siyosati transformatsiyasining asosiy yo‘nalishlari batafsil tahlil etilib, bu borada bir qator olimlarning ilmiy izlanishlari tahlil manbasi sifatida olingan hamda ularning fikr va qarashlari keltirilgan. Tadqiqot xulosalarida huquqiy siyosat transformatsiyasining o‘ziga xos jihati huquqiy hujjatlar, davlat boshqaruvi funksiyalari hamda zamonaviy axborot texnologiyalarining uyg‘unligida namoyon bo‘lishi ta’kidlangan. Ushbu yondashuvlar huquqiy siyosat transformatsiyasini mustaqil va yetakchi huquqiy yo‘nalishga aylantirishga xizmat qiladi. Shuningdek, davlat huquqiy siyosati transformatsiyasi jarayonida yuzaga kelayotgan muammo va kamchiliklar chuqur o‘rganilib, ularni amaliy bartaraf etish bo‘yicha bir qator taklif va tavsiyalar ishlab chiqilgan.

Kalit so‘zlar: huquqiy siyosat, transformatsiya, davlat huquqiy siyosati transformatsiyasi, raqamlashtirish, jamoatchilik nazorati, inklyuzivlik, institutsional-huquqiy tartib

АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Хайдарова Маржона Олим кизи,

самостоятельный соискатель Ташкентского

государственного юридического университета,

ассистент преподавателя кафедры «Международное публичное право»

Ташкентского государственного транспортного университета

Аннотация. В данной статье всесторонне анализируются теоретические аспекты понятия «трансформация государственной правовой политики», его место и функциональное значение в системе государственного управления, а также взаимосвязь с общей правовой политикой государства. В качестве предмета исследования рассматривается роль процесса трансформации

в развитии государственной правовой политики. Автор подразделяет направления трансформации правовой политики на две основные ветви – прогрессивно-реактивные подходы и направления, основанные на принципах демократии и прав человека. В качестве методологической основы использованы системный, логический и аналитический методы. В статье детально рассмотрены ключевые направления трансформации государственной правовой политики; в качестве аналитической базы использованы научные исследования ряда учёных, чьи взгляды и позиции проанализированы и сопоставлены. В выводах подчёркивается, что специфика трансформации правовой политики проявляется в гармоничном сочетании правовых актов, функций государственного управления и современных информационных технологий. Такой подход способствует превращению трансформации правовой политики в самостоятельное и ведущее направление правового развития. Кроме того, в статье выявлены проблемы и недостатки, возникающие в процессе трансформации государственной правовой политики, и предложен ряд практических рекомендаций по их устранению.

Ключевые слова: правовая политика, трансформация, трансформация государственной правовой политики, цифровизация, общественный контроль, инклюзивность, институционально-правовое регулирование

ANALYSIS OF THE CONCEPT OF THE TRANSFORMATION OF STATE LEGAL POLICY

Khaydarova Marjona Olim kizi,

Independent researcher at Tashkent State University of Law,
Assistant teacher at the Department of International Public Law,
Tashkent State Transport University

Abstract. This article comprehensively analyzes the theoretical aspects of the concept of “transformation of state legal policy,” its role and functional significance in public administration, as well as its connection with state legal policy. The subject of the research is the role of the transformation process in the state legal policy. The author divides the directions of transformation of legal policy into two branches – progressive and responsive approaches and directions based on the principles of democracy and human rights. Systemic, logical, and analytical approaches were used as a methodological basis. In the article, in particular, the main directions of the transformation of state legal policy are analyzed in detail, the scientific research of a number of scientists in this regard is taken as a source of analysis, and their opinions and views are presented. The conclusions of the study emphasize that the peculiarity of the transformation of legal policy is manifested in the combination of legal documents, functions of public administration, and modern information technologies. These approaches serve to transform the transformation of legal policy into an independent and leading legal direction. Also, the problems and shortcomings arising in the process of transforming state legal policy were deeply studied, and a number of proposals and recommendations were developed for their practical elimination. a number of practical recommendations and measures aimed at their elimination.

Keywords: legal policy, transformation, transformation of state legal policy, digitalization, public oversight, inclusiveness, institutional and legal order

Kirish

Bugungi kunda dunyoning deyarli barcha rivojlangan davlatlarida transformatsiya jarayonining mukammallashuvi natijasida jamiyatning barcha jabhalarida tub o'zgarishlar yuz bermoqda. Xususan, davlatlarning hu-

quqiy siyosatida ham bu o'zgarishlarni uch-ratishimiz mumkin. Jamiyat hayotining turli jabhalari, inson faoliyatidagi sohalar va ijtimoiy munosabatlardagi o'zgarishlar alohida qonun hujjatlarini qabul qilish, o'zgartirish va qo'shimchalar kiritish zaruriyatini belgi-

laydi. Ya'ni qonunchilikni bugungi davr ehtiyojlarini qondirish uchun o'zgartirish uning samaradorligining tarkibiy qismlaridan biri sanaladi. Sun'iy intellekt texnologiyalarining joriy etilishi, huquqiy tizimda sohalararo integratsiyalashuv jarayonlari, ayniqsa, raqamli muhitda yuzaga keladigan ijtimoiy munosabatlarning huquqiy mohiyatini o'rganish huquqshunoslikning dolzarb muammolaridan biridir.

Ushbu maqolaning maqsadi – “huquqiy siyosat va huquqiy siyosat transformatsiyasi” tushunchalarining mazmun-mohiyatini nazariy jihatdan tahlil qilish hamda transformatsiya jarayonining davlat huquqiy siyosatidagi o'rnini ochib berishdan iboratdir.

Tadqiqot doirasida M.A. Lipchanskaya, A.V. Shindina (2025), E.V. Poluyanova (2025), M.N. Stepanova (2025), E.V. Vorobieva (2005), V.V. Kovalyova, Y. Kryvytskyiy (2023), A. Wicaksana, A. Putri, M. Orias (2025), Y. Gavrilova va O. Rybakova (2021) kabi olimlarning huquqiy siyosat transformatsiyasi haqidagi qarashlari tahlil qilinadi. Ularning yondashuvlari orqali transformatsiya jarayonining nazariy tahlili hamda ushbu jarayonning davlat huquqiy siyosatiga ta'sir darajasini aniqlash imkoniyati yaratiladi.

Mazkur tadqiqotda o'rganilayotgan mavzuga kompleks yondashuv qo'llandi. Tadqiqotning metodologik asosini tizimli, mantiqiy va tahliliy yondashuv usullari tashkil etadi. Davlat huquqiy siyosati transformatsiyasining huquqiy mexanizmlarini o'rganishda normativ-huquqiy hujjatlar mazmunini tahlil qilish hamda amaliyotda mavjud muammolarni tizimli ravishda o'rganish asosida davlat huquqiy siyosati transformatsiyasi bo'yicha xulosa va takliflar ishlab chiqildi. Mavzuni o'rganish jarayonida tizimli yondashuv orqali transformatsiya jarayonining barcha bosqichlari kompleks tarzda tahlil etildi.

Asosiy qism

Transformatsiya jarayoni bugungi kunda barcha davlatlarni – xoh u iqtisodiy jihatdan barqaror va rivojlangan davlat bo'lsin, xoh iqtisodiy

tisodiy jihatdan qoloq davlat bo'lsin – birdek qamrab olgan hodisa hisoblanadi. Transformatsiya – davlatning fundamental o'zgarishi (Leibfried, et al., 2015). Transformatsiya jarayoni shunchaki islohot yoki o'zgarish emas, balki jamiyat va davlatning barcha jabhalarida bir holatdan ikkinchi holatga butunlay o'tish jarayonidir (Safarov, 2021).

“Transformatsiya” so'zi lotin tilidan olingan bo'lib, “transfor” va “matio” so'zlaridan kelib chiqqan. U “o'zgarish” va “oldinga” degan ma'nolarni anglatadi hamda jamiyat va davlat o'zgarishi bilan bog'liq jarayonlarni ifodalash uchun ishlatiladi (Lamazhaa, 2011). “Transformatsiya” tushunchasiga turli olimlar va tadqiqotchilar tomonidan turlicha ta'riflar berilgan.

Xususan, M.A. Lipchanskaya, A.V. Shindina (2025) quyidagicha ta'rif keltiradi: zamonaviy yuridik fanda “raqamlashtirish” hamda “raqamli transformatsiya” tushunchalari uchraydi va bu ikki atama bir xil ma'noni anglatmaydi. Ya'ni “raqamlashtirish” – amaldagi va yangi texnologiyalarni joriy etish bo'lsa, “raqamli transformatsiya” esa raqamli texnologiyalardan foydalanish orqali kengroq o'zgarishlarni qamrab oladi. Negaki, u o'zgaruvchan sharoitlarga moslashish hamda yangi qadriyatlarni yaratish maqsadida raqamli imkoniyatlardan foydalanish uchun jarayonlarni kompleks, strategik o'zgartirishga qaratilgan. E.V. Poluyanova (2025) esa quyidagicha ta'rif beradi: “raqamli transformatsiya” atamasi IT-aktivlardan foydalanish orqali davlat xizmatlarini ko'rsatish va davlat funksiyalarini elektron shaklda bajarish tizimini o'zgartirishga qaratilgan harakatlar majmui hisoblanadi”. Albatta, jamiyatda yuzaga keladigan ijtimoiy-madaniy o'zgarishlar, ular rasmiy yoki huquqiy jihatdan o'zgarishsiz qolgan taqdirda ham, ijtimoiy institutlar tizimi faoliyatining xarakteriga jiddiy ta'sir ko'rsatadi (Chrysosgelos, 2020).

Davlat huquqiy siyosati – davlat tomonidan jamiyat hayotining barcha sohalarida huquqiy tartibotni ta'minlash, huquqiy ri-

vojlantirishni boshqarish, shuningdek, huquqiy munosabatlarni tartibga solish uchun olib boriladigan strategik faoliyatlardan biri. Davlat huquqiy siyosati davlatning huquqiy mafkurasi hamda amaliy faoliyatini o'z ichiga oladi. Davlat huquqiy siyosati – davlatning huquqiy mafkurasi, ya'ni g'oyalar, nazariyalar, konsepsiyalar hamda dasturlar majmui bo'lib, ular ko'pincha normativ-huquqiy hujjatlar shaklida mustahkamlanadi. A. Mazurenkoning (2004) fikriga ko'ra, huquqiy siyosat jamiyatni boshqarishning eng samarali va oqilona shakllaridan biri sanaladi. Prinsipial jihatdan, har qanday oqilona siyosat huquqiy bo'lishi kerak, ya'ni qonunlarga, yuridik me'yorlarga muvofiq bo'lishi, xalqaro standartlarga va inson huquqlari g'oyalariga javob berishi lozim.

Davlat huquqiy siyosati transformatsiyasi – davlatning huquqiy tizimi hamda siyosatining tubdan o'zgarishi, zamonaviy ijtimoiy, siyosiy, iqtisodiy va texnologik omillar ta'sirida huquqiy tartibot hamda boshqaruv usullarining yangilanish jarayoni. Ushbu tushuncha orqali huquqiy siyosatning doimiy rivojlanishi va moslashuvchanligi, shu jumladan, davlat va jamiyat o'rtasidagi munosabatlarning o'zgarishi tushuniladi.

Huquqiy tizimni isloh qilish jamoat xavfsizligini ta'minlash sharoitida alohida ahamiyatga ega. Huquqiy tartibga solish samaradorligining asosiy omillari – huquqiy normalarning jamiyat ehtiyojlariga muvofiqligi, ijtimoiy munosabatlarni tartibga solishning to'liqligi va huquqiy tartibga solishning aniq-ligi, shu jumladan, huquqiy va ma'naviy-axloqiy me'yorlarning izchilligi (Stepanova, 2025).

Davlat huquqiy siyosati transformatsiyasi natijasida huquqiy tizim moslashuvchan hamda zamonaviy ijtimoiy ehtiyojlarga javob bera oladigan bo'ladi. Bu jarayon huquqiy islohotlar, institutsional o'zgarishlar, shuningdek, jamiyatning faol ishtiroki orqali amalga oshiriladi. Transformatsiya huquqiy siyosatni faqat tashkiliy yoki protsessual o'zgarish

emas, balki mazmunan va strategik rivojlantirish sifatida talqin etadi.

Davlat huquqiy siyosati transformatsiyasining asosiy yo'nalishlari quyidagilarda namoyon bo'ladi:

- konstitutsiyaviy va huquqiy islohot;
- texnologik va raqamli transformatsiya;
- jamiyat ishtiroki va inklyuzivlik;
- samarali boshqaruv va innovatsiya.

Konstitutsiyaviy va huquqiy islohotlar yo'nalishi doirasida konstitutsiyaviy o'zgarishlar, huquqiy plyuralizm hamda xalqaro standartlar doirasidagi qoidalarini tushunishimiz mumkin. Milliy huquq tizimini o'zgartirish adolatli demokratik davlat poydevorini shakllantiradigan muhim jarayonlardan biri sanaladi. Ba'zi huquqiy tizimlar inklyuzivlik va adolat yo'lida muhim qadamlar qo'ygan bo'lsa-da, boshqalari esa demokratik taraqqiyotga to'sqinlik qiluvchi eskirgan amaliyotlarda saqlanib qolmoqda. Amaldagi huquqiy bazalarning asosiy cheklolaridan biri – ularning marginal guruhlarini yetarli darajada himoya qila olmasligi. Ko'pgina yurisdiksiyalarda qonunlar bir xilda qo'llanmaydi, buning natijasida esa ozchiliklar, ayollar va boshqa zaif aholi vakillariga nisbatan tizimli diskriminatsiyaga olib keladi. Bu adolatsizlik nafaqat adolat tamoyillariga putur yetkazadi, balki aholining huquq tizimiga bo'lgan ishonchini ham yo'qotishi mumkinligi bilan ahamiyatlidir. Bu kabi nomutanosibliklarni bartaraf etish yanada inklyuziv va adolatli huquqiy muhitni ta'minlash uchun muhim ahamiyatga ega hisoblanadi. Shuningdek, siyosiy hokimiyatning huquqiy jarayonlarga ta'sirini ham e'tibordan chetda qoldirib bo'lmaydi. Ba'zi hollarda qonunlar jamiyat manfaati uchun emas, balki hokimiyatdagi-larning manfaatlarini ko'zlab o'zgartiriladi. Adolatli demokratik davlatga erishish uchun huquqiy jarayonlarni siyosiy aralashuvlardan himoya qiluvchi mexanizmlarni yaratish zarur.

Shu jumladan, milliy huquqiy o'zgarishlarda xalqaro huquqning o'rni muhim aha-

miyatga egadir. Xalqaro huquq milliy huquq tizimining bazalarini shakllantirish hamda adolatli demokratik davlat sari o'zgarishlarni rag'batlantirishda muhim rol o'ynaydi. Ratifikatsiya qilingan xalqaro shartnomalar va konvensiyalarda belgilangan tamoyillar davlatlarning milliy huquqiy asoslarini qayta shakllantirishga xizmat qiladi.

"Texnologik va raqamli transformatsiya" tushunchalari orqali raqamlashtirish, axborot texnologiyalari, shuningdek, yangi huquqiy subyektlarni misol sifatida keltirish maqsadga muvofiqdir. Aytish joizki, axborot zamonaviy jamiyat ishtirokchilarining o'zaro munosabatlarida asosiy omillardan biri sanaladi. Ammo uni raqamli muhitda, raqamli dunyoda olishning "streaming" tamoyili huquqiy bilimlardan bir xilda foydalanishni kafolatlamaydi. Raqamli formatda faoliyat yuritish jarayonida insonlar muayyan darajada hayotiy vaziyatga mos keladigan, dolzarblik hamda ishonchlilikka javob beradigan yuqori sifatli huquqiy ma'lumotlarning yetishmasligi muammosiga duch kelishadi.

Huquqiy axborotdan foydalanish imkoniyati ikki jihatni nazarda tutadi:

- 1) axborotga kirishning amaldagi imkoniyati;
- 2) ma'lumotlarning jismoniy shaxs uchun ishonarliligi.

Ba'zi olimlar ushbu faoliyatni siyosiy jihatdan aniqlangan faoliyatning (huquqiy siyosat) alohida turi sifatida tan olmaydilar va uni pozitiv huquqning maxsus huquqiy toifalari sifatida ko'radi: kibermakonning huquqiy nazariyasi, raqamli texnologiyalar qonuni, axborot xavfsizligini huquqiy qo'llab-quvvatlash va boshqalar. Ammo bu fikrlar ushbu faoliyatni konstitutsiya, ijtimoiy qadriyatlar va manfaatlarini himoya qilish, davlat hokimiyati hamda tabiiy huquq tamoyillari bilan bog'lamaydi. Negaki, raqamli jamiyatda axborot umumiy qadriyatga aylanadi va tobora murakkablashib borayotgan ijtimoiy dinamika sharoitida huquqiy tan olish, farqlash,

himoya qilish, ta'minlash va boshqarishni talab qiladi. Shu munosabat bilan ushbu faoliyatni "huquqiy siyosat" deb atash maqsadga muvofiqdir.

Yuqoridagilardan tashqari, huquqiy siyosatning funksiyalariga raqamli texnologiyalar sohasidagi subyektlar o'rtasidagi munosabatlarni yaratish va qonunchilik bilan tartibga solish, yangi axborot-kommunikatsiya texnologiyalarini huquqiy mustahkamlash, himoya qilish hamda ko'paytirish uchun shart-sharoitlarni tashkil etish ham kiradi. Zamonaviy axborot texnologiyalari – rasmiy huquqiy axborot tizimlari, sud amaliyoti ma'lumotlar bazalari, davlat organlarining rasmiy internet portallari – vaqt o'tgani sayin ma'lumotlar bilan tezkor operatsiyalarni amalga oshirish imkonini beruvchi tahliliy vositalarni yaratish imkonini beradi (Gavrilova & Rybakova, 2021).

Huquqiy siyosatning transformatsiyasi bugungi kunda zamonaviy davlat boshqaruvida ijtimoiy faollik, *fuqarolik jamiyati institutlari ishtiroki hamda inklyuzivlik* tamoyillarining kuchayishi bilan chambarchas bog'liqdir. Bu yo'nalish demokratik taraqqiyotning asosiy belgisi hisoblanib, huquqiy tizimni faqat davlat irodasiga tayanmasdan, balki jamiyat manfaatlarini va ehtiyojlariga mos holda rivojlantirishni ko'zda tutadi.

Jamiyat ishtiroki – fuqarolarning, nodavlat notijorat tashkilotlarning, ommaviy axborot vositalarining hamda boshqa ijtimoiy subyektlarning huquqiy siyosatni shakllantirish va amalga oshirish jarayonlarida faol qatnashishi. Ushbu ishtirok qonun loyihalarini muhokama qilish, davlat dasturlarini baholash, jamoatchilik eshituvi va ijtimoiy nazorat kabi mexanizmlar orqali ifodalanadi. Jamoatchilik nazorati, bir tomondan, fuqarolik jamiyati institutlarining shakllanishi va rivojlanishi bilan bog'liq tarzda rivojlanib boradi, boshqa tomondan esa jamoatchilik nazoratining rivojlanishi fuqarolik jamiyati institutlarining yanada mustahkamlanishiga turtki beradi (Botirov, 2022).

Shunday qilib, huquqiy siyosat endilikda “yuqoridan pastga” tamoyili asosida emas, balki “hamkorlikda boshqaruv” yondashuvi orqali shakllanmoqda. Inklyuzivlik esa barcha ijtimoiy qatlamlar, shu jumladan, ayollar, yoshlar, nogironligi bo'lgan shaxslar, etnik hamda diniy ozchiliklar, ijtimoiy jihatdan himoyaga muhtoj guruhlarining huquqiy siyosatdagi teng ishtirokini anglatadi. Inklyuziv yondashuv nafaqat adolat tamoyilini ta'minlaydi, balki huquqiy siyosatning samaradorligini ham oshiradi. Negaki, turli ijtimoiy guruhlarining fikr hamda tajribalari siyosiy qarorlarning hayotiylikini mustahkamlaydi. Bugungi global tendensiyalar shuni ko'rsatmoqdaki, jamiyat ishtiroki hamda inklyuzivlik ijtimoiy barqarorlikni ta'minlaydi, korrupsiya xavfini kamaytiradi. Xususan, BMT, Yevropa Ittifoqi va OECD tomonidan ilgari surilgan “Inclusive Governance” konsepsiyasi davlat siyosatini ishlab chiqishda ochiqlik, hisobdorlik va fuqarolar bilan muloqot tamoyillariga asoslanadi. O'zbekiston ham ushbu yondashuvni bosqichma-bosqich milliy huquqiy tizimiga tatbiq etmoqda. So'nggi yillarda mamlakatda jamoatchilik eshituvi, qonun loyihalarini ochiq muhokama qilish platformalari hamda elektron hukumat tizimlari orqali fuqarolarning huquqiy siyosatdagi ishtiroki kengaymoqda. Natijada jamiyat ishtiroki va inklyuzivlik huquqiy siyosat transformatsiyasining markaziy komponentiga aylanmoqda. Bu esa huquqiy davlat hamda fuqarolik jamiyatining o'zaro uyg'un rivojlanishini ta'minlaydigan muhim omillardan biridir.

Samarali boshqaruv – jamiyat hayotining huquqiy, tashkiliy va madaniy jihatlarini o'zida mujassam etuvchi, davlat tomonidan huquqiy normalar, institutlar hamda mexanizmlar orqali tartibga solinadigan ijtimoiy tizim sanaladi. Ushbu tushuncha davlatning normativ-huquqiy faoliyatini faqatgina qonun chiqarish jarayoni sifatida emas, balki ijtimoiy munosabatlarni barqarorlashtiruvchi, nizolarning oldini oluvchi hamda hamkorlik

asosida boshqariluvchi tizim sifatida talqin etadi.

Institutsional-huquqiy tartib – huquqiy institutlar, huquqiy tartibotni ta'minlash, madaniy-huquqiy qadriyatlar va an'analarni rivojlantirish, kelishuv va ijtimoiy konsensusga asoslangan jarayonlarning uyg'unlashuvidan iborat. Zamonaviy dunyoda samarali boshqaruv, ya'ni institutsional tartibga solish tizimi, ko'plab omillar va sabablar ta'sirida o'zgaruvchan hamda dinamik jarayon hisoblanadi. Raqamli texnologiyalarning keng joriy etilishi, huquqiy munosabatlarning yangi turlari paydo bo'lishi sharoitida institutsional tartibga solishning huquqiy vositalariga o'zgartirishlar kiritilishi davlat boshqaruvining tartibga soluvchi shakllarini zamonaviy sharoitlarga moslashtirish zaruratini tug'diradi.

E.V. Vorobyovanning (2005) fikricha, “institutsional-huquqiy tartib” atamasi davlat tomonidan qo'llab-quvvatlanadigan, davlatning huquqiy hamda tartibga soluvchi faoliyati va madaniy rivojlanishining o'ziga xos xususiyatlarini aks ettiruvchi, ijtimoiy ahamiyatga ega va nizolarsiz munosabatlar shakllari hamda modellarining barqarorligi, tartiblilik va takror ishlab chiqarilishini ta'minlaydigan, ijtimoiy hayotning huquqiy, mafkuraviy, jamoaviy va kelishuv asosida rasmiylashtirilgan tashkil etilishidir.

Kovalyovanning (2021) ta'kidlashicha, institutsional tartibga solish ijtimoiy erkinlikni ifodalovchi yuqori samarali tizim bo'lib, u tegishli huquqiy hujjatlarning mavjudligi va ijtimoiy munosabatlarning barqaror saqlanishini nazarda tutadi. Keltirilgan ta'riflar o'rganilayotgan fenomenni chuqur ilmiy tahlil qilish urinishini ifodalaydi, ammo bizning nuqtayi nazardan olib qaraganda, ushbu ta'riflar haddan ziyod detallashtirilganligi bilan ajralib turadi, bu esa ularning mazmun-mohiyatida ko'rib chiqilayotgan tushunchaning ma'nosini aniq tushunishga xalaqit beradi.

Bizning nuqtayi nazarimizdan, davlat huquqiy siyosati transformatsiyasini aniq-

lashga oid yondashuvni Kryvytskyy (2023) ushbu mavzuga oid o'z ishida namoyish etgan. Uning fikricha, *huquqiy transformatsiya huquqiy rivojlanishning shakllanishi, faoliyat yuritishi, yo'q qilinishi kabi huquqiy o'zgarishlar bilan birga tarkibiy qismi sanaladi hamda huquqiy evolyutsiya, huquqiy inqilob, huquqiy islohot ko'rinishida ham amalga oshiriladi. Shuningdek, huquqiy voqelikdagi o'zgaruvchan jarayonlarga yuzlanish tubdan yangi voqelikka sabab bo'lgan huquqiy taraqqiyotning maqbul, samarali modelini ilmiy izlashni davom ettirishdan iboratligi* haqida ta'kidlagan. Keltirilgan ushbu ta'rif hodisaning mazmun-mohiyatini yetarlicha to'liq aks ettiradi. Negaki, bir tomondan, huquqiy siyosat transformatsiyasi huquqiy rivojlanishning tarkibiy qismi sifatida namoyon bo'lishi, ya'ni huquqiy tizimning shakllanishi hamda faoliyat yuritishi yoki yangilanishi (bir-biriga zid normalarning bekor qilinishi va yangi normalar bilan to'ldirilishi)ni ko'rsatsa, boshqa tomondan esa evolyutsiya, inqilob hamda islohotlarning uyg'un shakli sifatida huquqiy voqelikdagi o'zgarishlar bilan chambarchas bog'liqligini ifodalaydi.

A. Wicaksana, A. Putri, M. Orias (2025) fikrlariga ko'ra, milliy huquqning adolatli demokratik davlat sari o'zgarishi ko'p qirrali jarayonlardan biri bo'lib, *u tarixiy sharoitlarni, amaldagi qonunchilik asoslarini hamda marginal guruhlar duch kelayotgan tizimli muammolarni har tomonlama tushunishni talab qiladi*. Oldinga boradigan yo'l fuqarolik jamiyati bilan hamkorlikni, marginal ovozlarni himoya qilishni, shuningdek, xalqaro inson huquqlari standartlariga rioya qilishni o'z ichiga olishi kerak.

Ushbu ta'rifning ilmiy qiymati quyidagilardan iborat:

birinchidan, milliy huquq tizimining evolyutsiyasini tushunish uchun tarixiy sharoitlarga e'tibor qaratish lozimligi, xususan, avtoritar tuzumdan demokratik boshqaruv shakliga o'tish jarayonida faqatgina konstitutsion o'zgarishlar bilan emas, balki u jami-

yatda huquqiy ong va huquqiy madaniyatni shakllantirish, fuqarolarning o'z huquq va erkinliklarini anglab, ulardan amalda foydalanish ko'nikmalarini rivojlantirishni o'z ichiga oladi;

ikkinchidan, bu nafaqat mavjud qonunlarni qayta ko'rib chiqishni, balki ularning barcha demografik qatlamlarda adolatlilik qo'llanishini ta'minlash mexanizmlarini amalga oshirishni o'z ichiga oladi;

uchinchidan, marginal guruhlarining huquqiy holati, ya'ni ayollar, nogironlar, etnik ozchiliklar, yoshlar va boshqa shu kabi aholi qatlamlarining manfaatlarini hisobga olish va ularning huquqlarini real tarzda himoya qilish.

Boshqa olimlarning fikrlariga tanqidiy ruhda yondashgan A.Y. Gavrilova va S.O. Rybakova (2021)ning ta'kidlashicha, raqamli jamiyatda axborot umumiy qadriyatga aylangan hamda tobora murakkablashib borayotgan ijtimoiy dinamika sharoitida huquqni tan olish, farqlash, himoya qilish, ta'minlash va boshqarishni talab qiladi. Shu munosabat bilan ushbu faoliyatni "huquqiy siyosat" deb atash maqsadga muvofiq hisoblanadi. Demak, raqamli muhitda huquqni boshqarish, muhofaza qilish hamda rivojlantirishga qaratilgan har qanday faoliyatni "huquqiy siyosat" deb belgilash nafaqat terminologik, balki konseptual jihatdan ham eng to'g'ri yondashuv sanaladi. Chunki aynan huquqiy siyosat orqali davlat axborotga asoslangan boshqaruv tizimini yaratadi, inson huquqlarini zamonaviy sharoitda kafolatlaydi hamda jamiyatda adolat, barqarorlik va ishonch muhitini ta'minlaydi.

Zamonaviy hayotda ilmiy va texnologik o'zgarishlar sharoitida ushbu munosabatlarning barcha ishtirokchilari ma'lumotlarni olish va ulardan foydalanish qoidalari hamda tartiblarini inobatga olishlari zarur. Axborot jamiyatida inson huquqlarini himoya qilish bilan bog'liq xavf tushunchasi alohida e'tibor talab etadi. Shuningdek, xorijiy va xalqaro xizmatlardan foydalanuvchilarning konstitutsiyaviy huquqlarini amalga oshirish uchun

yeterli kafolatlar hamda tezkor mexanizmlarining mavjud emasligi ham muhim muammo sifatida ko'rsatib o'tiladi.

Mazkur vazifalarni muvaffaqiyatli amalga oshirish jarayonida bir qator savollar tabiiy ravishda yuzaga keladi:

1. Insoniyat ilg'or axborot texnologiyalari aylanishini boshqarish qobiliyatiga egami?

2. Huquqiy siyosatni o'zgartirish jarayonida qanday nazorat shakllari eng maqbul sanaladi?

3. Axborot texnologiyalarining rivojlanishi inson hayotida qanday oqibatlarini keltirib chiqaradi?

Umumiy xulosa sifatida ta'kidlash joizki, davlat huquqiy siyosatini o'zgartirish jarayonini huquqiy siyosatning alohida tarmog'i sifatida ilmiy asoslangan va real hayot talablariga mos tarzda ishlab chiqish zarur. Ana shundagina u mamlakat miqyosida asosiy strategik siyosat yo'nalishiga aylanishi mumkin.

Xulosa

Xulosa qilib aytganda, davlat huquqiy siyosatining transformatsiyasi jarayoni – fuqarolarning huquq va erkinliklarini, adolatni ta'minlagan holda mavjud huquqiy tizimni zamon talablariga moslashtirish jarayoni. Huquqiy voqelikni raqamlashtirish sharoitida huquqiy siyosatni o'zgartirish jarayoni faol amalga oshirilmoqda. Uning o'ziga xos jihati huquqiy hujjatlar, davlat boshqaruvi funksiyalari hamda zamonaviy axborot texnologiyalarining uzviy uyg'unligidadir.

Tadqiqot natijalariga asoslanib, quyidagi takliflar ilgari suriladi:

1. Davlat huquqiy siyosati transformatsiyasi davlat va huquq nazariyasining asosiy kategoriyalaridan biri sifatida mustaqil ilmiy maqomga ega bo'lishi, shuningdek, ushbu yo'nalish uchun tizimli konsepsiya ishlab chiqilishi zarur. Mazkur konsepsiya asosida "huquqiy siyosat transformatsiyasi" tushunchasining umumqabul qilingan ilmiy ta'rifi ishlab chiqilishi lozim.

2. Raqamli platformalar (xususan, sun'iy intellekt) yordamida normativ-huquqiy hujjatlarni tahlil qilish tizimini joriy etish maqsadga muvofiqdir. Bunday texnologiyalar huquqiy kolliziyalar va takrorlanishlarni aniqlash imkonini berib, qonunchilik tizimidagi qarama-qarshiliklar va "bo'shliqlar"ning oldini olishga xizmat qiladi.

3. O'zbekiston Respublikasining "Davlat huquqiy siyosati transformatsiyasi to'g'risida"gi Qonunini ishlab chiqish va qabul qilish zarur. Ushbu hujjatda huquqiy siyosat transformatsiyasining maqsadi, prinsiplari, uni amalga oshirishga mas'ul subyektlar doirasi, asosiy yo'nalishlari hamda amalga oshirish mexanizmlari aniqlanishi lozim.

4. Davlat huquqiy siyosati transformatsiyasi fanini oliy yuridik ta'lim muassasalari o'quv dasturlariga mustaqil fan sifatida kiritish maqsadga muvofiq. Bu orqali talabalarda huquqiy siyosat va uning transformatsiyasi jarayonini chuqur anglashga yordam beruvchi ilmiy dunyoqarashni shakllantirish mumkin bo'ladi.

REFERENCES

1. Botirov, D. O. (2022). Jamoatchilik nazorati davlat farovonligining muhim omili [Public control is an important factor in the well-being of the state.]. *Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*, 2(2), 513–518 <https://cyberleninka.ru/article/n/jamoatchilik-nazorati-davlat-farovonligining-muhim-omili>
2. Chrysosgelos, A. State transformation and populism: From the internationalized to the neo-sovereign state? *Politics*, 2020. 40(1), 22–37.

3. Gavrilova, Y. & Rybakova, O. (2021). *The Transformation of Legal Policy in the Context of Digitalization of the Legal Reality*. 17–23. <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.2>
4. Kovalyova, V. V. (2021). The Fundamental Legal Values of Modern Legal Regulation. SHS Web Conf. 14th Session of Euro Asian Law Congress The Value of Law 2021. <https://doi.org/10.1051/shsconf/202213400080>
5. Kryvytskyi, Y. (2023). *Legal transformation as a component of modern Legal development*. Transformation legislation of Ukrain in modern conditions doctrinal approaches and measurements. <https://doi.org/10.33663/2524-017x-2023-14-248-253>
6. Lamazhaa, CH. K. (2011). Sotsial'naya transformatsiya [Social transformation]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, [Knowledge. Understanding. Skill]. 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-transformatsiya>
7. Leibfried, S., Huber, E., Lange, M., Levy, J. D., Nullmeier, F., Stephens, J. D., (2015). *Transformations of the state*. Oxford university Publ. 1.
8. Lipchanskaya, M. A., & Shindina, A. V. (2025). Osobennosti tsifrovoy transformatsii sel'skikh munitsipalitetov: konstitutsionno-pravovoye issledovaniye [Features of the digital transformation of rural municipalities: a constitutional and legal study]. *Bulletin of Tomsk State University. Law*, 55, 66–77. doi:10.17223/22253513/55/6
9. Mazurenko, P. (2004). *Pravotvorcheskaya Politika V Rossiyskoy Federatsii: Problemy Teorii I Praktiki* [Lawmaking Policy in the Russian Federation: Problems of Theory and Practice]. Dissertation Candidate of Law. 24
10. Poluyanova, E. V. (2025). Tsifrovaya transformatsiya sistemy gosudarstvennogo upravleniya [Digital transformation of the public administration system]. *Agrarnoye i zemel'noye pravo*, [Agrarian and land law]. 1, 75–77. doi:10.47643/1815- 1329_2025_1_75
11. Safarov, B. O'. (2021). Transformatsiya jarayonida davlat va jamiyat munosabatlari va ularning o'zaro ta'siri [The history of state-society relations in the transformation zone]. *Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*, 1(3), 741–745.
12. Stepanova, M. N. (2025). Regulyrovaniye pravootnosheniy v epokhu tsifrovoy transformatsii [Regulating legal relations in the era of digital transformation]. *Law and order: history, theory, practice*, 1(44), 44–49. doi:10.47475/2311-696X-2025-44-1-44-49.
13. Vorobieva, E. V. (2005). *The Institutional and Legal Order in Modern Russia*. Extended Abstract of the Cand.Sci. (Law) Dissertation. Rostov-on-Don, 28.
14. Weible, C. M., Berglund, O. Y. Dunlop, C., & Koebele, E. A. (2022). Transformational change through public. Policy and Administration, 50(3), 302–317. <https://doi.org/10.1332/030557322X16546739608413/>
15. Wicaksana, A., Putri, A., Orias, M. (2025). Transformation of National Law Towards a Just Democratic State. *Journal of Law and Humanity Studies*. <https://doi.org/10.59613/xbfbde43>

Kelib tushgan / Получено / Received: 09.09.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 10.10.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 27.10.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.5./KBWG3862

UDC: 342.4(045)(575.1)

YANGI O'ZBEKISTON PARLAMENTI: ZAMONAVIY HOLATI VA KELAJAK ISTIQBOLLARI

Safarov Djaxongir Ismoilovich,

O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Administratsiyasi shu'ba mudiri,
yuridik fanlar doktori, dotsent
ORCID: 0009-0000-7199-4071
e-mail: jaxongir@mail.ru

Annotatsiya. Mazkur maqolada Harakatlar strategiyasi, Yangi O'zbekistonning taraqqiyot strategiyasi va "O'zbekiston – 2030" strategiyasi, ularning ijrosi bo'yicha qabul qilingan 9 ta davlat dasturi hamda yangi tahrirdagi O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi asosida yurtimizda parlamentarizmni mustahkamlash bo'yicha amalga oshirilgan islohotlar tahlil qilindi. Tahlillar asosida parlamentarizmni mustahkamlash, Oliy Majlisning davlat va jamiyat hayotidagi rolini oshirish bo'yicha o'nta asosiy tendensiya aniqlanib, ularning mazmun-mohiyati yoritib berilgan. Shu bilan birga, yangi O'zbekiston parlamentining kelajak istiqbollari va parlamentarizmni mustahkamlash bo'yicha bir qator takliflar ilgari surilgan.

Kalit so'zlar: konstitutsiyaviy-huquqiy islohotlar, parlament, Oliy Majlis, Qonunchilik palatasi, Senat, parlament nazorati, qonun ijodkorligi, parlamentarizm, hududiy vakillik

ПАРЛАМЕНТ НОВОГО УЗБЕКИСТАНА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сафаров Джахонгир Исмоилович,

доктор юридических наук, доцент,
заведующий отделом Администрации
Президента Республики Узбекистан

Аннотация. В статье проведён анализ реформ, направленных на укрепление парламентаризма в Узбекистане, реализуемых в рамках Стратегии действий, Стратегии развития Нового Узбекистана и Стратегии «Узбекистан-2030», а также девяти государственных программ, принятых для их реализации. Особое внимание уделено изменениям, основанным на новой редакции Конституции Республики Узбекистан, в результате которых был заложен прочный фундамент для развития современной парламентской системы. На основе проведённого анализа выявлены десять ключевых тенденций укрепления парламентаризма и повышения роли Олий Мажлиса в государственной и общественной жизни, раскрыты их содержание и значение для демократических преобразований. Кроме того, в статье рассматриваются перспективы дальнейшего развития парламента Нового Узбекистана, а также предлагается ряд практических рекомендаций по укреплению парламентаризма, совершенствованию законодательного процесса и повышению эффективности парламентского контроля.

Ключевые слова: конституционно-правовые реформы, парламент, Олий Мажлис, Законодательная палата, Сенат, парламентский контроль, нормотворчество, парламентаризм, территориальное представительство

THE PARLIAMENT OF NEW UZBEKISTAN: CURRENT STATE AND FUTURE PROSPECTS

Safarov Djakhongir Ismoilovich,

Doctor of Science in Law, Associate Professor,
Head of Department of the Administration of the President
of the Republic of Uzbekistan

Abstract. This article analyzes the reforms carried out in our country to strengthen parliamentarism based on the Action Strategy, the New Uzbekistan Development Strategy, and the "Uzbekistan – 2030" Strategy, the 9 state programs adopted for their implementation, and the Constitution of the Republic of Uzbekistan in the new edition. Based on the analysis, ten main trends in strengthening parliamentarism and increasing the role of the Oliy Majlis in the life of the state and society were identified, and their essence was highlighted. At the same time, a number of proposals were put forward regarding the future prospects of the new parliament of Uzbekistan and the strengthening of parliamentarism.

Keywords: constitutional-legal reforms, parliament, Oliy Majlis, Legislative Chamber, Senate, parliamentary control, law-making, parliamentarism, territorial representation

Kirish

Yangi O'zbekistonni barpo etish bo'yicha boshlangan keng ko'lamli islohotlar tizimida siyosiy islohotlar, avvalo, parlamentning davlat va jamiyat hayotidagi rolini mustahkamlash hamda vakolatlarini kengaytirish masalasi ustuvor yo'nalishlardan birini tashkil etdi.

Harakatlar strategiyasi, Yangi O'zbekistonning taraqqiyot strategiyasi va "O'zbekiston – 2030" strategiyasi, yangi tahrirdagi Konstitutsiya – parlament islohotlari uchun huquqiy asos

Zamonaviy parlamentarizmni barpo etish Harakatlar strategiyasi (2017–2021), Yangi O'zbekistonning taraqqiyot strategiyasi (2022–2023), "O'zbekiston – 2030" strategiyasi (2024–h.v.) kabi mamlakat taraqqiyot yo'li va yo'nalishlarini belgilab beruvchi fundamental hujjatlarda ustuvor yo'nalish va maqsadlardan biri sifatida belgilanganligi ham bu fikrimizni tasdiqlaydi.

Xususan, O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2017-yil 7-fevraldagi PF-4947-sonli farmoni bilan tasdiqlangan 2017–2021-yillarda O'zbekiston Respub-

likasini rivojlantirishning beshta ustuvor yo'nalishi bo'yicha Harakatlar strategiyasi 5 ta yo'nalishdan iborat bo'lib, uning "Davlat va jamiyat qurilishi tizimini takomillashtirishning ustuvor yo'nalishlari" deb nomlangan 1-ustuvor yo'nalishning 1-kichik bo'limi "Demokratik islohotlarni chuqurlashtirish va mamlakatni modernizatsiya qilishda Oliy Majlis, siyosiy partiyalarning rolini yanada kuchaytirish" deb nomlangan.

Unda "davlat hokimiyati tizimida Oliy Majlisning rolini oshirish, uning mamlakat ichki va tashqi siyosatiga oid muhim vazifalarni hal etish hamda ijro hokimiyati faoliyati ustidan parlament nazoratini amalga oshirish bo'yicha vakolatlarini yanada kengaytirish" Harakatlar strategiyasidagi eng birinchi vazifa sifatida belgilandi.

O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2022-yil 28-yanvardagi PF-60-son Farmoni bilan tasdiqlangan 2022–2026-yillarga mo'ljallangan Yangi O'zbekistonning taraqqiyot strategiyasi 100 ta maqsadni qamrab oluvchi 7 ta ustuvor yo'nalishdan iborat. Mazkur strategiyaning "Inson qadrini yuksaltirish va erkin fuqarolik jamiyatini yanada rivojlan-

tirish orqali xalqparvar davlat barpo etish” deb nomlanuvchi 1-yo‘nalishining 7-maqsadi “Mamlakatimizdagi islohotlarni izchil davom ettirishda Oliy Majlis palatalari va siyosiy partiyalar rolini yanada oshirish”ni nazarda tutadi.

Ushbu maqsadga erishish uchun 7 ta yo‘nalish belgilangan, bular Oliy Majlis palatalarining vakolatlarini kengaytirish, mavjud muammolarni hal etish uchun ta’sirchan choralar ishlab chiqishda Oliy Majlis palatalari va siyosiy partiyalar rolini yanada kuchaytirish, qonunlarning amaliyotda so‘zsiz va to‘liq ijro etilishini ta’minlashda parlament ishtirokini kengaytirish, qonun ijodkorligi va parlament nazoratini amalga oshirishning amaldagi mexanizmlarini samaradorlik nuqtayi nazaridan qayta ko‘rib chiqish, Davlat budjetini tasdiqlash va uning ijrosini nazorat qilish doirasida parlament tomonidan mas’ul tashkilotlarga aniq strategik vazifalarni qo‘yish va natijaga qarab ularga so‘rov yuborish amaliyotini joriy qilish, Oliy Majlis palatalarida hududlar bilan to‘g‘ridan to‘g‘ri, shu jumladan, masofaviy ishlash amaliyotini keng joriy qilish, hududlarni rivojlantirish va investitsiya dasturlari muhokamasida tegishli hududdan saylangan deputat va senatorlarning ishtirokini kuchaytirish, “Elektron parlament” doirasida deputatlarni o‘z saylovchilari bilan, senatorlarni hududlardagi fuqarolar bilan bog‘lash, ular bilan to‘g‘ridan to‘g‘ri muloqot olib borish, saylovchilarni qiynayotgan muammolarni muhokama qilish va hal etish jarayonini raqamlashtirish, Qonunchilik palatasi boshqaruv tizimining samaradorligini oshirishdan iborat.

O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2023-yil 11-sentabrdagi PF-158-son farmoni bilan tasdiqlangan “O‘zbekiston – 2030” strategiyasi esa 100 ta maqsadni qamrab oluvchi 5 ta ustuvor yo‘nalishdan iborat bo‘lib, uning “Qonun ustuvorligini ta’minlash, xalq xizmatidagi davlat boshqaruvini tashkil etish” deb nomlanuvchi 4-yo‘nalishida “Xalq xizmatidagi davlat boshqaruvini tashkil etish

va jamoatchilik boshqaruvini takomillashtirish bo‘yicha islohotlar”ni nazarda tutuvchi 4.1.-kichik yo‘nalish belgilangan.

Ushbu kichik yo‘nalishda “Yangi O‘zbekistonni barpo etishda Oliy Majlis palatalari va siyosiy partiyalar rolini yanada oshirish” 79-maqsad sifatida belgilangan bo‘lib, ushbu maqsadga erishish uchun 4 ta vazifa nazarda tutilgan: 1) parlament va uning organlari ish jarayonlarini raqamli transformatsiya qilish, ular tomonidan qarorlar qabul qilish va e’lon qilish jarayonlarini 100 foiz raqamlashtirish; 2) saylovchilar bilan elektron muloqot qilish, deputat so‘rovini elektron tarzda yuborish va nazorat qilish imkoniyatini ta’minlash; 3) qonunchilikka oid takliflarni kiritish va ko‘rib chiqish tartibini joriy qilish; 4) vakillik organlariga saylovning aralash (majoritar-proporsional) tizimini joriy qilish.

Uchta dasturulamal hujjat – Harakatlar strategiyasi, Yangi O‘zbekistonning taraqqiyot strategiyasi va “O‘zbekiston – 2030” strategiyasini taqqoslaydigan bo‘lsak, siyosiy, shu jumladan, parlament islohotlari Harakatlar strategiyasida 1-yo‘nalishning 1-bo‘limi, Yangi O‘zbekistonning taraqqiyot strategiyasida 1-yo‘nalishning 7-maqsadi, “O‘zbekiston – 2030” strategiyasida esa 4-yo‘nalishning 79-maqsadi sifatida belgilangan. Bu degani yangi taraqqiyotning birinchi bosqichida siyosiy islohotlarga asosiy urg‘u berilgan, keyinchalik siyosiy yangilanishlar amalga oshirilganidan so‘ng ustuvorlik ijtimoiy va iqtisodiy islohotlarga qaratilgan.

Ta’kidlash lozimki, 2023-yilgi konstitutsiyaviy islohotlar ham parlamentarizmni mustahkamlashda muhim rol o‘ynadi. Xususan, 2023-yil 30-aprelda referendumda yangi tahrirdagi Konstitutsiyaning qabul qilinishi natijasida siyosiy tizim modernizatsiya qilinib, asosiy davlatchilik institutlari – Parlament, Prezident, Hukumatning o‘zaro munosabatlari hamda siyosiy hayotdagi o‘rni qaytadan ko‘rib chiqildi, parlamentarizm kafolatlari sezilarli kuchaytirilib, parlamentning nazorat vakolatlari kengaytirildi.

Asosiy qism

Yangi O'zbekiston parlamentining zamona-viy holati yoki parlamentarizmni mustahkamlash bo'yicha asosiy tendensiyalar

Harakatlar strategiyasi, Yangi O'zbekistonning taraqqiyot strategiyasi va "O'zbekiston – 2030" strategiyasini 2017–2025-yillarda amalga oshirish bo'yicha har yili qabul qilingan 9 ta davlat dasturi hamda konstitutsiyaviy islohotlar doirasida parlamentning rolini yanada kuchaytirish bo'yicha quyidagi asosiy tendensiyalarni ajratib ko'rsatishimiz mumkin:

Birinchidan, parlament nazorati ta'sirchanligini oshirilib, uning bir qator yangi shakllari joriy etildi:

1) hukumat a'zolarining Qonunchilik palatasi deputatlari savollariga javoblarini eshitish ("Hukumat soati") amaliyoti joriy etildi. Unga ko'ra, Qonunchilik palatasi, qoida tariqasida, bir oyda bir marta o'z majlisida hukumat a'zolarining Qonunchilik palatasi deputatlari savollariga javoblarini eshitadi (2018-yil 8-yanvardagi O'RQ–459-son qonuni);

2) davlat organlari rahbarlarining axborotini eshitish amaliyoti joriy etildi. Ta'kidlash lozimki, bu nazorat shakli dastlab hukumat a'zolari kabi davlat organlari rahbarlari uchun ham "o'z faoliyatiga doir masalalar yuzasidan axborot"ni eshitish sifatida joriy etilgan (2020-yil 10-avgustdagi O'RQ–631-son qonun). Lekin 2024-yildagi tuzatishlardan so'ng Qonunchilik palatasida "Vazirlar Mahkamasi a'zolarining o'z faoliyati masalalari yuzasidan hisobotlari" va "davlat organlari rahbarlarining axboroti" eshitisli belgilandi (2024-yil 19-fevraldagi O'RQ–909-son qonun). Unga ko'ra, Qonunchilik palatasi zarur bo'lgan hollarda o'zining majlisida Vazirlar Mahkamasi a'zolarining o'z faoliyati masalalari yuzasidan hisobotlarini, davlat organlari rahbarlarining axborotini eshitisli mumkin. Ushbu nazorat shaklini qo'llash to'g'risidagi tashabbus qilishga vakolatli subyektlar doirasi ham kengayib borgan. Xususan, dastlab hukumat a'zolari hisoboti va davlat organlari rahbarla-

rining axborotini eshitish to'g'risidagi masalani faqat fraksiyalar tashabbus qilishi mumkin bo'lgan bo'lsa, 2024-yildan bunday vakolat qo'mitalarga ham berildi;

3) Oliy Majlis Senati tomonidan viloyatlar, tumanlar, shaharlar hokimlarining tegishli hududni rivojlantirish masalalari yuzasidan hisobotlarini eshitish amaliyoti yo'lga qo'yildi. Hokimlar hisobotlarini eshitish to'g'risidagi masala Senat tomonidan uning qo'mitalari tashabbusiga ko'ra ko'rib chiqiladi. Hokimlar hisobotlarini eshitish to'g'risida Senat qaror qabul qiladi, qaror tegishli hokimlarga oldindan yuboriladi. Eshitish yakunlari bo'yicha ham Senat qaror qabul qiladi (2018-yil 8-yanvardagi O'RQ–459-son qonuni);

4) Bosh vazir va hukumat a'zolarining davlat dasturi ijrosi bo'yicha Oliy Majlis palatalari oldida har chorakda hisobot berish amaliyoti joriy etildi (O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2019-yil 17-yanvardagi PF–5635-son farmoni, 2019-yil 5-martdagi O'RQ–527-son qonun);

5) hukumat a'zolarini Oliy Majlis Qonunchilik palatasi tomonidan tasdiqlash, bunda hukumat a'zolisiga nomzodning sohani rivojlantirish bo'yicha yaqin muddatga va istiqbolga mo'ljallangan harakat dasturi bilan deputatlar oldida chiqish qilish amaliyoti joriy etildi (2019-yil 5-martdagi O'RQ–527-son qonun);

6) parlament so'roviga, deputat va senator so'rovlariga javob o'z nomiga so'rov yuborilgan mansabdor shaxs yoki uning vazifalarini vaqtincha bajarayotgan shaxs tomonidan imzolanish tartibi belgilandi (2020-yil 10-avgustdagi O'RQ–631-son qonun);

7) vazirlik va idoralar kesimida Davlat budjeti mablag'larining samaradorligi bilan bog'liq bo'lgan maqsadli indikatorlarning bajarilishi yuzasidan hisobotlarni har chorak yakunlari bo'yicha ko'rib chiqish tartibi yo'lga qo'yildi (Qonunchilik palatasining 2022-yil 3-fevraldagi qarori);

8) budjet sohasidagi parlament nazorati mexanizmlari kuchaytirildi. Xususan, huku-

matning Davlat budjetiga doir barcha hisobotlarini Qonunchilik palatasiga faqat audit xulosasi bilan birgalikda kiritiladigan bo'ldi, vazirlik va idoralar uchun belgilangan budjet mablag'laridan foydalanish bilan bog'liq maqsadli indikatorlarning bajarilishi yuzasidan hisobotlarni Qonunchilik palatasi qo'mitalarida har chorak yakunida eshitib borish amaliyoti joriy etildi.

Vazirlar Mahkamasining Davlat budjetining ijrosi to'g'risidagi hisobotlarini Qonunchilik palatasining majlislarida har yarim yilda eshitish, Qonunchilik palatasining qo'mitalarida esa har chorak yakuni bo'yicha ko'rib borish amaliyotini yo'lga qo'yildi.

Hukumat tomonidan tegishli hisobot davri uchun taqdim etilgan Davlat budjetining va davlat maqsadli jamg'armalari budjetlarining ijrosi to'g'risidagi hisobotlar bilan birgalikda O'zbekiston Respublikasining ijtimoiy va ishlab chiqarish infratuzilmasini rivojlantirish dasturining ijro etilishi holati bo'yicha ma'lumotni Oliy Majlis Qonunchilik palatasiga kiritish amaliyoti yo'lga qo'yildi.

Qonunchilik palatasi deputatlari ijtimoiy va ishlab chiqarish infratuzilmasini rivojlantirish dasturida loyihalar portfelini ishlab chiqish va mahalliy kengashlarda ko'rib chiqish jarayonida ishtirok etadigan hamda loyihalar portfeli bo'yicha hukumat tomonidan har yilning 1-iyuniga qadar Qonunchilik palatasi deputatlariga ko'rib chiqish uchun taqdim etiladigan takliflar tizimi joriy etildi.

Birinchi darajali budjet mablag'larini taqsimlovchilarning xarajatlari ustidan parlament nazoratini kuchaytirish maqsadida Qonunchilik palatasi qo'mitalari majlislarida tegishli vazirlik va idoralar rahbarlarining Davlat budjetidan amalga oshirilayotgan rivojlantirish dasturlari hamda ushbu dasturlar maqsadli indikatorlarining bajarilishi yuzasidan o'z faoliyat yo'nalishlaridan kelib chiqib, hisobotlarini eshitib borish amaliyoti yo'lga qo'yildi (2025-yil 30-yanvardagi PF-16-son farmon);

9) Oliy Majlis palatalari qo'mita eshituvi institutining huquqiy asoslari mustahkamlandi (2025-yil 30-yanvardagi PF-16-son farmon).

Ikkinchidan, Qonunchilik palatasi va Senatning hamda parlamentdagi muxolifatning huquq va vakolatlari kengaytirildi.

Xususan, konstitutsiyaviy islohotlar natijasida Qonunchilik palatasining mutlaq vakolatlari 5 tadan 12 taga, Senatning vakolatlari esa 14 tadan 18 taga yetkazildi.

Palatalarning qonun ijodkorligi faoliyatidagi ishtiroki mexanizmlari ham qayta ko'rib chiqilib, Qonunchilik palatasi tomonidan kiritilgan qonunlar Senatda 60 kun ichida ko'rib chiqilishi belgilandi. Basharti Senat ushbu muddatda qonunni ma'qullash yoki rad etish to'g'risida qaror qabul qilmasa, Qonunchilik palatasi qonunni imzolash va e'lon qilish uchun O'zbekiston Respublikasi Prezidentiga yuborishi belgilandi.

Senatga esa qonunchilik takliflarini qonunchilik tashabbusi tartibida Qonunchilik palatasiga kiritish vakolati berildi. Shuningdek, Qonunchilik palatasi tarqatib yuborilgan davrda Senat Oliy Majlisning qonunlarini qabul qilishga doir vakolatlarini bajarishi (Konstitutsiya va konstitutsiyaviy qonunlar mustasno) belgilandi.

Shu bilan birga, Senatning sud va nazorat organlari, huquqni muhofaza qiluvchi organlar va maxsus xizmatlar faoliyati ustidan nazorat funksiyalari, shu jumladan, Senatning mansabdor shaxslarni lavozimiga saylash jarayonidagi vakolatlari kengaytirildi. Xususan, yangi tahrirdagi Konstitutsiyada O'zbekiston Respublikasi Bosh prokurori, O'zbekiston Respublikasi Hisob palatasi rahbarligiga nomzodlar avval Senatda ko'rib chiqilib, keyin Prezident tomonidan tayinlanishi amaliyoti joriy etildi. Eski tartib bo'yicha Bosh prokuror, Hisob palatasining raisini lavozimiga tayinlash va ozod etish masalasi Prezident farmoniga asosan amalga oshirilgan bo'lsa, endi ular Prezident taqdimnomasiga asosan Senat tomonidan saylanadi.

Maxsus xizmatlar faoliyati ustidan parlament nazoratini kuchaytirish maqsadida Davlat xavfsizlik xizmati rahbarligiga nomzod Senat bilan maslahatlashuvlardan so'ng Prezident tomonidan lavozimga tayinlanishi belgilandi. Eski tartib bo'yicha Senat Davlat xavfsizlik xizmati raisini tayinlash va uni lavozimidan ozod etish to'g'risidagi farmonlarini tasdiqlash bilan cheklanardi, ya'ni nomzodni tanlash masalasiga real ta'sir ko'rsatish imkoniyatiga ega emas edi. Aksincha, postfaktum ishlardi, endi esa barvaqt ta'sir ko'rsatish imkoniyatiga ega bo'ladi.

Sud hokimiyatining chinakam mustaqilligini ta'minlash maqsadida Sudyalar oliy kengashining barcha a'zolarini Senat tomonidan saylash tizimi kiritildi (ilgari faqatgina Sudyalar oliy kengashining raisi Senat tomonidan saylanardi).

Bundan tashqari Korrupsiyaga qarshi kurashish agentligi rahbarini lavozimiga tayinlash to'g'risidagi Prezident farmonini tasdiqlash masalasi ham Senatning vakolatiga o'tkazildi.

Yangilangan Konstitutsiya asosida Qonunchilik palatasi va Senatga o'zini o'zi tarqatib yuborish vakolati berildi, ushbu tartibni amalga oshirish uchun tegishlicha deputatlar yoki senatorlar umumiy sonining kamida uchdan ikki qismidan iborat ko'pchilik ovozi bilan qaror qabul qilishi lozim bo'ladi.

Shuningdek, parlamentda muxolifatning kafolatlangan huquqlari yanada kengaytirilib, ularning soni uchtdan oltitaga oshirildi. Xususan, parlamentdagi muxolifat vakillariga 1 nafar qo'mita raisi va 2 nafar qo'mita raisi o'rinbosari lavozimlariga nomzodlar ko'rsatish, qonun loyihasi ikkinchi o'qishda ko'rib chiqilguniga qadar o'sha masalaga doir qonun loyihasining, shuningdek, Qonunchilik palatasi qarori loyihasining muqobil tahririni kiritish hamda har chorakda "Hukumat soati" va parlament so'rovi doirasida muxolifat tomonidan kamida bittadan masala kiritish kabi qo'shimcha vakolatlar berildi (2025-yil 30-iyuldagi O'RQ-1077-son qonun);

Uchinchidan, ikki palata ishidagi takrorlanishlarni bartaraf etish maqsadida har bir palataning mas'uliyat sohasi aniqlashtirildi.

Xususan, yangi tahrirdagi Konstitutsiya bilan hukumatni shakllantirish va uning faoliyatini nazorat qilish, Davlat budjeti ijrosiga oid masalalar Qonunchilik palatasining vakolatiga, hududlar manfaati va ularni rivojlantirish, yangi vazirliklar tashkil qilish to'g'risidagi farmonlarni tasdiqlash masalalari esa Senat vakolatlari doirasiga taalluqli ekanligi mustahkamlandi.

Shuningdek, Senat oldiga qo'yilayotgan yangi vazifalardan kelib chiqib, uni ixcham, xalqchil va hududlar manfaatini ifoda etadigan idoraga aylantirish bo'yicha normalar kiritildi. Xususan, senatorlar soni 100 nafardan 65 nafarga tushirildi, bunda har bir hudud-dan teng ravishda 4 tadan senator saylanishi, Prezident tomonidan tayinlanadigan senatorlar soni esa 16 tadan 9 taga kamaytirildi (Norboboev, 2023).

Qonunchilik palatasi Spikeri va Senat Raisi lavozimga 2 muddatdan ortiq saylanishi bo'yicha cheklov kiritildi.

To'rtinchidan, Oliy Majlis palatalarining davlatning tashqi siyosatini amalga oshirishda roli va mavqeyini oshirishga qaratilgan chora-tadbirlar amalga oshirildi.

Xususan, Oliy Majlis palatalarining davlatning tashqi siyosati amalga oshirilishi, xalqaro huquq normalarining milliy qonunchilikka implementatsiya qilinishi ustidan nazorat vakolatlari mustahkamlandi, xorijiy davlatlar parlamentlari bilan parlamentlararo hamkorlik guruhlar, komissiyalari, qo'mitalari, ishchi guruhlar va boshqa tuzilmalarni tashkil etishning huquqiy mexanizmi takomillash-tirildi, O'zbekistonning milliy manfaatlarini ro'yobga chiqarish uchun parlament diplomatiyasidan foydalanish imkoniyatlari kengaytiriladi (2018-yil 18-apreldagi O'RQ-476-son qonuni) hamda parlament diplomatiyasi konsepsiyasi tasdiqlandi (Qonunchilik palatasi va Senat kengashlarining 2020-yil 25-sentabrdagi qo'shma qarori).

Senat tomonidan O'zbekiston Respublikasining chet davlatlardagi diplomatik vakolatxonalari rahbarlarining o'z faoliyatiga doir masalalar yuzasidan hisobotlarini eshitish tartibi joriy etildi (*2021-yil 14-yanvardagi O'RQ-666-son qonun*). Unga ko'ra, Senat zarur bo'lgan taqdirda o'z majlisida O'zbekiston Respublikasining chet davlatlardagi diplomatik vakolatxonalari rahbarlarining o'z faoliyatiga doir masalalar yuzasidan hisobotlarini mas'ul qo'mitada dastlabki tarzda ko'rib chiqqan holda, ham bevosita, ham videokonferensaloqa rejimida eshitadi. Bu haqda Senat Tashqi ishlar vazirligi tomonidan eshituvni tashkil etish bo'yicha choralari ko'rilishi uchun ushbu vazirlikni oldindan xabardor qiladi. Eshituv yakunlari bo'yicha qabul qilingan Senat qarori o'z hisoboti eshitilgan shaxsga hamda Tashqi ishlar vazirligiga yuboriladi.

Beshinchidan, Oliy Majlis palatalarining okruglarda, joylarda ishlarining holatini o'rganish, xalq bilan muloqot qilishga doir faoliyati takomillashtirildi.

Ushbu yo'nalishda parlamentni xalq bilan yaqinlashtirishga qaratilgan bir qator yangi amaliyotlar joriy etildi. Xususan, 2020-yilda Oliy Majlis Qonunchilik palatasi (*2020-yil 29-iyundagi qaror*) va Senati (*2020-yil 23-iyundagi qaror*) huzurida Yoshlar parlamentlari tashkil etildi, bu yoshlarning qonun ijodkorligi va parlament faoliyatidagi ishtirokini yanada kengaytirish imkonini berdi. Bunda Qonunchilik palatasi huzuridagi Yoshlar parlamenti partiyaviy asoslar bo'yicha shakllansa, Senat huzuridagi Yoshlar parlamenti mahalliy kengashlarning saylangan yosh deputatlari orasidan shakllantiriladi.

Aholini tashvishga solayotgan muammolarni tezkorlik bilan hal qilish maqsadida o'rganilgan masalalar bo'yicha bevosita joylarga borib, vazirlik va idoralar rahbarlari ishtirokida kengash va qo'mitalarning sayyor majlislarini o'tkazish tizimi joriy etildi.

"Deputat yordamchisi" instituti joriy etilib, Qonunchilik palatasi deputatlarining joylardagi jamoatchilik vakillari sifatida tegishli

siyosiy partiya hududiy bo'limlarining vakillari biriktirib qo'yildi. "Mening fikrim" maxsus veb-portali orqali Oliy Majlis palatalariga, xalq deputatlari viloyat, tuman va shahar kengashlariga elektron jamoaviy murojaat qilish tartibi joriy etildi. 2021-yil dekabr oyidan boshlab Qonunchilik palatasi va Senat majlislarini jonli efir orqali namoyish qilish amaliyoti joriy etildi (*2021-yil 16-iyundagi PF-6247-son farmon*), shuningdek, Oliy Majlis palatalari rasmiy veb-saytlari yangilanib, deputat va senatorlarga to'g'ridan to'g'ri murojaat qilish imkoniyati yaratildi.

Qonunchilik palatasi deputatlariga o'zlari saylangan hudud bo'yicha kelgusi yil uchun mo'ljallangan ijtimoiy va ishlab chiqarish infratuzilmasini rivojlantirish dasturlariga kiritiladigan investitsiya loyihalarining shakllantirilishi yuzasidan xalq deputatlari mahalliy kengashlari majlislaridagi muhokamalarda o'z taklif va tavsiyalari bilan ishtirok etish imkoniyati berildi (*Qonunchilik palatasining 2022-yil 3-fevraldagi qarori*).

Qonun ijodkorligi faoliyatida yangi "elektorat bilan maslahatlashuvlar" instituti joriy etilib, siyosiy partiya fraksiyasi tomonidan qonun loyihalarini joylarda jamoatchilik ishtirokida keng muhokamalardan o'tkazib, ularning taklif va tavsiyalari asosida maromiga yetkazish amaliyoti yo'lga qo'yildi.

Oltinchidan, Oliy Majlis Senatining mahalliy kengashlar faoliyatini samarali muvofiqlashtirish bo'yicha vakolatlari kengaytirildi.

Xususan, Senatga kelib tushgan qonunning joylarda mahalliy kengashlar bilan muhokamasini tashkil etishga oid mexanizmlar belgilandi (*Senat Kengashining 2020-yil 29-apreldagi KQ-35-IV-sonli qarori*). Oliy Majlis Senati tomonidan mahalliy kengash deputatlarini, kotibiyat xodimlarini muntazam ravishda o'qitish va malakasini oshirish tizimi yo'lga qo'yildi.

Xalq deputatlari viloyat, tuman, shahar kengashlarining O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi va qonunlariga, O'zbekiston Respublikasi Prezidentining farmonlari, qa-

rorlari va farmoyishlariga zid keladigan qarorlari belgilangan tartibda Oliy Majlis Senati tomonidan bekor qilinishi, bunda bekor qilingan Kengash qarori o'zining amal qilishini tugatishi belgilandi (*2021-yil 14-yanvardagi O'RBQ-666-son qonun*).

Senatda doimiy asosda ishlovchi senatorlar hududlardagi mahalliy kengashlarga mas'ul etib birlashtirildi, ular joylarga chiqib mahalliy kengashlar faoliyatiga amaliy-uslubiy yordam ko'rsatish tartibi yo'lga qo'yildi. Bunda hududlarga birlashtirilgan senatorlar har oyda joylarga chiqib, mahalliy kengashlar sessiyalarida ishtirok etadi hamda respublika darajasida hal etilishi zarur bo'lgan masalalarni Senat qo'mitasi darajasida hal etish choralari ko'radi. Xalq deputatlari mahalliy kengashlarining har birida "senatorlar xonalari" tashkil etildi.

Oliy Majlis Senatining mahalliy davlat hokimiyati vakillik organlariga ko'maklashish sohasidagi faoliyat samaradorligini oshirish, mahalliy kengashlar faoliyatini tashkil etishga tizimli, maqsadli va kompleks yondashuvni yo'lga qo'yish hamda ularga ko'maklashish maqsadida Senat devonida Hududiy vakillik organlarini o'rganish markazi tashkil etildi (*Senat Kengashining 2023-yil 16-oktabrdagi qarori*).

Yangi tahrirdagi Konstitutsiyada ham Senat hududiy vakillik palatasi sifatida mahalliy davlat hokimiyati vakillik organlari faoliyatiga oid konstitutsiyaviy vakolatlariga ega bo'ldi. Xususan, Senat mahalliy davlat hokimiyati vakillik organlariga o'z faoliyatini amalga oshirishda ko'maklashish hamda mahalliy davlat hokimiyati vakillik organlarining qarorlarini, ular qonunchilik normalariga muvofiq bo'lmagan taqdirda, bekor qilish vakolatlari konstitutsiyaviy darajaga ega bo'ldi.

Yettinchidan, Oliy Majlis va siyosiy partiya fraksiyalari faoliyatining institutsional va tashkiliy-huquqiy asoslari kuchaytirildi.

Hukumatning parlament bilan hamkorligining tashkiliy-huquqiy mexanizmlarini takomillashtirish, qonun ijodkorligi jarayonida

va ijro hokimiyati organlari faoliyati ustidan parlament nazoratini amalga oshirishda Hukumat ishtirokining samaradorligini oshirish maqsadida Vazirlar Mahkamasining Oliy Majlisdagi vakolatli vakili lavozimi ta'sis etildi (*O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2017-yil 28-sentabrdagi PQ-3294-son qarori*).

Davlat organlari tuzilmasida qonun ijodkorligi faoliyati va qonunlar ijrosini ta'minlash sohasida Oliy Majlis palatalari bilan o'zaro hamkorlik uchun mas'ul bo'lgan rahbar o'rinbosarini belgilash amaliyoti yo'lga qo'yildi.

Korrupsiyaning oldini olish va unga qarshi kurashishning samarali mexanizmlarini yaratish maqsadida Oliy Majlis palatalarida korrupsiyaga qarshi kurashish qo'mitalari tashkil qilindi.

Oliy Majlis palatalarining axborot-tahliliy faoliyatini kuchaytirish maqsadida Qonunchilik muammolari va parlament tadqiqotlari instituti, keyinchalik uning bazasida Qonunchilik palatasida Parlament tadqiqotlari instituti faoliyati yo'lga qo'yildi, shuningdek, Davlat budjeti boshqarmasi tashkil etildi, yuridik xizmat negizida Yuridik boshqarma tashkil etildi, Oliy Majlis palatalari qo'mitalari huzurida ular faoliyatiga bevosita yordam beradigan kotibiyatlar tashkil etildi.

Parlament delegatsiyalarining xorijiy mamlakatlarga tashriflarini va chet el delegatsiyalarini qabul qilishni tashkil etish hamda shu maqsadlar uchun Davlat budjetidan ajratiladigan mablag'larni sarflash masalasini Oliy Majlis palatalarining qarori bilan belgilash tartibi joriy qilindi.

Siyosiy partiya fraksiyalari rahbarlarining Qonunchilik palatasi Spikeri o'rinbosari maqomi bekor qilindi. Bu fraksiya rahbarlariga o'z faoliyatini, e'tiborini tashkiliy-boshqaruv masalalarga emas, balki ustuvor ravishda partiya ishiga, saylovoldi dasturi ijrosiga qaratish imkonini beradi.

Sakkizinchi, Oliy Majlisning inson huquqlari sohasidagi vakolatlari va institutsional asoslari kengaytirildi.

Xususan, Oliy Majlisning Inson huquqlari bo'yicha vakili (Ombudsman)ga fuqarolarning murojaatlari asosida davlat boji to'lamasdan sudlarga da'vo arizalari va tegishli tashkilotlarga taqdimnomalar kiritish vakolatlari berilgan, shuningdek, ushlab turilgan va qamoqqa (ma'muriy qamoqqa) olingan va ozodlikdan mahrum etishga hukm qilingan shaxslarning Vakilga murojaat etishi belgilandi (*2017-yil 29-avgustdagi O'RQ-441-son qonun*).

Oliy Majlisning Inson huquqlari bo'yicha vakili (Ombudsman) huzurida qiynoqqa solish hollarining oldini olishga doir chora-tadbirlar tizimi (milliy preventiv mexanizm) joriy etilib, Vakilning qamoqda saqlash joylariga muntazam borib turishi orqali qiynoqqa solish hollarining oldini olishga doir choralar ko'rish hamda Vakilning mazkur yo'nalishdagi faoliyatiga ko'maklashish uchun ekspertlar guruhi tashkil etilishi belgilandi (*2019-yil 14-martdagi O'RQ-530-son qonun*).

Oliy Majlisning Inson huquqlari bo'yicha vakili (Ombudsman) to'g'risidagi qonunchilikni buzganlik uchun ma'muriy javobgarlik kiritildi (*2021-yil 21-apreldagi O'RQ-683-son qonun*).

Ombudsman huzuridagi Milliy preventiv mexanizm takomillashtirilib, ekspert guruhi negizida Ombudsman huzuridagi Qiynoq holatlarini aniqlash va ularning oldini olish bo'yicha jamoatchilik guruhlarini tashkil qilindi. Ular zimmasiga qiynoqqa solish holatlarini aniqlash hamda ularni tezkor bartaraf etish bo'yicha talabnomalarni tegishli davlat organiga taqdim qilish, qiynoqqa solish holatlari to'g'risidagi murojaatlarni ko'rib chiqishda ishtirok etish kabi vazifalar yuklatildi (*2021-yil 26-iyundagi PQ-5163-son qaror*).

2022-yil 1-yanvardan Ombudsmanning joylarda doimiy asosda faoliyat yurituvchi 14 nafar mintaqaviy vakillari lavozimlari joriy qilindi. Ombudsmanning O'zbekiston Respublikasi Prezidenti, Oliy Majlis palatalari va Vazirlar Mahkamasiga inson huquqlari, er-

kinliklari va qonuniy manfaatlarini himoya qilishning ayrim yo'nalishlari bo'yicha huquqiy, tashkiliy, ijtimoiy-iqtisodiy va boshqa chora-tadbirlar ko'rishga qaratilgan maxsus ma'ruzalar taqdim qilish vakolatlari berildi (*2021-yil 10-sentabrdagi PF-6312-son farmon*).

2024-yil 15-noyabrda "O'zbekiston Respublikasi Oliy Majlisining Inson huquqlari bo'yicha vakili (ombudsman) to'g'risida"gi Qonun yangi tahrirda (O'RQ-1002-son) qabul qilindi. Mazkur qonunda hozirgi davr talablaridan kelib chiqib yangi normalar hamda o'zgartishlar kiritilgan, Ombudsmanga yangi vazifalar yuklatilgan va ushbu vazifalarni amalga oshirish uchun qo'shimcha vakolatlar berilgan. Ombudsmanga qonunchilik takliflarini qonunchilik tashabbusi tartibida Qonunchilik palatasiga kiritishga haqli ekanligi belgilandi.

2020-yilda Oliy Majlisning Inson huquqlari bo'yicha vakili (Ombudsman) o'rinbosari – Bola huquqlari bo'yicha vakil lavozimi (*2020-yil 29-maydagi PQ-4736-son qaror*), 2021-yilda esa uning negizida Oliy Majlisning Bola huquqlari bo'yicha vakili (Bolalar ombudsmeni) instituti joriy etildi (*2021-yil 9-avgustdagi PF-6275-son farmon*).

To'qqizinchiidan, parlament faoliyati raqamlashtirildi. Xususan, aholining deputatlar va senatorlar bilan o'zaro munosabatlarini, Oliy Majlisning xalq bilan muloqotini takomillashtirish maqsadida "Elektron parlament" tizimi joriy etildi.

Ushbu tizim parlament faoliyati samaradorligi va shaffofligini oshirish, uning faoliyatiga axborot-kommunikatsiya texnologiyalarini keng joriy etish orqali xalq bilan muloqotni takomillashtirish, deputatlarga saylangan saylov okruglaridan mahalliy hokimiyat idoralarining qarorlarini majburiy yuborish orqali hududdagi ahvoldan xabardorligini oshirish imkoniyatini yaratdi (*Oliy Majlis Qonunchilik palatasi va Senati kengashlarining 2017-yil 25-apreldagi qo'shma qarori*).

Parlament palatalari a'zolari saylovchilar bilan to'g'ridan to'g'ri muloqot olib borishi, saylovchilarni qiynayotgan muammolarni muvaffaqiyatli hal etish va hal etishi jarayonini raqamlashtirish maqsadida "O'zbekiston Respublikasi deputatlari portali" yaratildi.

O'ninchidan, Oliy Majlis palatalarining mamlakatning ichki siyosatining turli yo'nalishlari bo'yicha muhim vazifalarni hal etishdagi vakolatlari kengaytirildi.

Xususan, Senat Raisi boshchiligidagi 4 ta respublika komissiyasi – Xalqaro reyting va indekslar bilan ishlash bo'yicha respublika kengashi (2020-yil 2-iyundagi PF-6003-son farmon), Odam savdosiga qarshi kurashish va munosib mehnat masalalari bo'yicha milliy komissiya (2023-yil 21-dekabrda PF-210-son farmon), Korrupsiyaga qarshi kurashish milliy kengashi (2020-yil 29-iyundagi PF-6013-son Farmon), Gender tenglikni ta'minlash masalalari bo'yicha komissiya (2022-yil 4-martdagi Senat Kengashi qarori) faoliyat ko'rsatadi.

Qonunchilik palatasida esa Qonunchilikni Jahon Savdo Tashkiloti bitimlariga uyg'unlashtirish bo'yicha komissiya, Iqlim o'zgarishi oqibatlarini kamaytirish va yashil iqtisodiyotga o'tishni tezlashtirish masalalari bo'yicha komissiya, Fuqarolarning vijdon erkinligini ta'minlash va diniy sohadagi davlat siyosati konsepsiyasida belgilangan asosiy vazifalarning bajarilishi ustidan parlament nazoratini amalga oshirish bo'yicha parlament komissiyasi faoliyat ko'rsatmoqda.

Shuningdek, ikkala palata huzurida Fuqarolik jamiyati institutlarini qo'llab-quvvatlash jamoat fondi mablag'larini boshqarish bo'yicha hamda O'zbekiston Respublikasini barqaror rivojlantirish sohasidagi Milliy maqsadlar va vazifalarning 2030-yilgacha bo'lgan davrda amalga oshirilishini nazorat qilish bo'yicha parlament komissiyalari ham faoliyat ko'rsatadi. Bu ham ushbu yo'nalishlarni rivojlantirish va isloh etishda parlament roli va ishtiroki kengayib borayotganidan dalolat beradi.

Yangi O'zbekiston parlamentining kelajak istiqbollari yoki parlamentarizmni mustahkamlash bo'yicha ayrim takliflar

O'tgan davrda amalga oshirilgan islohotlardan kelib chiqib, kelgusida parlamentning davlat va jamiyat hayotidagi rolini mustahkamlashga qaratilgan quyidagi takliflarni ilgari surish mumkin:

1. Parlamentning ijtimoiy-iqtisodiy munosabatlarga ta'sir ko'rsatishi ham, nufuzi va obro'si ham, avvalo, u qabul qiladigan qonunlarga bog'liq. Ya'ni parlamentning asosiy quroli – qonun. Shunga ko'ra, ijtimoiy munosabatlarni huquqiy tartibga solishda qonunlarning ulushini oshirmay turib parlamentning rolini oshirib bo'lmaydi. Boshqacha aytganda, qonunlarning roli va parlament roli uzviy bog'liqlikda rivojlanadi, biri ikkinchisiz rivojlana olmaydi.

Shu bois, *birinchidan*, huquqiy tartibga solishda qonunlarning ulushini oshirib borishimiz lozim. Hozirgi kunda (2025-yil avgust) normativ-huquqiy hujjatlar fondi 26 mingdan ortiq yaxlit hujjatni tashkil qilsa, ularning ichidan 1 487 tasi qonun, ya'ni huquqiy tartibga solishda qonunlar ulushi 6 foizga ham yetmayapti. Masalan, taqqoslash uchun idoraviy hujjatlar bilan tartibga solish ulushi 33 foizni, qonunosti hujjat bilan tartibga solish ulushi esa 43 foizni tashkil etmoqda.

"O'zbekiston – 2030" strategiyasining 80-maqsadi sifatida "To'g'ridan to'g'ri amal qiladigan qonunlarni qabul qilish amaliyotini kengaytirish, ularning ulushini kamida 60 foizga yetkazish" va "Idoraviy normativ-huquqiy hujjatlarni qabul qilishning aniq chegaralarini belgilash orqali ularning sonini keskin qisqartirish" kabilar belgilangan.

Shu bois ushbu strategik maqsadga erishish uchun yillar kesimida aniq maqsadli ko'rsatkichlarni belgilab olish maqsadida har yili soha va tarmoqlardagi qonun va qonunosti hujjatlarni tizimlashtirish orqali to'g'ridan to'g'ri ishlaydigan qonunlarni ishlab chiqish bo'yicha reja tasdiqlashni taklif etamiz.

Ikkinchidan, O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2024-yilning 19-fevraldagi "Qonunlarning ijtimoiy munosabatlarni tartibga solishdagi rolini hamda norma ijodkorligi jarayoni sifatini yanada oshirish bo'yicha qo'shimcha chora-tadbirlar to'g'risida"gi PQ-75-son qarorida qonun kuchga kirgan kundan boshlab besh yil o'tib, mas'ul davlat organi va Oliy Majlis palatalarining qo'mitalari tomonidan qonunning samaradorligini, maqsadi va kutilgan natijalariga erishilganini aniqlash uchun uning tartibga solish ta'sirini baholash amaliyoti joriy etilgan edi.

Lekin o'tgan davrda ushbu amaliyot ishlanmadi, shu bois mazkur tartibni amalga oshirish mexanizmlarini nazarda tutgan holda qonuniy asoslarini yaratishni taklif etamiz. Shu maqsadda qonunlar amalda qay darajada qo'llanayotgani, qo'yilgan maqsadga erishilgani, o'zgartirishga zarurat mavjudligi nuqtayi nazaridan o'rganish funksiyasini parlament nazorati shakllaridan biri sifatida belgilash taklif etiladi.

Bunda qonun kuchga kirgach 5 yil o'tib, uning ta'sirini baholash haqida parlament palatalari yoki qo'mitalari tomonidan qaror qabul qilinadi, qo'mitada qonun ta'sir qilgan manfaatdor shaxslar (guruhlar, qatlamlar) ishtirokida ochiq muhokama va eshituvlar o'tkaziladi hamda mas'ul vazirlikning hisoboti ko'rib chiqiladi, qo'mita tomonidan tahlillardan kelib chiqib, xulosa tayyorlanadi, zaruratga ko'ra, qonun hujjatiga o'zgartirish va qo'shimchalar kiritish haqida loyiha ishlab chiqiladi.

Masalan, Buyuk Britaniyada 2008-yildan buyon parlamentning tegishli qo'mitalari qonunlar ijrosini nazorat tartibida o'rganadi (post-legislative scrutiny). Mas'ul vazirlik qonun kuchga kirganidan 3-5 yil o'tib, parlamentga qonunning qo'llanishi bo'yicha hisobot taqdim etadi.

Uchinchidan, parlament vakolatiga kiruvchi masalalar bo'yicha qonunosti hujjatlar qabul qilish amaliyotiga barham berish zarur. Masalan, yangi tahrirdagi Konstitutsiyada qo-

nun bilan belgilanishi lozim bo'lgan 30 dan ziyod masalalar belgilangan bo'lib, ularning ayrimlari aniq masalalarga tegishli bo'lsa, boshqalari keng doiradagi munosabatlarni qamrab oladi.

Masalan, davlat ramzlari, referendum o'tkazish tartibi, fuqarolikka ega bo'lish va uni yo'qotish asoslari hamda tartibi, jazoga tortish, mol-mulkdan yoki biron-bir huquqdan mahrum etish asoslari, insonning huquq va erkinliklarini cheklash, jamoatchilik nazoratini amalga oshirish tartibi, davlat xizmatini o'tash bilan bog'liq cheklovlar, bank operatsiyalari, omonatlar va hisobvaraqlarning sir tutilishi, meros huquqi, aholining ijtimoiy jihatdan ehtiyojmand toifalarini uy-joy bilan ta'minlash tartibi, intellektual mulk, soliqlar va yig'imlar, monopol faoliyat, deputatlikka nomzodlarga talablar, davlat hokimiyati organlarining tizimi va vakolatlari, bojxona, valyuta va kredit ishlari, ma'muriy-hududiy tuzilish, qonun loyihalarini, qonunchilik takliflarini kiritish va ko'rib chiqish tartibi, Prezidentni saylash tartibi, Prezident shaxsi daxlsizligi, favqulodda holat joriy etish shartlari va tartibi, Vazirlar Mahkamasi faoliyatini tashkil etish tartibi va vakolat doirasi, mahalliy Kengashlar deputatlari saylovi, Kengashlar va hokimlarning faoliyatini tashkil etish tartibi, saylov o'tkazish tartibi, sud tizimi va sudlar faoliyatining tartibi, Konstitutsiyaviy sudni, Sudyalar oliy kengashini, advokaturani, prokuraturani tashkil etish va ularning faoliyati tartibi, Markaziy bankning faoliyati tartibi, Qurolli Kuchlarning tuzilishi va ularni tashkil etish, fuqarolar va fuqarolik jamiyati institutlarining budjet jarayonida ishtirok etishi tartibi va shakllari qonunlar bilan belgilanishi lozim.

Lekin tahlillar Konstitutsiyaga muvofiq, qonun bilan tartibga solinishi lozim bo'lgan ayrim masalalar hali ham qonunosti va idoraviy hujjatlar bilan tartibga solinayotganini ko'rsatmoqda. Xususan, yig'imlarni joriy etish va inson huquqlarini cheklovchi qoidalar qonunosti va idoraviy hujjatlarda ko'plab uch-

raydi. Masalan, qonunosti hujjatlarida belgilangan barcha yig'implarni, imtiyoz, subsidiya, preferensiyalarni yagona qonun hujjatiga birlashtirish zarurati mavjud.

Shu bois Prezident Administratsiyasi yoki parlament huzurida maxsus komissiya tashkil etib, qonunosti va idoraviy hujjatlarni to'liq xatlovdan o'tkazib, ulardagi inson huquqlarini cheklovchi normalarni qonun darajasiga ko'tarish yoki bekor qilish bo'yicha dastur ishlab chiqish maqsadga muvofiq.

To'rtinchidan, qonunda hukumat tomonidan ishlab chiqilishi belgilangan qonunosti normativ-huquqiy hujjatlar bo'yicha "parlament bilan maslahatlashuvlar" institutini joriy etish taklif etiladi. Bunda qonunda hukumat tomonidan qabul qilinishi nazarda tutilgan normativ-huquqiy hujjatlar loyihalari ishlab chiqilganidan so'ng ular parlamentning tegishli qo'mitasi bilan kelishiladi, zarur hollarda loyiha kengashda yoki palatada ko'rib chiqiladi va ularning roziligi olinganidan so'ng qabul qilinishi mumkin bo'ladi.

Beshinchidan, ma'lumki, hukumat hujjatlari Prezident tomonidan bekor qilinishi mumkin. Lekin Qonunchilik palatasi hukumatni shakllantirishda ishtirok etsa-da, uning qaror va farmoyishlarini bekor qilish yuzasidan tashabbus qilish huquqi mavjud emas. Shunga ko'ra, Qonunchilik palatasiga hukumat hujjatlarini bekor qilish bo'yicha Prezidentga, shu jumladan, siyosiy partiyalar tashabbusi asosida taklif kiritish huquqini berish.

Oltinchidan, qonunlardagi havoilaki normalarni amalga oshirish ham muhim ahamiyatga ega. Chunki "havoilaki normalarda" nazarda tutilgan qonunosti hujjatlarining o'z vaqtida qabul qilinmasligi qonunlarning amalda "ishlamay qolishi"ga sabab bo'ladi.

Masalan, 2020-yil 28-avgustda qabul qilingan "O'zbekiston Respublikasining ma'muriy-hududiy tuzilishi to'g'risida"gi Qonunda Vazirlar Mahkamasi tomonidan ma'muriy-hududiy birliklarning davlat reyestrini yuritish tartibi belgilanishi hamda ma'muriy-hududiy tuzilish masalalari

bo'yicha komissiyalarning ishlash va ularning faoliyatini tugatish tartibi tasdiqlanishi nazarda tutilgan. Ushbu masalalar yuzasidan hukumat qarori esa oradan deyarli besh yil o'tib, 2024-yil 10-dekabrda qabul qilingan.

Shu bois qabul qilinayotgan qonunlardagi havoilaki normalarning bajarilishi hamda qonunosti hujjatlarining qabul qilinishi ustidan doimiy va ta'sirchan parlament nazoratini o'rnatish zarur.

Shu maqsadda har yili Adliya vazirligi tomonidan yangi qabul qilingan qonunlar ijrosini ta'minlash uchun qonunosti hujjatlarining o'z vaqtida qabul qilinishi va bu borada amalga oshirilgan ishlar yuzasidan Qonunchilik palatasiga axborot kiritib borish amaliyotini yo'lga qo'yishni taklif etamiz.

2. Xalqaro shartnomalarni ratifikatsiya va denonsatsiya qilish ham Qonunchilik palatasining muhim vakolatlaridan biri hisoblanadi. Keyingi paytlarda ko'plab xalqaro shartnomalar qabul qilinmoqda, xususan, 2020–2024-yillarda xalqaro shartnomalarni ratifikatsiya qilish va xalqaro hujjatlarga qo'shilishga qaratilgan 47 ta qonun qabul qilindi. Hozirgi kunda shartnoma ratifikatsiya qilinganidan keyin parlament imzolangan xalqaro shartnomaning bajarilishi ustidan nazoratni amalga oshirmayapti, xalqaro shartnoma bajarilishi to'g'risida mas'ul shaxslarning hisobotlari eshitilmayapti.

AQSh va Germaniyada parlament xalqaro shartnomalarning bajarilishi to'g'risida hisobot olishga haqli. Buyuk Britaniyada shartnomalar bajarilishi yakunlari bo'yicha parlament tekshiruvi tashabbusi bilan chiqishi mumkin. Daniyada xalqaro shartnoma bo'yicha majburiyatlarni bajarish rejasi tuziladi, parlamentning moliya qo'mitasi tomonidan moliya nazorati bilan birga hukumat tomonidan amalga oshirilgan ishlar ham nazorat qilinadi.

Xalqaro shartnoma ratifikatsiya qilinganidan keyin imzolangan xalqaro shartnomaning bajarilishi ustidan parlament nazoratini kuchaytirish maqsadida quyidagilar taklif etiladi:

birinchidan, ratifikatsiya qilingan xalqaro shartnomalarning bajarilishi ustidan nazorat tartib-taomilini joriy etish, ratifikatsiya qilingan xalqaro shartnomalarning bajarilishi holati yuzasidan Tashqi ishlar vazirligining axborotini eshitish amaliyotini yo'lga qo'yish;

ikkinchidan, xalqaro shartnomani ratifikatsiya qilishda uning mohiyatini aholiga va mas'ullarga yetkazish va ijrosini nazorat qilish bo'yicha alohida dastur tasdiqlaydigan yangi tizimni yo'lga qo'yish;

uchinchidan, xalqaro shartnoma qoidalarini bajarishga qaratilgan chora-tadbirlarni amalga oshirish bo'yicha parlament va hukumatning birgalikdagi ish rejasini ishlab chiqish.

3. "Parlament nazorati to'g'risida"gi Qonunda Qonunchilik palatasi va Senatning qo'mita eshituvlari palata ish rejalari, kengash qarorlariga ko'ra o'tkazilishi belgilangan.

Qo'mita eshituvlarining huquqiy imkoniyatini yanada kengaytirish maqsadida nafaqat yuqorida keltirilgan asoslar, balki jamoatchilik e'tiborini tortgan, OAV va ijtimoiy tarmoqlarda keng muhokamaga sabab bo'lgan masalalar yuzasidan qo'mita tashabbusi tartibida o'tkazilishini qonunda belgilash taklif etiladi.

4. Davlat tashqi qarzi mablag'larini jalb qilishda parlament ishtirokini oshirish moliyaviy shaffoflik, qonun ustuvorligi va fuqarolar manfaatlarini himoya qilishda muhim mexanizm hisoblanadi.

Xususan, 2023-yilda tashqi qarz miqdori ni belgilash parlament ixtiyoriga o'tkazilgan

edi. Parlament xalqning vakili sifatida bu jarayonda kengroq ishtirok etishi zarur. Masalan, Germaniyada parlamentning moliya qo'mitasi tashqi moliyaviy bitimlar va Yevropa Ittifoqi krediti bilan bog'liq har qanday majburiyatni tasdiqlashi kerak. Filippinda esa tashqi qarz shartnomalari imzolanishdan oldin parlamentning yuqori palatasi – Senat tasdig'idan o'tadi.

Davlat tomonidan xorijdan mablag' jalb qilishda parlament ishtirokini oshirish maqsadida "Davlat qarzi to'g'risidagi" Qonunda O'zbekiston Respublikasi Oliy Majlisi palatalarining davlat qarzini boshqarish sohasidagi vakolatlariga qo'shimcha kiritib, davlat kafolati ostidagi tashqi qarz mablag'larini jalb qilishda Oliy Majlis palatalarida ma'qullash amaliyotini joriy qilish taklif etiladi.

Xulosa

Umuman olganda, siyosiy tizimni modernizatsiya qilish uzluksiz va davomli jarayon bo'lib, parlamentning davlat va jamiyat hayotidagi o'rne va rolini kuchaytirishga, parlamentarizm asoslarini yanada mustahkamlashga qaratilgan islohotlar uning uzviy va muhim qismini tashkil etadi hamda davlat boshqaruvini demokratlashtirish, xalq hokimiyatchiligi konstitutsiyaviy prinsipini amalga oshirish, ijro etuvchi hokimiyatning o'zboshimchaligini tiyib turish mexanizmlarini joriy etish, muvozanatlashgan davlat hokimiyati va boshqaruvi tizimini yaratish kabi maqsadlarga xizmat qiladi.

REFERENCES

1. Elinskiy, A. (2012). Konstitutsionnoe izmerenie ugolovnogo prava [The constitutional dimension of criminal law]. *Comparative Constitutional Review*, 3(88), 159–160.
2. Guzeeva, O. S. (2021). Konstitutsionnye nachala sorazmernosti i proporsional'nosti uglovogo nakazaniya [Constitutional principles of proportionality and proportionality of criminal punishment]. *Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3(91), 74–75.
3. Kondrashova, O. A. (2020). Ekologicheskoe prestuplenie i pravonarushenie [Environmental crime and offense]. *Young Don Researcher*, 2(23), 159.

4. Ismoilov, N. M. (2021). Milliy parlamentarizmning tarqalishi [Steps towards the development of national parliamentarism]. *Strategy of Uzbekistan*, 3, 6–15.
5. Mamajonova, D. (2022). Konstitutsiyaviy qonunlar – xalq manfaatining asosiy mezonlari [Constitutional reforms are the main criterion of public interest]. *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences*, 2(10), 690.
6. Norboboev, B. J. (2023). Konstitutsiyaviy islohotlarning mohiyati [The essence of constitutional reforms]. *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences*, 3(4), 862–863.
7. Ochilov, X. R. (2022). *Jinoyat huquqi [Criminal law]* (p. 176). Tashkent: Yuridik adabiyotlar Publ.
8. Polvonov, Sh. (2022, October). Konstitutsiyaviy boshqaruvlar: Senat boshqaruvlari kengaydi [Constitutional reforms: The powers of the Senate will be expanded]. *Adolat*. <https://adolat24.uz/?p=24843>
9. Safarov, D. I. (2024). Reforma verkhney palaty parlamenta Respubliki Uzbekistan v sovremennyykh konstitutsionno-pravovyykh usloviyakh: komparativno-pravovoy analiz osnovnykh tendentsiy [Reform of the upper house of the Parliament of the Republic of Uzbekistan in the current constitutional and legal conditions: a comparative legal analysis of the main trends]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, 6, 137–144.
10. Saidov, A. X. (2022). Yangi O'zbekiston va Konstitutsiyaviy islohotlar [New Uzbekistan and Constitutional Reforms]. *The Constitution of the Republic of Uzbekistan is the Glorification of Human Dignity, the Guarantee of Our Free and Prosperous Life: Proceedings of the Republican Scientific and Practical Conference* (p. 6). Tashkent.
11. Sarpekov, R. K., Rakhmetov, S. M., & Aspanov, A. N. (2020). *Puti sovershenstvovaniya ugolovnoy politiki Respubliki Kazakhstan [Ways to improve the criminal policy of the Republic of Kazakhstan]*. (p. 238). Almaty.
12. Safarov, D. I. (2010). *Ekologik qonunchilikni buzganlik uchun jinoiy javobgarlik: muammo va mulohaza [Criminal liability for violation of environmental legislation: problems and considerations]*. (pp. 313–317). Tashkent: TSIL.
13. Safarov, D. I. (2024). Konstitutsionno-pravovye osnovy ekologicheskoy politiki Novogo Uzbekistana: sravnitel'no-pravovoy analiz [Constitutional and legal bases of environmental policy of the New Uzbekistan: comparative legal analysis]. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 4.
14. Safarov, D. I. (2023). Zamonaviy konstitutsiyaviy-huquqiy islohotlar sharoitida parlament yuqori palatasi faoliyatini isloh etish: asosiy tendensiyalar va rivojlanish istiqbollari [Reform of the activities of the upper house of parliament in the context of modern constitutional and legal reforms: main trends and development prospects]. *Jurisprudence*, 3, Special issue, 27–37.
15. United Nations Office on Drugs and Crime (2023). Handbook on Sentencing Policies and Practices in the Criminal Justice System (New York, 2021). United States Sentencing Commission. Federal Sentencing Guidelines Manual. Washington, D.C.

Kelib tushgan / Получено / Received: 10.09.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 17.10.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 27.10.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.5./CXUS1309

UDC: 342.95:661.12(045)(575.1)

СИСТЕМНЫЕ МЕРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ПЕДИАТРИЧЕСКИХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ: ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА

Ёкубова Умидахон Маъсуджон кизи,
базовый докторант
Ташкентского государственного
юридического университета
ORCID: 0009-0003-8809-9120
e-mail: umidakhonoripova99@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовых аспектов обеспечения качества и безопасности лекарственных средств в педиатрической практике в условиях возрастания рисков офф-лейбл-применения (вне рамок зарегистрированной инструкции) и недостаточности национального регулирования. Предметом анализа является правовое регулирование назначения лекарств детям, а целью – выявление пробелов в действующем законодательстве и выработка предложений по его совершенствованию. Актуальность темы обусловлена трагическими случаями применения препаратов ненадлежащего качества в Узбекистане, включая массовые отравления, что продемонстрировало уязвимость системы контроля и необходимость нормативного закрепления специальных правил. Методологической основой исследования выступили сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы, позволившие сопоставить опыт Европейского союза, Российской Федерации и США с национальными реалиями. В результате установлено, что в ЕС разработка и внедрение Paediatric Investigation Plan обеспечили снижение уровня офф-лейбл-практик и стимулировали создание детских лекарственных форм, тогда как в США и России ключевое значение имеет институт информированного согласия родителей, перераспределяющий юридическую ответственность и обеспечивающий защиту прав ребёнка. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования выводов при совершенствовании законодательства Республики Узбекистан, включая закрепление обязательного письменного согласия родителей при офф-лейбл-назначениях, создание правовых стимулов для фармацевтических компаний и адаптацию международных подходов в сфере педиатрической фармакотерапии. Итоговый вывод состоит в том, что национальная правовая система нуждается в комплексной модернизации, направленной на баланс интересов ребёнка, медицинского работника и государства.

Ключевые слова: педиатрия, лекарства, безопасность, контроль качества, стандарты, согласие, офф-лейбл, медицинская ответственность

PEDIATRIK DORI VOSITALARINING XAVFSIZLIGINI TA'MINLASHDA TIZIMLI CHORA-TADBIRLAR: HUQUQIY JIHATLAR VA XALQARO AMALIYOT

Yoqubova Umidaxon Ma'sudjon qizi,
Toshkent davlat yuridik universiteti
tayanch doktoranti

Annotatsiya. Ushbu maqola pediatriya amaliyotida dori vositalarining sifati va xavfsizligini ta'minlashning huquqiy jihatlarini o'rganishga bag'ishlangan bo'lib, off-leybl qo'llash (ro'yxatdan o'tgan yo'riqnomadan tashqari foydalanish) xavfining ortishi va milliy tartibga solishning yetarli emasligi sharoitida olib borilgan. Tahlil predmeti bolalarga dori vositalarini tayinlashni huquqiy tartibga solish bo'lib, maqsad amaldagi qonunchilikdagi kamchiliklarni aniqlash va uni takomillashtirish bo'yicha takliflar ishlab chiqishdan iborat. Mavzuning dolzarbligi O'zbekistonda sifatsiz dori vositalarini qo'llashning fojiali holatlari, jumladan, ommaviy zaharlanishlar bilan bog'liq bo'lib, bu nazorat tizimining zaifligini va maxsus qoidalarni me'yoriy mustahkamlash zarurligini ko'rsatdi. Tadqiqotning metodologik asosini qiyosiy-huquqiy, rasmiy-huquqiy va tizimli usullar tashkil etib, ular orqali Yevropa Ittifoqi, Rossiya Federatsiyasi va AQSh tajribasini milliy voqeliklar bilan taqqoslash imkonini berdi. Natijada Yevropa Ittifoqida Pediatrik tekshiruv rejasini ishlab chiqish va joriy etish off-leybl amaliyotining kamayishiga olib keldi va bolalar uchun dori shakllarini yaratishni rag'batlantirdi. AQSh va Rossiyada esa yuridik javobgarlikni qayta ta'minlaydigan va bola huquqlarini himoya qilishni ta'minlaydigan ota-onalarning xabardor qilingan roziligi instituti asosiy ahamiyatga ega ekanligi aniqlandi. Tadqiqot natijalarining amaliy ahamiyati xulosalardan O'zbekiston Respublikasi qonunchiligini takomillashtirishda foydalanilish mumkinligi bilan izohlanadi. Bu off-leybl tayinlashda ota-onalarning majburiy yozma roziligini mustahkamlash, farmatsevtika kompaniyalari uchun huquqiy rag'batlar yaratish va pediatrik farmakoterapiya sohasidagi xalqaro yondashuvlarni moslashtirish kabi masalalarni o'z ichiga oladi. Yakuniy xulosa shundan iboratki, milliy huquqiy tizim bola, tibbiyot xodimi va davlat manfaatlarini muvozanatini ta'minlashga qaratilgan kompleks modernizatsiyaga muhtoj.

Kalit so'zlar: pediatriya, dori, xavfsizlik, sifat nazorati, standartlar, rozilik, off-leybl, tibbiy javobgarlik

SYSTEMIC MEASURES FOR ENSURING THE SAFETY OF PAEDIATRIC MEDICINES: LEGAL ASPECTS AND INTERNATIONAL PRACTICE

Yoqubova Umidakhon Masudjon kizi,
Basic doctoral student at Tashkent State University of Law

Abstract. The article is devoted to the study of legal aspects of ensuring the quality and safety of pediatric medicines in the context of increasing risks of off-label use and insufficient national regulation. The subject of analysis is the legal regulation of prescribing medicines to children, while the aim is to identify gaps in the current legislation and to develop proposals for its improvement. The relevance of the topic is conditioned by tragic cases of the use of substandard medicines in Uzbekistan, including mass poisonings, which demonstrated the vulnerability of the control system and the necessity of establishing special regulatory rules. The methodological basis of the study consists of comparative-legal, formal-legal, and systemic approaches, which made it possible to compare the experience of the European Union, the Russian Federation, and the United States with national realities. The study established that in the EU the development and implementation of the Pediatric Investigation Plan have reduced the prevalence of off-label practices and stimulated the creation of pediatric formulations, while in the USA and Russia the key role is played by the institution of parental informed consent, which redistributes legal liability and ensures the protection of the child's rights. The practical significance of the research lies in the possibility of using the conclusions to improve the legislation of the Republic of Uzbekistan, including

the introduction of mandatory written parental consent for off-label prescriptions, the creation of legal incentives for pharmaceutical companies, and the adaptation of international approaches in the field of pediatric pharmacotherapy. The final conclusion is that the national legal system requires comprehensive modernization aimed at balancing the interests of the child, healthcare professionals, and the state.

Keywords: *pediatrics, medicines, safety, quality control, standards, consent, off-label, medical liability*

Введение

Обеспечение качества и безопасности педиатрических лекарственных средств представляет собой одну из наиболее острых и социально значимых проблем современного здравоохранения. Особенности детского организма, существенно отличающиеся от взрослого по параметрам фармакокинетики и фармакодинамики, требуют индивидуализированного подхода при выборе дозировок, лекарственных форм и схем терапии. Отсутствие специально адаптированных препаратов повышает риск передозировок, токсических реакций и иных неблагоприятных последствий, что делает данную сферу предметом особого внимания как со стороны медицинского сообщества, так и правовых институтов.

Актуальность проблемы подтверждается практикой последних лет: в ряде стран, включая Узбекистан, были зафиксированы случаи тяжёлых осложнений и даже летальных исходов, связанных с применением детских лекарственных средств ненадлежащего качества либо неадаптированных дозировок. Особую обеспокоенность вызвали массовые отравления, произошедшие при использовании препаратов «Док-1 Макс», «Амбронол» и «Антиструмин», которые выявили уязвимость национальных систем контроля и продемонстрировали необходимость совершенствования механизмов обеспечения безопасности и защиты здоровья детей.

Помимо проблемы качества, серьёзную угрозу представляет практика применения лекарственных средств вне зарегистрированных показаний (*off-label*,

офф-лейбл), к которой врачи нередко вынуждены обращаться из-за ограниченного ассортимента специализированных детских форм. Такая практика порождает целый комплекс правовых вопросов, связанных с распределением ответственности между медицинским работником, производителем и государственными органами.

Таким образом, обеспечение безопасности детских лекарственных средств имеет комплексный характер и требует системного научного и правового анализа. Данная проблема затрагивает не только медицинские аспекты терапии, но и вопросы законодательства, правоприменения, профессиональной и государственной ответственности, а также защиты прав ребёнка, что придаёт ей особую значимость для национальных систем здравоохранения и международного правового сообщества.

Исследование опирается на комплексную нормативную и научную базу, охватывающую как международные, так и национальные источники права. Ключевыми международными документами являются Регламент (ЕС) № 1901/2006 Европейского парламента и Совета «О лекарственных средствах для педиатрического применения», Регламент (ЕС) № 1902/2006, вносящий в него поправки, а также руководящие акты Европейского агентства по лекарственным средствам (EMA) и материалы Комитета по педиатрии (*Paediatric Committee, PDCO*).

Национальная база исследования включает анализ законодательства Республики Узбекистан в сфере обращения лекарственных средств, в частности Закона Республики Узбекистан «О лекар-

ственных средствах и фармацевтической деятельности», подзаконных актов Министерства здравоохранения и нормативных документов, регулирующих регистрацию, сертификацию, фармаконадзор и государственный контроль качества препаратов. Особое внимание уделено правоприменительной практике, отражённой в официальных отчётах и аналитических материалах уполномоченных органов.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частно-правовые методы познания. Применён сравнительно-правовой метод для выявления сходств и различий в регулировании педиатрических лекарственных средств в Европейском союзе и Республике Узбекистан. Формально-юридический метод использован для интерпретации положений нормативных актов и их сопоставления с международными стандартами. Эмпирическую базу исследования образуют статистические данные Всемирной организации здравоохранения, отчёты ЕМА и PDCO, а также официальные публикации национальных органов здравоохранения.

Основная часть

Проведённое исследование показало, что сфера обеспечения качества и безопасности педиатрических лекарственных средств в отдельных случаях характеризуется системными пробелами, которые могут иметь тяжёлые последствия для здоровья детей. Наиболее показательной стала ситуация с препаратом «Док-1 Макс» в Узбекистане, от применения которого, по данным Ташкентского городского суда, скончались 65 детей (Abidov, 2023), а не менее 18 получили инвалидность (Kun.uz, 2024).

Причины трагедии связаны с поступлением на рынок препаратов ненадлежащего качества: лабораторные испытания выявили в сиропе содержание этиленгликоля и диэтиленгликоля – высокотоксич-

ных веществ, способных вызвать тяжёлую почечную недостаточность даже при минимальных дозах. Медицинские специалисты отмечают, что отравление протекало особенно тяжело у детей младшего возраста вследствие физиологических особенностей – недостаточной активности фермента алкогольдегидрогеназы, необходимого для метаболизма этиленгликоля (Gazeta.uz, 2023). Дополнительным фактором риска стали нарушения при сертификации и контроле качества: как установили следственные органы и СМИ, регистрационные документы на препарат были оформлены с нарушениями, что позволило опасному продукту попасть на фармацевтический рынок (Sputnik, 2023).

Не менее тревожной оказалась ситуация с препаратом «Антиструмин», применявшимся для профилактики йододефицитных состояний у детей. В 2022–2023 годах в Узбекистане были зафиксированы многочисленные случаи передозировки данным средством, сопровождавшиеся тяжёлыми побочными реакциями – тошнотой, диареей, поражением слизистых оболочек и эндокринными нарушениями. По данным Министерства здравоохранения Республики Узбекистан, только в Наманганской области зарегистрировано около 450 случаев отравления, из них 306 – в Чустском районе (Kun.uz, 2023).

Эксперты отмечают, что массовые отравления стали результатом сочетания нескольких факторов: во-первых, неправильного дозирования в медицинской практике, во-вторых, отсутствия чётко прописанных инструкций по применению препарата в педиатрической популяции. В общественных дискуссиях подчёркивалось, что дети фактически стали жертвами недостаточной клинической апробации и пробелов в нормативном регулировании безопасности. Эти случаи свидетельствуют о повторяющемся сценарии – слабом государственном контроле, не-

достаточном фармаконадзоре и несовершенстве нормативной базы – аналогичном ситуации с препаратом «Док-1 Макс».

Параллельно с проблемой качества выявлен и другой значимый аспект – практика применения лекарственных средств вне рамок официальной инструкции (офф-лейбл). В условиях ограниченного ассортимента детских форм врачи нередко вынуждены назначать взрослые препараты в изменённых дозировках, что существенно повышает риск передозировок, фармакологической неадекватности и непредсказуемых побочных реакций. Исследования показывают, что доля офф-лейбл-назначений в педиатрической практике может быть крайне высокой: например, в офтальмологии у детей младше одного года она достигает 76,5 % (Uskenbaev & Tilekeeva, 2023). Обзорные публикации подтверждают, что данное явление носит системный характер и порождает серьёзные правовые и этические вопросы – от распределения ответственности между участниками медицинского процесса до необходимости специальных процедур информированного согласия родителей.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о комплексном характере проблем в сфере педиатрической фармакотерапии: наличие на рынке небезопасных препаратов вследствие недостаточного контроля качества, высокий уровень офф-лейбл-практик, а также проблемы в правовом регулировании ответственности за неблагоприятные последствия применения лекарственных средств у детей. Эти обстоятельства подтверждают необходимость системного пересмотра существующих подходов к обеспечению безопасности педиатрических препаратов как на национальном, так и на международном уровне.

До середины 2000-х годов в Европейском союзе детская фармакотерапия оста-

валась одной из наиболее уязвимых сфер здравоохранения. Большинство лекарственных средств применялось у детей офф-лейбл, то есть без официальных показаний и без специально адаптированных форм. Это приводило к ошибкам дозирования, повышенному риску побочных реакций и отсутствию надлежащей доказательной базы эффективности и безопасности.

Для преодоления этих проблем был принят Регламент (ЕС) № 1901/2006 Европейского парламента и Совета «О лекарственных средствах для педиатрического применения» (European Parliament & Council, 2006), закрепивший принцип обязательного планирования педиатрических исследований через механизм Paediatric Investigation Plan (PIP). Основная идея состояла в том, чтобы сделать исследования и разработку препаратов для детей не факультативным, а неотъемлемым элементом общей системы разработки лекарственных средств.

PIP представляет собой детальный план проведения доклинических и клинических исследований у детей, разрабатываемый производителем и утверждаемый Комитетом по педиатрическим лекарствам (PDCO) при Европейском агентстве по лекарственным средствам (EMA). Для отдельных категорий препаратов допускаются отсрочки или освобождения, однако общий принцип заключается в том, что каждый новый лекарственный препарат должен быть научно оценён с учётом особенностей педиатрической популяции.

Результаты применения данного механизма оказались значительными. Только за период 2007–2016 годов было согласовано около 950 Paediatric Investigation Plans (PIP), что позволило вывести на рынок 273 новых препарата с официальными показаниями для применения у детей и 43 новые лекарственные формы, специально адаптированные для педиат-

рической практики (European Medicines Agency, 2016). Это стало важным шагом в направлении снижения доли офф-лейбл-назначений и повышения безопасности детской фармакотерапии.

Научные исследования в целом оценивают влияние PIP положительно. Так, К. Норри (2012) и соавторы отмечают, что введение данного механизма способствовало системному включению детей в клинические исследования и значительно повысило качество доказательной базы. По мнению Р. Anitha, R. Dhar и N. Krishnappa (2022), внедрение PIP закрепило юридическую обязанность фармацевтических компаний и исследователей учитывать интересы детей, тем самым придав системе не только научную, но и прочную правовую основу. Вместе с тем Т.Т. Hwang (2018) и соавторы обращают внимание на проблемы практической реализации, включая задержки в проведении клинических испытаний и необходимость совершенствования процедур согласования.

Экономическая оценка также подтверждает эффективность PIP. Несмотря на значительные финансовые затраты, по данным Европейской комиссии, система обеспечивает долгосрочные социально-экономические выгоды: стимулирует фармацевтические компании инвестировать в педиатрические исследования, способствует развитию рынка детских лекарственных средств и укрепляет общественное доверие к системе здравоохранения (European Commission, 2018).

Таким образом, механизм Paediatric Investigation Plan стал ключевым инструментом правовой политики Европейского союза в сфере охраны здоровья детей. Он объединил в себе правовое регулирование, этические принципы и научные подходы, обеспечив системное развитие педиатрической фармакотерапии. Несмотря на отдельные трудности с его практической реализацией, опыт Европейского со-

юза показывает, что обязательное планирование исследований для педиатрической популяции является необходимым условием повышения безопасности и эффективности лекарственной терапии у детей.

Вопросы правовой ответственности и механизма информированного согласия родителей при назначении лекарственных средств детям, включая случаи применения препаратов вне зарегистрированных показаний, занимают центральное место в регулировании медицинской практики.

В российской правовой системе основным источником в данной сфере является Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ. Согласно статье 20 указанного закона, любое медицинское вмешательство допускается исключительно при наличии добровольного информированного согласия гражданина либо его законного представителя. В отношении несовершеннолетних пациентов такое согласие предоставляется родителями или иными законными представителями.

При назначении лекарственного препарата вне рамок зарегистрированных показаний врач обязан документально обосновать целесообразность офф-лейбл-назначения, указать отсутствие зарегистрированных альтернатив, а также разъяснить родителям возможные риски и предполагаемую эффективность терапии. Судебная практика исходит из того, что отсутствие письменного информированного согласия родителей влечёт возложение ответственности за неблагоприятные последствия лечения на врача.

В научной литературе подчёркивается, что институт информированного согласия выполняет функцию юридического перераспределения ответственности. Как отмечают М.Н. Сомова и Г.А. Батищева

(2016), получение информированного согласия пациента или его законного представителя является ключевым юридическим элементом офф-лейбл-назначения: при наличии надлежащего обоснования и зафиксированного согласия подобная практика считается правомерной и защищённой от претензий, тогда как отсутствие такого согласия существенно повышает риск привлечения врача к юридической ответственности.

В Соединённых Штатах Америки институт информированного согласия получил развитие в судебной практике и закрепился как доктрина *informed consent*. Ключевым прецедентом стало дело *Canterbury v. Spensa*, 464 F.2d 772 (1972), в котором Верховный суд округа Колумбия установил обязанность врача предоставлять пациенту полную и достоверную информацию о характере медицинского вмешательства, связанных рисках и возможных альтернативных методах лечения.

В отношении детей информированное согласие предоставляется родителями, которые должны быть специально уведомлены о том, что назначаемый препарат используется вне зарегистрированных показаний. Невыполнение этой обязанности рассматривается судами как нарушение стандарта медицинской помощи и может повлечь ответственность врача по искам о медицинской халатности.

Научная литература также подчёркивает высокую значимость данного института: по мнению L.R. Edward (2004), отсутствие надлежащего информированного согласия усиливает позиции истца по делу о врачебной халатности и может использоваться как самостоятельное основание для иска, даже если основные обвинения не обладают достаточной доказательной базой.

Соответственно, как российская, так и американская правовые системы исходят из того, что применение лекарственных

препаратов детям требует обязательного получения информированного согласия родителей, а его отсутствие создаёт риск возложения юридической ответственности на врача. В научных исследованиях подчёркивается, что согласие родителей не является формальной процедурой, но представляет собой правовой механизм перераспределения рисков и гарантии защиты прав несовершеннолетних пациентов.

Заключение

Таким образом, анализ зарубежного и национального опыта свидетельствует о том, что институт информированного согласия при назначении лекарственных средств детям, в том числе в случаях офф-лейбл-применения, выступает не только этическим требованием медицинской практики, но и ключевым юридическим инструментом защиты прав ребёнка.

Опыт Европейского союза, закрепивший систему Paediatric Investigation Plan, продемонстрировал эффективность комплексного подхода, при котором исследование и разработка препаратов для детей становятся обязательным элементом фармацевтического цикла. Вместе с тем зарубежная практика выявляет и определённые трудности – бюрократические задержки, увеличение сроков проведения клинических испытаний и несогласованность между регуляторными органами, что требует дальнейшего совершенствования процедур оценки и одобрения.

Российская и американская правовые системы демонстрируют общую тенденцию к укреплению роли родителей как законных представителей ребёнка в процессе принятия медицинских решений. При этом распределение ответственности в сфере офф-лейбл-применения должно рассматриваться шире – не только на уровне лечащего врача, но и на уровне фармацевтических компаний, обязанных предоставлять достоверную информацию о рисках, а также государства, формирую-

щего нормативную базу и обеспечивающего действенный контроль.

Для Республики Узбекистан данный опыт представляет особую значимость. Современное состояние национальной системы здравоохранения указывает на необходимость институционального укрепления механизма информированного согласия, разработки правовых норм, учитывающих специфику офф-лейбл-применения, и обеспечения баланса ответственности между врачом, фармацевтической компанией и государством. Введение чётких требований к обоснованию и доку-

ментированию офф-лейбл-назначений, а также нормативное закрепление обязанности фиксации согласия родителей будут способствовать защите прав ребёнка и снижению юридических рисков медицинских работников.

В свете изложенного представляется целесообразным дальнейшее развитие законодательства Республики Узбекистан в направлении гармонизации с международными стандартами, обеспечивающими прозрачность, правовую определённость и безопасность педиатрической фармако-терапии.

REFERENCES

1. Abidov, A. (2023, August 10). *Telegram channel*. Telegram. <https://t.me/AzizAbidov/4117>
2. Anitha, P., Dhar, R., & Krishnappa, N. (2022). Clinical trials in pediatrics – review of ethics and law. *International Journal of Basic & Clinical Pharmacology*, 11(5), 538–544. <https://doi.org/10.18203/2319-2003.ijbcp20222155>
3. Edward, L. R. (2004). The parameters of informed consent [The parameters of informed consent]. *Transactions of the American Ophthalmological Society*, 102, 225–232.
4. European Commission (2018). Directorate-General for Health and Food Safety. *Study on the economic impact of the Paediatric Regulation, including its rewards and incentives – Final report (redacted version)*. <https://data.europa.eu/doi/10.2875/662696>
5. European Medicines Agency. (2016). *10-year report to the European Commission on the experience acquired as a result of the application of the Paediatric Regulation (Regulation (EC) No 1901/2006)*. <https://www.ema.europa.eu>
6. European Parliament & Council. (2006, December 12). *Regulation (EC) No 1901/2006 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 on medicinal products for paediatric use*. <https://eurlex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02006R1901-20190128>
7. Gazeta.uz. (2023, November 3). *Otravlenie “Dok-1 Maks” tyazhelee protekalo u samykh malen’kikh detey iz-za nizkoy skorosti rasshchepleniya etilenglikolya – vrach-svidetel* [“Doc-1 Max” poisoning was more severe in very young children due to low rate of ethylene glycol metabolism — witness doctor]. <https://www.gazeta.uz/ru/2023/11/03/ethylene-glycol/?utm>
8. Hoppu, K., Anabwani, G., Garcia-Bournissen, F., Gazarian, M., Kearns, G., Nakamura, H., Peterson, R., et al. (2012). The status of paediatric medicines initiatives around the world – what has happened and what has not? *European Journal of Clinical Pharmacology*, 68(1), 78–87. <https://doi.org/10.1007/s00228-011-1089-1>
9. Hwang, J., Tomasi, A., & Bourgeois, T. (2018). Delays in completion and results reporting of clinical trials under the Paediatric Regulation in the European Union: A cohort study. *PLOS Medicine*. <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1002520>
10. *Canterbury v. Spensa*, 464 F.2d 772. (1972). District of Columbia. <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/cadc/22099/22099.html>

11. Kun.uz. (2023, September 23). *Minzdrav: v Namangane zarazilis' 450 detey, iz nikh 143 vyzdoroveli* [Ministry of Health: 450 children infected in Namangan, 143 recovered]. <https://kun.uz/ru/news/2023/09/23/minzdrav-v-namangane-zarazilis-450-detey-iz-nix-143-vyzdoroveli>
12. Kun.uz. (2024, January 1). *Delo "Dok-1 Maks": Chislo zhertv dostiglo 68 chelovek, eshche dvum litsam predyavleny obvineniya* [Case "Doc-1 Max": The number of victims reached 68 people, two more were charged]. <https://kun.uz/ru/04086269?utm>
13. Somova, M. N., & Batishcheva, G. A. (2016). Legal aspects of prescribing off-label. *Voronezh State Medical University Bulletin*, 19(2), 139–143. <https://doi.org/10.18499/2070-9277-2016-19-2-139-143>
14. Sputnik Uzbekistan. (2023, January 6). *Sertifikatsiyu "Dok-1 Maks" v Uzbekistane proveli s narusheniyami* [Certification of "Doc-1 Max" in Uzbekistan was carried out with violations]. <https://uz.sputniknews.ru/20230106/sertifikatsiyu-dok-1-maks-v-uzbekistane-proveli-s-narusheniyami-31285250.html?utm>
15. UPL.uz. (2022, December 22). *V sirope "Dok-1 Maks" naydeno toksichnoe veshchestvo* [Toxic substance found in "Doc-1 Max" syrup]. <https://upl.uz/obshestvo/30367-news.html>
16. Uskenbaev, T. B., & Tilekeeva, U. M. (2023). Off-label naznacheniya lekarstvennykh preparatov v detskoy oftalmologicheskoy praktike [Off-label use of medicines in pediatric ophthalmology practice]. *Aktualnye voprosy farmakologii, klinicheskoy farmakologii i farmatsii* [Topical Issues of Pharmacology, Clinical Pharmacology and Pharmacy], 5(5), 98. <https://vestnik.kgma.kg/index.php/vestnik/article/view/663>

Kelib tushgan / Получено / Received: 10.09.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 10.10.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 27.10.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.5./PZZX6698

UDC: 340.13:004.8(045)(575.1)

ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: ОБЗОР ЛУЧШИХ ПРАКТИК

Хурсанов Рустам Холмурадович,
доктор юридических наук (DSc), первый заместитель директора
по учебной работе Института переподготовки
и повышения квалификации юридических кадров
ORCID: 0000-0003-0706-2960
e-mail: yurmarkaz@adliya.uz

Абдалимова Дарья Одиловна,
самостоятельный соискатель
Института государства и права
Академии наук Республики Узбекистан
ORCID: 0009-0003-1811-9034
e-mail: darya.abdalimova@gmail.com

Аннотация. В условиях стремительного развития технологий и глобальной цифровизации понимание международного опыта правового регулирования искусственного интеллекта приобретает особую значимость для Узбекистана. Изучение подходов, применяемых в зарубежных странах, позволяет выявить эффективные механизмы обеспечения этичности, безопасности и прозрачности использования искусственного интеллекта, а также способствует формированию национальной правовой базы, соответствующей современным вызовам. В статье представлен опыт некоторых зарубежных стран по правовому регулированию систем искусственного интеллекта, который может служить ориентиром для гармонизации законодательства Узбекистана с глобальными стандартами, в целях развития цифровой экономики, привлечения инвестиций и укрепления позиций страны в международном технологическом сообществе.

Ключевые слова: международные стандарты ИИ, опыт зарубежных стран, национальное законодательство, цифровая экономика, правовое регулирование

**XORIJIIY MAMLAKATLARDA SUN'IIY INTELLEKTNI HUQUQIY TARTIBGA SOLISH
TAJIRIBASI: ENG YAXSHI AMALIYOTLAR SHARHI**

Xursanov Rustam Xolmuradovich,
Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash
va malakasini oshirish instituti
direktorining o'quv ishlari bo'yicha birinchi o'rinbosari,
yuridik fanlar doktori (DSc)

Abdalimova Darya Odilovna,

O'zbekiston Respublikasi Fanlar akademiyasi
Davlat va huquq instituti mustaqil izlanuvchisi

Annotatsiya. *Texnologiyalarning jadal rivojlanishi va global raqamlashtirish sharoitida sun'iy intellektni huquqiy tartibga solishning xalqaro tajribasini tushunish O'zbekiston uchun alohida ahamiyat kasb etadi. Xorijiy mamlakatlarda qo'llanayotgan yondashuvlarni o'rganish sun'iy intellektdan foydalanishning axloqiyligi, xavfsizligi va shaffofligini ta'minlashning samarali mexanizmlarini aniqlash imkonini beradi, shuningdek, zamonaviy tahdidlarga mos keladigan milliy huquqiy bazani shakllantirishga yordam beradi. Maqolada raqamli iqtisodiyotni rivojlantirish, investitsiyalarni jalb qilish va mamlakatning xalqaro texnologik hamjamiyatdagi mavqeyini mustahkamlash maqsadida O'zbekiston qonunchiligini global standartlarga muvofiqlashtirish uchun yo'nalish bo'lib xizmat qilishi mumkin bo'lgan sun'iy intellekt tizimlarini huquqiy tartibga solish bo'yicha ba'zi xorijiy mamlakatlar tajribasi taqdim etilgan.*

Kalit so'zlar: *sun'iy intellekt bo'yicha xalqaro standartlar, xorijiy davlatlar tajribasi, milliy qonunchilik, raqamli iqtisodiyot, huquqiy tartibga solish*

EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN FOREIGN COUNTRIES: A REVIEW OF BEST PRACTICE

Khursanov Rustam Kholmuradovich,

Doctor of Science in Law,
First deputy director for academic affairs
of the Institute for retraining and
advanced training of legal personnel

Abdalimova Darya Odilovna,

Independent researcher at the Institute of State and Law
of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan

Abstract. *In the context of rapid technological advancement and global digitalization, understanding the international experience in the legal regulation of artificial intelligence (AI) is of particular importance for Uzbekistan. Studying the approaches applied in foreign countries helps identify effective mechanisms to ensure the ethical, secure, and transparent use of AI, while also contributing to the development of a national legal framework that meets contemporary challenges. This article presents the experience of several foreign countries in regulating AI systems, which can serve as a guideline for harmonizing Uzbekistan's legislation with global standards. Such alignment is essential for the development of the digital economy, attracting investment, and strengthening the country's position in the international technological community.*

Keywords: *international AI standards, experience of foreign countries, national legislation, digital economy, legal regulation*

Введение

Стремительное развитие искусственного интеллекта (далее – ИИ) открыло широкий спектр возможностей во всём мире – от упрощения диагностики в сфере здравоохранения до укрепления социаль-

ных связей через цифровые платформы и повышения производительности труда за счёт автоматизации рутинных задач. В настоящее время ИИ обладает потенциалом трансформировать государственное управление, отдельные отрасли и сферы

экономики, извлекая инновационные и прогрессивные идеи из огромных массивов цифровых данных, формируемых в рамках электронного правительства (Abdalimova, 2025).

Изучение зарубежного опыта регулирования систем ИИ представляет собой важный этап в формировании национальной правовой базы, позволяя учитывать уже существующие практики, избегать ошибок и адаптировать эффективные решения с учётом национальных особенностей Узбекистана. Одновременно вопросы международно-правового регулирования ИИ играют ключевую роль в выработке сбалансированного подхода к взаимодействию с искусственным интеллектом на государственном уровне, способствуя гармонизации национальной политики с глобальными стандартами и обеспечивая правовую определённость в трансграничных аспектах его применения.

Материалы и методы. В основу исследования положены нормативно-правовые акты зарубежных стран – законы, решения высших органов власти, а также анализ программных документов и порядка их реализации. Использованы данные, размещённые на официальных сайтах уполномоченных органов и организаций. В ходе исследования применялись формально-юридический и системный методы, позволяющие рассмотреть развитие ИИ в исторической перспективе, а также проанализировать механизмы его правового регулирования.

Основная часть

В начале 2021 года Конгресс США принял Закон «О национальной инициативе в области искусственного интеллекта» – National Artificial Intelligence Initiative Act (NAIIA) (United States, 2021). Основной целью данного нормативного акта является обеспечение глобального лидерства Соединённых Штатов в сфере искусственного интеллекта, формиро-

вание крупнейшей экосистемы ИИ, установление международных стандартов и получение стратегических преимуществ в экономической и национальной безопасности. План действий США в области ИИ основан на трёх ключевых политических принципах: ускорение инноваций, создание инфраструктуры ИИ и укрепление лидерства в международной дипломатии и безопасности.

Законодательство США в области ИИ развивается динамично: на федеральном и региональном уровнях постепенно принимаются нормативные акты, направленные на решение конкретных проблем, связанных с применением систем ИИ. Так, в штате Калифорния введён запрет для физических и юридических лиц использовать чат-ботов при продаже товаров без предварительного уведомления покупателей о том, что диалог ведётся с программой. В штате Колорадо принят закон, разрешающий страховщикам применять большие данные и прогнозные модели на основе ИИ при условии обеспечения защиты потребителей от несправедливой дискриминации (Colorado General Assembly, 2021). Штат Иллинойс стал первым, где были введены ограничения на использование ИИ при приёме на работу (Illinois General Assembly, 2024). Аналогичные нормативные акты действуют как минимум в 17 штатах, включая Алабаму (Alabama Reflector, 2023) и Миссисипи (State of Mississippi, 2021). В ряде других регионов, таких как Техас и Коннектикут, созданы специальные ведомства, осуществляющие контроль и надзор за использованием ИИ в пределах штата.

Важную роль в формировании политики США в области ИИ играет Национальный институт стандартов и технологий (*National Institute of Standards and Technology* – NIST). Согласно февральскому указу Президента США 2019 года, NIST разработал План по приоритетному

участию федерального агентства в разработке стандартов в сфере ИИ (National Institute of Standards and Technology, 2019), целью которого является сохранение лидерства США в области технологий искусственного интеллекта.

Кроме того, законодательство США предусматривает специальные условия доступа к государственным базам данных для разработчиков ИИ. Доступ к открытым государственным данным регулируется Законом об открытых правительственных данных (*Open Government Data Act*), который обеспечивает прозрачность, правовую определённость и облегчённый доступ к информации для всех заинтересованных сторон (Kilmer & Farenthold, 2017).

Кроме того, в ряде законодательных актов США предусмотрены положения, применимые исключительно к государственным органам. Так, в 2020 году был принят Закон «О применении искусственного интеллекта в государственном управлении» (*AI in Government Act*) (McNerney, 2019). Этот закон обязывает государственные учреждения, использующие технологии ИИ в своей деятельности, разрабатывать внутреннюю политику в области использования данных, предназначенных для обучения и функционирования ИИ.

В США особое внимание уделяется не только вопросам разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта, но и институту анонимизации и методам обезличивания данных, направленным на обеспечение конфиденциальности и защиту персональной информации.

Порядок обработки данных автоматизированными системами регулируется рядом федеральных законов, охватывающих различные сферы общественной жизни. Так, Закон о модернизации финансовых услуг 1999 года – *Financial Services Modernization Act* (GLBA) регулирует сбор,

использование и раскрытие финансовой информации, ограничивает разглашение персональных данных и обязывает финансовые учреждения обеспечивать их защиту (United States Congress, 1999). Закон о правах семьи на образование и неприкосновенность частной жизни 1974 года – *Family Educational Rights and Privacy Act* (FERPA) регулирует обработку персональных данных в сфере образования, предоставляя родителям и учащимся определённые права на доступ и контроль информации (United States Congress, 1974). закон о защите конфиденциальности детей в Интернете 1998 года – *Children's Online Privacy Protection Rule* (COPPA) направлен на регулирование сбора и обработки персональных данных несовершеннолетних в онлайн-пространстве (Federal Trade Commission, 1998).

Особое значение имеет указ Президента США 2020 года «О содействии использованию надёжного искусственного интеллекта в федеральных органах власти» – *Executive Order 13960* (The White House, 2020). Документ устанавливает принципы применения ИИ в государственном управлении, содержит рекомендации по внедрению технологий искусственного интеллекта в деятельность федеральных органов с целью повышения эффективности предоставления государственных услуг, а также направлен на укрепление общественного доверия к этим технологиям.

Эти и другие нормативные акты формируют комплексную систему правового регулирования обработки данных в автоматизированных системах, обеспечивая защиту частной жизни и информационную безопасность в различных отраслях.

В Объединённых Арабских Эмиратах (ОАЭ) на данный момент не существует единого закона, регулирующего сферу искусственного интеллекта. Тем не менее страна демонстрирует активную поли-

тику в области цифровых технологий и инноваций. Ещё в 2016 году была создана первая «регуляторная песочница», предназначенная для тестирования инновационных FinTech-решений (Abu Dhabi Global Market [ADGM], n.d.).

Налоговая политика ОАЭ остаётся крайне благоприятной для разработчиков ИИ: в стране действуют свободные экономические зоны, в которых компании, включая те, что работают в сфере ИИ, освобождаются от налогов. Такие зоны функционируют, например, в эмиратах Дубай (*Dubai International Financial Centre, DIFC*) и Абу-Даби (*Abu Dhabi Global Market, ADGM*).

Примерами реализации государственно-частных партнёрств в области искусственного интеллекта в ОАЭ являются:

проект создания системы умных зданий *Smart Living as AI Service*;

проект *Alef Education*, направленный на цифровизацию и модернизацию школьного образования;

внедрение новейших сетей 5G;

развитие электронного правительства.

В настоящее время специальные условия для разработчиков искусственного интеллекта официально действуют только в эмирате Дубай, где применяется Закон об открытых данных № 26 от 2015 года – *Open Data Law* (Government of Dubai, 2015). Данный закон регулирует порядок раскрытия и обмена государственными данными и служит основой для реализации концепции «умного города» (*Smart City*). Он предоставляет исследователям доступ к государственным базам данных для личного, научного и коммерческого использования, тем самым способствуя развитию креативных и инновационных компетенций.

Дополнительно, в 2020 году в ОАЭ был принят Закон о защите данных № 5 – *Data Protection Law* (United Arab Emirates, 2020), который укрепил правовую базу в области конфиденциальности и безопасности обработки информации.

В 2021 году в Объединённых Арабских Эмиратах принят новый нормативный акт – Регламент о защите данных 2021 года – *Data Protection Regulations 2021* (Abu Dhabi Global Market [ADGM], 2021), который отменил действие одноимённого регламента 2015 года. Новый документ существенно усилил правовое регулирование в сфере обработки персональных данных, включая положения, касающиеся автоматизированного принятия решений.

В частности, статья 20(1) Регламента закрепляет право субъекта данных не подвергаться исключительно автоматизированному принятию решений, включая профилирование, если такие решения влекут за собой юридические последствия или иным образом существенно затрагивают его права и свободы. Исключения допускаются лишь в двух случаях:

1) при наличии явного согласия субъекта данных;

2) когда обработка необходима для исполнения договора между оператором и субъектом персональных данных.

Кроме того, статья 9 Регламента устанавливает требования к обработке персональных данных в архивных и исследовательских целях. Такая обработка допускается только при условии соблюдения гарантий защиты, включая внедрение технических и организационных мер, в частности:

псевдонимизацию (использование технических средств, скрывающих личность субъекта данных);

анонимизацию, при которой идентификация субъекта становится невозможной.

Таким образом, Регламент 2021 года отражает стремление ОАЭ обеспечить баланс между развитием цифровых технологий, включая искусственный интеллект, и защитой фундаментальных прав граждан в условиях цифровой трансформации.

В октябре 2019 года правительство Нидерландов объявило о принятии Стратегического плана действий в области искусственного интеллекта – *Strategic Action Plan for Artificial Intelligence* (Government of the Netherlands, 2019).

В стране хорошо развит механизм «регуляторной песочницы» (sandbox) в сфере FinTech. Для его реализации функционирует InnovationHub – совместная инициатива Центрального банка Нидерландов и Управления по финансовым рынкам (De Nederlandsche Bank (DNB) & Authority for the Financial Markets (AFM), n.d.).

Хотя законодательство Нидерландов в области обработки данных не является обширным и составляет часть европейского законодательства, это не препятствует развитию инициатив государственных органов и частных компаний по созданию наборов открытых данных для исследовательских целей. Примером служит проект *Open Data*, реализованный на основе статистических данных, предоставляемых Статистическим бюро Нидерландов (Statistics Netherlands [CBS], n.d.).

В 2020 году Голландское управление по защите данных – *Dutch Data Protection Authority* опубликовало концептуальный документ «Видение надзора за искусственным интеллектом и алгоритмической обработкой персональных данных» (*Vision document on supervision of AI and algorithmic processing of personal data*) (Dutch Data Protection Authority [Autoriteit Persoonsgegevens], 2020). В нём выделены ключевые риски, возникающие при использовании ИИ и алгоритмов для обработки персональных данных:

риск дискриминации и несправедливого обращения, связанный с предвзятостью и ограничениями в используемых наборах данных;

тенденция компаний собирать чрезмерный объём данных для обучения моделей;

проблема «чёрного ящика», когда компании не могут объяснить внутреннюю логику функционирования систем ИИ при обработке информации.

Документ подчёркивает, что применение ИИ и алгоритмов, как и любая деятельность по обработке данных, должно строго соответствовать основным принципам защиты данных – справедливости, прозрачности, минимизации и ответственности.

В 2024 году Европейский парламент одобрил Закон об искусственном интеллекте – *Artificial Intelligence Act*, AI Act, ставший первым в мире комплексным сводом правил, регулирующим использование ИИ (European Parliament; Council of the European Union, 2024). Принятие данного закона знаменовало собой важнейший шаг к формированию единого правового пространства для этичного и безопасного применения технологий ИИ в Европейском союзе. Основная цель закона – «защитить основные права, демократию, верховенство права и экологическую устойчивость от высокорискованных систем искусственного интеллекта, а также стимулировать инновации и укрепить лидерство Европы в данной области».

Закон запрещает использование определённых категорий систем ИИ, представляющих угрозу правам и свободам человека. В частности, под запрет попадают:

биометрические системы идентификации, использующие изображения лиц из Интернета или камер видеонаблюдения для создания баз данных;

системы распознавания эмоций в школах и на рабочих местах;

«социальный рейтинг», основанный на поведении граждан;

манипулирующие или эксплуатирующие уязвимости человека системы.

Правоохранительным органам разрешено применять технологии биометрической идентификации только в исключи-

тельных случаях, например при розыске пропавших лиц или предотвращении террористических актов.

Закон также устанавливает специальные требования для систем искусственного интеллекта общего назначения (General-Purpose AI Systems). Такие системы обязаны обеспечивать прозрачность, соблюдать нормы авторского права ЕС и обозначать (маркировать) искусственно сгенерированные изображения, аудио- и видеоконтент.

Принятый Европейский закон об искусственном интеллекте создаёт глобальный прецедент в сфере регулирования ИИ, направленный на достижение баланса между инновационным развитием и этическими соображениями. Документ классифицирует системы искусственного интеллекта по трём категориям риска – высокий, средний и низкий – в зависимости от их потенциального воздействия на права и безопасность человека. Для каждой категории установлены различные уровни обязательств и мер ответственности. Большинство систем ИИ считаются низкорисковыми, однако даже для них предусмотрена оценка рисков и соблюдение принципов прозрачности.

В целом *AI Act* направлен на формирование пространства доверия, в котором ИИ может развиваться безопасно и этично, обеспечивая прозрачность, подотчётность и защиту прав граждан Европейского союза.

В Германии на данный момент отсутствует единый закон, регулирующий сферу искусственного интеллекта. В области «регуляторных песочниц» (regulatory sandboxes) разработана стратегия, утверждённая Федеральным министерством экономики и энергетики, а также опубликовано руководство «Создание пространства для инноваций» (*The Handbook for Regulatory Sandboxes*), содержащее общие положения об экспе-

риментальных правовых режимах, применяемых к технологическим инновациям в рамках действующего законодательства (Bundesministerium für Wirtschaft und Energie [BMWi], 2019). Одной из ключевых задач стратегии является не только устранение барьеров и нормативных ограничений, но и разработка «умного законодательства», предусматривающего пересмотр и адаптацию существующих нормативных актов к условиям цифровой экономики.

Технические стандарты в области информационных технологий и стратегические документы в сфере ИИ разрабатываются Немецкой комиссией по электронике, электротехнике и информационным технологиям (*Verband der Elektrotechnik, Elektronik und Informationstechnik – VDE*), в частности, Комитетом по стандартам в сфере ИИ (*Standards Committee Information Technology and Selected AI*). Разрабатываемые стандарты DKE входят в систему национальных стандартов Германии и обеспечивают основу для унификации требований к разработке, внедрению и применению технологий искусственного интеллекта.

В 2021 году в Германии была утверждена «Дорожная карта стандартизации искусственного интеллекта» – *German Standardization Roadmap on Artificial Intelligence*, целью которой является формирование единых подходов и предоставление рекомендаций по стандартизации применения ИИ во всех отраслях экономики (Deutscher Institut für Normung (DIN) & Deutsche Kommission Elektrotechnik, Elektronik, Informationstechnik (DKE), 2021).

Национальное законодательство в Германии последовательно развивается, что способствует расширению доступа разработчиков ИИ к данным и созданию условий для их ответственного использования. Так, Федеральное правительство

Германии утвердило Стратегию работы с данными – *Data Strategy of the Federal German Government* (Federal Republic of Germany, Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2021), направленную на создание эффективной и устойчивой инфраструктуры данных, стимулирование инновационного и ответственного обращения с данными, развитие цифровых компетенций и формирование культуры управления данными.

Вопросы анонимизации и защиты персональных данных в Германии регулируются как на уровне Европейского союза, так и на национальном уровне, что обеспечивает комплексную и многоуровневую правовую защиту прав субъектов данных.

В Республике Корея в 2019 году была принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта (Ministry of Science and ICT, 2019), направленная на стимулирование инноваций, развитие компетенций и технологий в области ИИ, а также на достижение к 2030 году цели – занять третье место в мире по уровню цифровой конкурентоспособности.

В 2022 году был утверждён План поддержки развития полупроводниковой промышленности с применением технологий ИИ – *AI Semiconductor Industry Development Plan*, в рамках которого выделено 786 миллионов долларов США на пятилетний период для разработки технологий ИИ-чипов и подготовки 7000 специалистов в данной области.

Однако быстрый рост сектора сопровождался и серьёзными вызовами: неэтичное использование ИИ, недостаточная надёжность систем и угрозы безопасности данных стали предметом общественного обсуждения и правового регулирования.

В 2024 году был принят Закон «Об искусственном интеллекте» – *Artificial Intelligence Act*, официально опублико-

ванный в 2025 году и вступающий в силу в 2026 году (Republic of Korea, 2025). Основная цель закона заключается в сбалансированном сочетании развития и регулирования отрасли ИИ. В соответствии с ним учреждены Центр политики в области ИИ, Исследовательский институт безопасности ИИ и Национальная комиссия по искусственному интеллекту, призванные обеспечивать координацию, прозрачность и безопасность в данной сфере. Закон предусматривает обязательную маркировку контента, создаваемого генеративными системами ИИ, и направлен на укрепление принципов этики, надёжности, прозрачности и стандартизации технологий. Подобно Европейскому закону об ИИ, южнокорейское законодательство основывается на риск-ориентированном подходе, требуя оценки воздействия высокоэффективных систем ИИ, под которыми понимаются технологии, способные оказывать значительное влияние на жизнь человека, его физическую безопасность или основные права и свободы.

Ключевыми особенностями закона Республики Корея являются:

широкий экстерриториальный охват, распространяющийся на деятельность систем искусственного интеллекта, оказывающих влияние на внутренний рынок и пользователей Южной Кореи;

государственная поддержка развития ИИ посредством создания инфраструктуры (включая центры обработки данных ИИ) и предоставления учебных ресурсов;

целенаправленный надзор за «высокоэффективными» системами ИИ в критически важных секторах, таких как здравоохранение, энергетика и государственные услуги. При этом закон предусматривает специальные исключения для ИИ, применяемого в сфере безопасности и национальной обороны;

обязательства по обеспечению прозрачности для поставщиков продуктов и услуг ИИ, включая обязательную маркировку контента, созданного с помощью искусственного интеллекта.

Существует мнение, что основными перспективными направлениями использования ИИ в организациях частного и государственного сектора являются обработка статистических данных, прогнозная и предписывающая аналитика, автоматизация ручных процессов, взаимодействие с клиентами, а также анализ больших и неструктурированных массивов данных (Gulyamov et al., 2022).

Другие исследователи полагают, что применение ИИ для повышения производственных мощностей промышленных предприятий демонстрирует значительный потенциал в части повышения эффективности и устойчивости различных отраслей. Среди ключевых направлений, где ИИ способен существенно повысить производительность и снизить издержки, выделяются анализ данных, автоматизация процессов, прогнозирование спроса, оптимизация цепочек поставок, персонализация маркетинга и управление качеством продукции (Anafiyaev, 2024).

Отдельные исследования посвящены использованию ИИ для прогнозирования макроэкономических показателей страны, что способствует принятию более обоснованных решений в сфере экономического планирования и государственной политики (Bekmurodov, 2023), а также применению ИИ в системе образования (Ochilov, 2024).

Заключение

Подводя итог представленному обзору, можно сделать вывод, что для всех государств одной из самых сложных задач является поиск баланса между диспозитивностью правового регулирования ИИ, необходимой для обеспечения свободы

разработчиков в реализации инновационных проектов, и императивностью требований безопасности, риски нарушения которой возрастают по мере усложнения систем машинного обучения (Ovchinnikov et al., 2024).

В ряде стран наблюдаются либеральные модели регулирования, в которых правовые инструменты выступают в качестве дополнительных регуляторов, а основное значение придаётся этическим нормам, применяемым преимущественно в рекомендательном порядке.

В то же время другие государства придерживаются более строгих подходов, исходя из того, что ИИ оказывает глубокое воздействие на общество, экономику и безопасность, а потому требует жёстких регуляторных мер для предотвращения злоупотреблений, нарушения приватности и этических нарушений.

Существующие модели регулирования ИИ в зарубежных странах находятся на стадии формирования и характеризуются фрагментарностью, однако накопленный опыт свидетельствует о необходимости комплексного подхода, включающего как технические стандарты, так и эτικο-правовые принципы.

Для национального законодательства целесообразно использовать гибридную модель, сочетающую лучшие практики Европейского союза, США и ведущих азиатских стран.

Для Республики Узбекистан одной из приоритетных задач является определение оптимальной модели правового регулирования искусственного интеллекта, учитывающей региональные и национальные особенности. Особое внимание должно уделяться обеспечению национальной безопасности и созданию условий для устойчивого социально-экономического развития в условиях стремительного технологического прогресса и глобальной цифровизации.

REFERENCES

1. Abdalimova, D. O. (2025). Vzaimodeystvie pravovykh i eticheskikh aspektov pri primenenii iskusstvennogo intellekta [The Interaction of Legal and Ethical Aspects in the Application of Artificial Intelligence]. *Problemy vychislitel'noy i prikladnoy matematiki [Problems of computational and applied mathematics]*, 2/1(65), 179. <https://journals.airi.uz/index.php/pvpm/issue/archive>
2. Abu Dhabi Global Market (ADGM). (2021). *Data Protection Regulations 2021*. ADGM Office of Data Protection. <https://www.adgm.com/operating-in-adgm/office-of-data-protection/data-protection-regulations>
3. Abu Dhabi Global Market (ADGM). (n.d.). *RegLab Sandbox*. <https://www.adgm.com/doing-business/fintech/reglab>
4. Alabama Reflector. (2023, July 18). *As employers expand artificial intelligence in hiring, few states have rules*. <https://alabamareflector.com/2023/07/18/as-employers-expand-artificial-intelligence-in-hiring-few-states-have-rules/>
5. Anafiyaev, A. M. (2024). Artificial Intelligence in Uzbekistan Industry as a Factor of Increasing Efficiency and Sustainable Development. *World of Science: Journal of Modern Research*. <https://wos.academiascience.org/index.php/wos/article/view/5189>
6. Autoriteit Persoonsgegevens. (2020, February). Toezicht op AI en algoritmes door de AP. <https://www.autoriteitpersoonsgegevens.nl/documenten/toezicht-op-ai-en-algoritmes-door-de-ap>
7. Bekmurodov, U., Absalamova, D., Absalamova, G. (2023). Economic forecasting using artificial intelligence models and algorithms in the case of Uzbekistan. *Digital Transformation and Artificial Intelligence*, 1(4), 16–22. <https://dtai.tsue.uz/index.php/dtai/article/view/v1i43>
8. Bundesministerium für Wirtschaft und Energie (BMWi). (2019). *Handbook for regulatory sandboxes: Germany's roadmap for testing innovation and regulation*. <https://www.bmwk.de/Redaktion/EN/Publikationen/Digitale-Welt/handbook-regulatory-sandboxes.html>
9. Colorado General Assembly. (2021). *SB 21-169: Restrict insurers' use of external consumer data and information sources*. Legislative Council of the State of Colorado. <https://leg.colorado.gov/bills/sb21-169>
10. De Nederlandsche Bank (DNB) & Authority for the Financial Markets (AFM). (n.d.). *InnovationHub*. <https://www.innovationhub.nl>
11. Deutsche Institut für Normung (DIN) & Deutsche Kommission Elektrotechnik, Elektronik, Informationstechnik (DKE). (2021). *German standardization roadmap on artificial intelligence*. <https://www.din.de/resource/blob/916798/ed09ae58b60f0d3a498fa90fa5085b7c/nrm-ki-engl-2023-final-web-250-neu-data.pdf>
12. Dutch Data Protection Authority (Autoriteit Persoonsgegevens). (2020, February). *Vision document on supervision of AI and algorithmic processing of personal data*. <https://autoriteitpersoonsgegevens.nl/en/publications/vision-document-supervision-ai-and-algorithmic-processing-personal-data>
13. European Parliament; Council of the European Union. (2024). *Regulation (EU) 2024/1689 on artificial intelligence (AI Act)*. Official Journal of the European Union. <https://data.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj>
14. European Union. (2024). Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 12 July 2024 on Artificial Intelligence. <https://data.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj>
15. Federal German Government. (2021, January). *Data strategy of the Federal German Government: An innovation strategy for social progress and sustainable growth (Federal Cabinet's version)*. <https://www.publikationen-bundesregierung.de/resource/blob/2277952/1950610/5f386401845da99721f9faa082f415cf/datenstrategie-der-bundesregierung-englisch-download-bpa-data.pdf?download=1>
16. Federal Republic of Germany, Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. (2021, January 27). *Data Strategy of the Federal German Government*. <https://www.publikationen-bundesregierung>

de/resource/blob/2277604/1950610/5f386401845da99721f9faa082f415cf/datenstrategie-der-bundesregierung-englisch-download-bpa-data.pdf

17. Federal Trade Commission. (1998). *Children's Online Privacy Protection Rule (COPPA)*, 15 U.S.C. § 6501 et seq. Federal Trade Commission. <https://www.ftc.gov/legal-library/browse/rules/childrens-online-privacy-protection-rule-coppa>

18. German Institute for Standardization. (2021). German standardization roadmap on artificial intelligence. <https://www.din.de/resource/blob/772610/e96c34dd6b12900ea75b460538805349/normungsroadmap-en-data.pdf>

19. Government of Dubai. (2015). *Law No. 26 of 2015 on the Regulation of Open Data*. Government of Dubai Legal Affairs Department. <https://www.dubaied.gov.ae/en/open-data>

20. Government of the Netherlands. (2019, October). *Strategic Action Plan for Artificial Intelligence*. Ministry of Economic Affairs and Climate Policy. <https://www.government.nl/documents/publications/2019/10/15/strategic-action-plan-for-artificial-intelligence>

21. Gulyamov, S. S., Shermukhamedov, A. T. & Mukhitdinova, M. Kh. (2022). Razvitie iskusstvennogo intellekta v Uzbekistane [Development of artificial intelligence in Uzbekistan]. *Nazariy va amaliy tadqiqotlar xalqaro jurnali [International Journal of Theoretical and Applied Research]*, 2(5), 7–17. 10.5281/zenodo.6945578

22. Illinois General Assembly. (2024). *House Bill 3773: An Act concerning employment (amending the Illinois Human Rights Act)*. Public Act 103-0816. <https://www.ilga.gov/legislation/billstatus.asp?DocNum=3773&GAID=17&GA=103&DocTypeID=HB&LegID=149540&SessionID=112>

23. Kilmer, D., & Farenthold, B. (2017, March). H.R.1770. OPEN Government Data Act. <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/1770>

24. McNerney, J., & Meadows, M. (2019, May). H.R.2575. AI in Government Act of 2020. <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/2575>

25. Ministerie van Economische Zaken en Klimaat. (2019, October). Strategisch actieplan voor kunstmatige intelligentie. <https://www.government.nl/binaries/government/documents/reports/2019/10/09/strategic-action-plan-for-artificial-intelligence/Strategic+Action+Plan+for+Artificial+Intelligence.pdf>

26. Ministry of Science and ICT of the Republic of Korea. (2025). *Plan to support the development of the semiconductor industry using artificial intelligence*. https://www.msit.go.kr/webzine/2025/AI_Semiconductor_Plan.pdf

27. Ministry of Science and ICT. (2019, December 17). *National Strategy for Artificial Intelligence of the Republic of Korea*. Republic of Korea. <https://www.msit.go.kr/eng/bbs/view.do?bbsSeqNo=46&nttSeqNo=9&sCode=eng>

28. National Institute of Standards and Technology. (2019, August 10). *U.S. leadership in AI: A plan for federal engagement in developing technical standards and related tools*. U.S. Department of Commerce. <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ir/2019/NIST.IR.8332.pdf>

29. Ochilov, I. K. (2024). Revolutionary Shift in Education: The Impact and Prospects of Artificial Intelligence Technologies in Uzbekistan. *Asian Journal of Multidimensional Research (AJMDR)*. <https://ajmdr.com/index.php/ajmdr/article/view/33>

30. Ovchinnikov, A. I., Selivanova, Ye. S., & Konopiy, A. S. (2024). Pravovaya politika v sfere regulirovaniya iskusstvennogo intellekta: zarubezhnyy opyt normirovaniya i vystraivaniya prioritetov [Legal Policy in the Sphere of Artificial Intelligence Regulation: International Experience in Standardization and Prioritization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, 502, 204–213. <https://doi.org/10.17223/15617793/502/21>

31. Republic of Korea. (2025, January 21). *Basic Act on the Development of Artificial Intelligence and Establishment of Trust (AI Basic Act)*. National Assembly. https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0625_south-korea_ai_law_EN.pdf

32. State of Mississippi. (2021). *Executive Order No. 1584*. Office of the Governor. <https://www.sos.ms.gov/content/executiveorders/ExecutiveOrders/1584.pdf>

33. Statistics Netherlands (CBS). (n.d.). *Open Data Portal*. <https://www.cbs.nl/en-gb/our-services/open-data>
34. The White House. (2020, December 3). *Executive Order 13960: Promoting the use of trustworthy artificial intelligence in the Federal Government*. *Federal Register*, 85(236), 78939–78943. <https://www.federalregister.gov/documents/2020/12/08/2020-27065/promoting-the-use-of-trustworthy-artificial-intelligence-in-the-federal-government>
35. United Arab Emirates. (2020). *Federal Decree-Law No. 5 of 2020 on the Protection of Personal Data*. U.A.E. Ministry of Justice. <https://www.moj.gov.ae>
36. United States Congress. (1974). *Family Educational Rights and Privacy Act (FERPA)*, 20 U.S.C. § 1232g. U.S. Department of Education. <https://studentprivacy.ed.gov>
37. United States Congress. (1999). *Gramm–Leach–Bliley Act (Financial Services Modernization Act of 1999)*, Pub. L. 106-102, 113 Stat. 1338. U.S. Government Publishing Office. <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-106publ102/pdf/PLAW-106publ102.pdf>
38. United States. (2021). *National Artificial Intelligence Initiative Act of 2020* (Pub. L. 116-283, div. E, Jan. 1, 2021). <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title15/chapter119&edition=prelim>

Kelib tushgan / Получено / Received: 18.09.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 13.10.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 27.10.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.5./MVNH6916

UDC: 347:573.6:608(045)(575.1)

BIOTEXNOLOGIYA OBYEKTLARINING FUQAROLIK-HUQUQIY TABIATI VA XUSUSIYATLARI: NAZARIY-HUQUQIY TAHLIL

Mamanazarov Sardor Shuxratovich,

Toshkent davlat yuridik universiteti

Ingliz huquqi va Yevropa Ittifoqi

huquqi kafedrası mudiri,

yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD)

ORCID: 0009-0004-5855-6498

e-mail: sardormamanazarov@gmail.com

Annotatsiya. Zamonaviy biotexnologiya obyektlarining huquqiy tabiati fuqarolik huquqida murakkab va ko'p qirrali masalalarni keltirib chiqarmoqda. Ushbu maqolada biotexnologiya obyektlarining to'rt asosiy xususiyati – tabiiyligi va sun'iylik dialektikasi, biologik takrorlanish qobiliyati, yuqori xavf va noaniqlik darajasi hamda etik-ijtimoiy ahamiyatning yuqoriligi – kompleks ravishda tahlil qilindi. Tadqiqotda qiyosiy-huquqiy, tarixiy-huquqiy va empirik tahlil metodlaridan foydalanilgan holda AQSh, Yevropa Ittifoqi, Xitoy va boshqa yirik yurisdiksiyalar amaliyoti o'rganildi. Asosiy natijalar shuni ko'rsatdiki, biotexnologiya obyektlari o'ziga xos tabiiylik-sun'iylik ikkilamchiligi, o'z-o'zini takrorlash xususiyati va yuqori etik ahamiyati tufayli an'anaviy fuqarolik-huquqiy kategoriyalardan tubdan farq qiladi va maxsus huquqiy yondashuvni talab etadi. 1980-yildagi "Diamond v. Chakrabarty" va 2013-yildagi "Association for Molecular Pathology v. Myriad Genetics" ishlaridagi tarixiy pretsedentlar tahlili biologik materiallar patentlanishida tabiiy va sun'iy elementlarning huquqiy chegaralarini belgilash masalasining murakkabligini yaqqol ko'rsatdi. Tadqiqot xulosasida biotexnologiya obyektlarining fuqarolik-huquqiy maqomini aniqlashda etik normalar, xavfsizlik talablari va innovatsion rivojlanish o'rtasidagi nozik muvozanatni saqlash zarurligi ta'kidlanadi. Maqolada, shuningdek, O'zbekiston Respublikasi qonunchiligida biotexnologiya obyektlariga nisbatan maxsus huquqiy tartibga solish mexanizmlarini joriy etish zaruriyati asoslanadi.

Kalit so'zlar: biotexnologiya obyektlari, genetik materiallar, biologik takrorlanish, CRISPR-Cas9 texnologiyasi, hujayraviy liniyalar, rekombinant mikroorganizmlar, biologik xavfsizlik, bioetika

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Маманазаров Сардор Шухратович,

доктор философии (PhD) по юридическим наукам,

заведующий кафедрой «Английское право и право Европейского союза»

Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. Правовая природа объектов современной биотехнологии в гражданском праве порождает сложные и многогранные вопросы. В данной статье комплексно проанализированы четыре ключевые характеристики биотехнологических объектов

– диалектика естественности и искусственности, способность к биологическому воспроизведению, высокий уровень риска и неопределённости, а также значительная эτικο-социальная значимость. В исследовании применены сравнительно-правовой, историко-правовой и эмпирический методы анализа, что позволило изучить практику США, Европейского союза, Китая и других ведущих юрисдикций. Основные результаты показывают, что объекты биотехнологий вследствие присущей им двойственной природы «естественное – искусственное», способности к самовоспроизводству и высокой этической значимости существенно отличаются от традиционных гражданско-правовых категорий и требуют специального юридического подхода. Анализ исторических прецедентов – дел *Diamond v. Chakrabarty* (1980) и *Association for Molecular Pathology v. Myriad Genetics* (2013) – наглядно демонстрирует сложность вопроса о разграничении правовых границ между естественными и искусственно созданными элементами при патентовании биологического материала. В заключении подчёркивается необходимость сохранения тонкого баланса между этическими нормами, требованиями безопасности и целями инновационного развития при определении гражданско-правового статуса объектов биотехнологии. Кроме того, в статье обосновывается необходимость внедрения в законодательство Республики Узбекистан специальных механизмов правового регулирования, применимых к биотехнологическим объектам.

Ключевые слова: биотехнологические объекты, генетические материалы, биологическое воспроизведение, технология CRISPR-Cas9, клеточные линии, рекомбинантные микроорганизмы, биологическая безопасность, биоэтика

CIVIL-LEGAL NATURE AND CHARACTERISTICS OF BIOTECHNOLOGY OBJECTS: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Mamanazarov Sardor Shukhratovich,
Doctor of Philosophy (PhD) in Law,
Head of the Department of
English Law and European Union Law,
Tashkent State University of Law

Abstract. The legal nature of modern biotechnology objects generates complex and multifaceted problems in civil law. This article provides a comprehensive analysis of four main characteristics of biotechnology objects: the dialectic of naturalness and artificiality, biological reproducibility capacity, high level of risk and uncertainty, and elevated ethical-social significance. The research employs comparative legal, historical-legal, and empirical analysis methods to examine the practices of the USA, the European Union, China, and other major jurisdictions. The main findings demonstrate that biotechnology objects, due to their specific natural-artificial duality, self-reproduction capability, and high ethical significance, fundamentally differ from traditional civil law categories and require a specialized legal approach. Analysis of landmark precedents in *Diamond v. Chakrabarty* (1980) and *Association for Molecular Pathology v. Myriad Genetics* (2013) cases clearly illustrated the complexity of establishing legal boundaries between natural and artificial elements in the patenting of biological materials. The research conclusions emphasize the necessity of maintaining a delicate balance between ethical norms, safety requirements, and innovative development when determining the civil legal status of biotechnology objects. The article also substantiates the necessity of introducing special legal regulation mechanisms for biotechnology objects in the legislation of the Republic of Uzbekistan.

Keywords: biotechnology objects, genetic materials, biological reproduction, CRISPR-Cas9 technology, cell lines, recombinant microorganisms, biosafety, bioethics

Kirish

Zamonaviy dunyoda biotexnologiya sohasining jadal rivojlanishi huquqshunoslik fanida yangi va murakkab masalalarni yuzaga keltirmoqda. Bu masalalar, eng avvalo, biotexnologiya obyektlarining huquqiy tabiatini aniqlash va tasniflash bilan bog'liq bo'lib, ular nafaqat milliy, balki xalqaro miqyosda ham katta ahamiyat kasb etmoqda. Shu sababli, biotexnologiya obyektlarining huquqiy tabiatini chuqur tushunish zamonaviy huquq tizimini rivojlantirish va takomillashtirishning ajralmas qismi hisoblanadi.

Biotexnologiya sohasidagi ilmiy yutuqlar an'anaviy huquqiy kategoriyalarning chegaralarini sinab ko'rmoqda va yangi huquqiy yondashuvlarni talab qilmoqda. Bugungi kunda biotexnologiya eng muhim texnologiya sohalaridan biri hisoblanib, kuchli sog'liqni saqlash va oziq-ovqat ta'minoti bevosita biotexnologiya bilan bog'liqdir (Singh, 2015). Shu bois, biotexnologiya obyektlarining huquqiy maqomini aniqlash nafaqat nazariy, balki amaliy jihatdan ham o'ta muhimdir.

Soha ahamiyatini tasdiqlovchi ma'lumotlar sifatida qayd etish mumkinki, biotexnologiya sohasidagi global bozor hajmi 2023-yilda 849 mlrd AQSh dollarini tashkil etdi va 2030-yilga borib 2,44 trln dollarga yetishi prognoz qilinmoqda (Global Biotechnology Market Report, 2023). Bu ko'rsatkichlar biotexnologiya obyektlarining iqtisodiy ahamiyatini va ularning huquqiy tartibga solish zarurligini yaqqol namoyish etadi. Bundan tashqari, global miqyosda ushbu sohada 15,000 dan ortiq kompaniya faoliyat yuritmoqda va yillik 150 mlrd dollar investitsiya jalb qilinmoqda.

Ushbu maqolaning asosiy maqsadi biotexnologiya obyektlarining fuqarolik-huquqiy tabiatini kompleks tahlil qilish va ularning o'ziga xos xususiyatlarini aniqlashdan iborat. Bu maqsadga erishish uchun quyidagi asosiy vazifalar belgilandi:

Birinchidan, biotexnologiya obyektlarining an'anaviy fuqarolik-huquqiy katego-

riyalardan farqini aniqlash lozim. Bu vazifa obyektlarning o'ziga xos tabiatini tushunish uchun zarur. Moddiy mulk va intellektual mulk kategoriyalarining an'anaviy tushunchalari biotexnologiya obyektlarining xususiyatlarini to'liq qamrab ololmaydi, chunki bu obyektlar bir vaqtning o'zida ham moddiy, ham nomoddiy xususiyatlarga ega.

Ikkinchidan, ularning huquqiy xususiyatlarini batafsil tahlil qilish talab etiladi. Bu jarayon obyektlarning huquqiy maqomini to'g'ri belgilashga yordam beradi. Xususan, biotexnologiya obyektlarining tabiiyligi va sun'yligi, biologik takrorlanish qobiliyati, yuqori xavf darajasi va etik ahamiyati kabi xususiyatlarni chuqur o'rganish zarur.

Uchinchidan, xalqaro huquqiy amaliyotdagi pretsedentlarni o'rganish muhim ahamiyatga ega. Bu orqali dunyodagi eng yaxshi amaliyotlardan foydalanish mumkin. AQSh, Yevropa Ittifoqi, Xitoy va Yaponiya kabi yetakchi yurisdiksiyalar tajribasini tahlil qilish milliy qonunchilikni takomillashtirish uchun asos yaratadi.

To'rtinchidan, huquqiy tartibga solish mexanizmlarini takomillashtirish yo'llarini belgilash zarur. Bu vazifa kelajakdagi huquqiy islohotlar uchun asos yaratadi va O'zbekiston Respublikasi qonunchiligini xalqaro standartlarga moslashtirishga yordam beradi. Zamonaviy tadqiqotlar shuni ko'rsatadiki, biotexnologiya va genetik muhandislik sohasida tadqiqot va rivojlantirish katta hajmdagi yuqori xavfli investitsiyalarni talab qiladi va shuning uchun faqat adekvat huquqiy himoya ularni foydali qilishi mumkin (Mokhov et al., 2021).

Bu masalalar biotexnologiya sohasining tez rivojlanishi va an'anaviy huquqiy tizimlarning bunday obyektlarni to'liq qamrab olishidagi qiyinchiliklari tufayli o'ta dolzarb hisoblanadi. Jahon sog'liqni saqlash tashkiloti ma'lumotlariga ko'ra, 2025-yilga kelib biotexnologiya orqali ishlab chiqariladigan dorilar umumiy farmatsevtika bozorining 30 foizdan ortig'ini tashkil qilishi kutilmoqda.

Amerika kimyo jamiyati biotexnologiyani tirik organizmlar, tizimlar yoki jarayonlarni turli sanoat tomonidan qo'llash, hayot haqidagi bilimlarni o'rganish va farmatsevtika, ekinlar va chorvachilik kabi materiallar va organizmlarning qiymatini yaxshilash sifatida e'tirof etadi (Global Biotechnology Industry Statistics, 2023). Bu ta'rif biotexnologiya obyektlarining funksional jihatlarini ko'rsatib beradi va ularning amaliy qo'llanish doirasini belgilaydi.

Xuddi shunday, Yevropa Biotexnologiya federatsiyasi biotexnologiyani mahsulotlar va xizmatlar uchun tabiiy fan va organizmlar, hujayralar, ularning qismlari hamda molekulyar analoglarning integratsiyasi sifatida ta'riflaydi (NCERT, 2025). Bu ta'rif esa biotexnologiya obyektlarining ko'p qirrali tabiatini aks ettiradi va turli sohalar o'rtasidagi bog'liqliklarni namoyish etadi.

Bu ta'riflardan ko'rinib turibdiki, biotexnologiya obyektlari oddiy moddiy predmetlardan farqli o'laroq, murakkab biologik tizimlar va ularning o'zaro ta'sirini o'z ichiga oladi. Shuning uchun ularning huquqiy tasnifi an'anaviy yondashuvlardan tashqari yangi metodologiyani talab qiladi. Biotexnologiya obyektlarini to'g'ri tasniflash ularning huquqiy himoyasi, litsenziyalash, sug'urtalash va boshqa huquqiy munosabatlarni tartibga solishda muhim ahamiyatga ega.

Ushbu tadqiqot biotexnologiya obyektlarining fuqarolik-huquqiy tabiatini kompleks o'rganishga qaratilgan bo'lib, bir-biri bilan uzviy bog'langan to'rt asosiy yo'nalish bo'yicha amalga oshirildi.

Birinchi yo'nalishda biotexnologiya obyektlarining nazariy-huquqiy asoslari o'rganildi. Bu bosqichda biotexnologiya tushunchasining huquqiy mazmuni, uning rivojlantirish tarixi va zamonaviy holati chuqur tahlil qilindi. Bundan maqsad mavzuning nazariy asoslarini mustahkamlash edi. Tadqiqot davomida biotexnologiya obyektlarining tabiiy-ilmiiy va huquqiy jihatlarining o'zaro bog'liqligi o'rganildi va zamonaviy huquqshunoslikda mavjud bo'lgan yondashuvlar tahlil qilindi.

Ikkinchi yo'nalish biotexnologiya obyektlarining o'ziga xos xususiyatlarini aniqlash va tasniflashga bag'ishlandi. Bu yerda tabiiyligi va sun'iylik dialektikasi, takrorlanish qobiliyati, yuqori xavf darajasi va etik ahamiyat kabi xususiyatlar batafsil o'rganildi. Har bir xususiyat alohida tahlil qilindi va ularning o'zaro bog'lanishi ko'rsatildi. Xususan, bu xususiyatlarning fuqarolik-huquqiy munosabatlarga ta'siri va huquqiy tartibga solish masalalarida qanday aks etishi tadqiq etildi.

Uchinchi yo'nalishda xalqaro huquqiy amaliyotni tahlil qilish jarayoni amalga oshirildi. Bu jarayonda AQSh, Yevropa Ittifoqi va Xitoy kabi yirik ilg'or yurisdiksiyalardagi huquqiy yondashuvlar qiyosiy tahlil qilindi. Har bir davlatning o'ziga xos yondashuvlari va ularning sabablari ko'rib chiqildi. Shuningdek, Yaponiya, Janubiy Koreya, Kanada, Avstraliya va boshqa rivojlangan davlatlarning tajribasi ham o'rganildi va ularning umumiy jihatlar hamda farqlari taqqoslandi.

To'rtinchi yo'nalishda konkret holat o'rganishlari (*case study*) orqali nazariy xulosalar amaliy jihatdan tekshirildi. "*Diamond v. Chakrabarty*" (1980), "*Association for Molecular Pathology v. Myriad Genetics*" (2013), "*Moore v. Regents of the University of California*" (1990) kabi muhim sud qarorlari batafsil tahlil qilindi va ularning huquqiy ahamiyati baholandi. Har bir ish bo'yicha sud qarori matni, sudyalarning alohida fikrlari va keyingi huquqiy amaliyotga ta'siri o'rganildi.

Tadqiqot davomida ilmiy metodologiya talablariga javob beradigan bir qator metodlar qo'llandi. Har bir metod o'ziga xos vazifalarni bajarish uchun tanlangan va ular birgalikda tadqiqotning ishonchligini ta'minladi.

Qiyosiy-huquqiy metod turli davlatlar qonunchiligidagi biotexnologiya obyektlariga nisbatan yondashuvlarni solishtirish uchun keng ishlatildi. Bu metod yordamida har bir yurisdiksiyaning o'ziga xos xususiyatlari, kuchli va zaif tomonlari aniqlandi hamda eng samarali huquqiy mexanizmlar belgilandi.

Tarixiy-huquqiy metod yordamida biotexnologiya obyektlariga nisbatan huquqiy yondashuvlarning vaqt o'tishi bilan qanday o'zgarganini kuzatish va tahlil qilish mumkin bo'ldi.

Strukturaviy-funksional tahlil biotexnologiya obyektlarining tuzilishi va funksional xususiyatlarini batafsil o'rganish uchun ishlatildi. Bu metod obyektlarning huquqiy maqomini aniqlashda muhim ahamiyatga ega bo'lib, ularning ichki tuzilishi va tashqi funksiyalari o'rtasidagi bog'lanishni ochib berdi. Shuningdek, bu metod orqali biotexnologiya obyektlarining turli toifalari o'rtasidagi farqlar va ularni huquqiy tartibga solish xususiyatlari aniqlandi.

Empirik tahlil konkret sud qarorlari va huquqiy amaliyotni o'rganish uchun qo'llandi. Bu metod nazariy xulosalarni amaliy ma'lumotlar bilan tasdiqlash imkonini berdi va tadqiqotning amaliy qiymatini oshirdi.

Tizimli tahlil biotexnologiya obyektlarini yagona tizim sifatida ko'rib chiqish uchun ishlatildi. Tizimli yondashuv biotexnologiya obyektlarining kompleks tabiatini tushunish va ularni yaxlit tizim sifatida tartibga solish choralari ishlab chiqishda zarur hisoblanadi.

Tadqiqot obyekti sifatida biotexnologiya obyektlarining fuqarolik-huquqiy munosabatlardagi o'rni va ularning huquqiy tabiatini belgilovchi xususiyatlar tanlandi. Bu obyektlar zamonaviy huquqshunoslikda yangi kategoriya bo'lib, ularning o'rganilishi maxsus yondashuvni talab qiladi.

Tadqiqot predmeti biotexnologiya obyektlarining o'ziga xos huquqiy xususiyatlari va ularning fuqarolik huquqidagi maqomini aniqlash masalalaridan iborat. Bu predmet nafaqat nazariy, balki amaliy jihatdan ham katta ahamiyatga ega.

Asosiy qism

Biotexnologiya obyektlarining nazariy asoslari

Biotexnologiya obyektlarining nazariy asoslarini o'rganish jarayonida ularning eng

muhim xususiyati – ikki tomonlama tabiatiga alohida e'tibor berish zarur ekanligi aniqlandi. Bu obyektlar bir tomondan, tabiiy materiallar asosida yaratilsa-da, boshqa tomondan, ilmiy tadqiqot va texnologik jarayonlar natijasida sun'iy ravishda o'zgartiriladi yoki sintez qilinadi (de Lisa, 2020). Aynan bu ikkilamchi tabiat huquqshunoslikda yangi yondashuvlar yaratishga olib kelmoqda va an'anaviy yondashuvlarni qayta ko'rib chiqishni talab qilmoqda.

Zamonaviy biotexnologiyalarning rivojlanish sur'atlari shuni ko'rsatmoqdaki, an'anaviy huquqiy tushunchalar biotexnologiya obyektlarining dinamik xususiyatlarini to'liq qamrab ololmayapti. 2023-yil ma'lumotlariga ko'ra, jahon miqyosida 15 000 dan ortiq biotexnologiya kompaniyasi faoliyat yuritmoqda (2023). Bu raqam nafaqat soha hajmini, balki uning huquqiy tartibga solish ehtiyojining yuqoriligini ham yaqqol ko'rsatadi.

Biotexnologiya obyektlarining nazariy asoslarini tushunishda quyidagi yondashuvlar shakllanganini ta'kidlash lozim. *Reduktivist yondashuv* biotexnologiya obyektlarini oddiy kimyoviy birikmalar yig'indisi sifatida ko'radi, ammo bu yondashuv murakkab biologik tizimlarning yangi paydo bo'ladigan xususiyatlarini hisobga olmaydi. Bu yondashuv biotexnologiya obyektlarini an'anaviy moddiy mulk kategoriyasiga kiritishga urinadi, lekin bunday tasnif ularning biologik xususiyatlarini e'tibordan chetda qoldiradi.

Holistik yondashuv esa obyektlarni yaxlit tizim sifatida ko'rib chiqadi va ularning funksional xususiyatlari hamda atrof-muhit bilan o'zaro ta'sirini hisobga oladi. Bu yondashuv biotexnologiya obyektlarining murakkabligini to'liqroq aks ettiradi va ularning biologik, kimyoviy va fizikaviy xususiyatlarini bir vaqtning o'zida hisobga olish imkonini beradi.

Integrativ yondashuv yuqoridagi ikki yondashuvning sintezi bo'lib, biotexnologiya obyektlarining ham moddiy, ham ma'naviy jihatlarini bir vaqtda hisobga oladi. Bu yondashuv eng maqbul hisoblanadi, chunki u

biotexnologiya obyektlarining ko'p qirrali tabiatini to'liq qamrab oladi va ularni huquqiy tartibga solish uchun eng optimal mexanizmlarni yaratishga imkon beradi.

Biotexnologiya obyektlarining asosiy xususiyatlari

Tadqiqotimiz davomida biotexnologiya obyektlarining to'rt asosiy xususiyati aniqlandi. Bu xususiyatlar o'zaro uzviy bog'langan bo'lib, birgalikda mazkur obyektlarning o'ziga xos tabiatini shakllantiradi.

1. Tabiiyligi va sun'iylik dialektikasi. Bu xususiyat biotexnologiya obyektlarining eng muakkab va muhim jihatlaridan biri hisoblanadi. Nemis Patent va savdo belgilari idorasi (DPMA) ning tushuntirishicha, biologik materialga oid ixtirolar, qoida tariqasida, patent himoyasiga loyiq hisoblanadi. Biroq bu yerda muhim shart mavjud: biotexnologiya obyektlari tabiiy materiallar asosida va albatta, texnologik aralashuv natijasida yaratilgan bo'lishi kerak.

Bu dialektikaning huquqiy ahamiyati shundaki, u patentlilik mezonlarini qo'llashda asosiy rol o'ynaydi. Tabiiy holatda mavjud bo'lgan materiallar odatda patentlanmasligi mumkin, ammo ular sun'iy yo'l bilan o'zgartirilgan yoki izolyatsiya qilingan bo'lsa, patent himoyasini olish huquqiga ega bo'ladi. Bu tamoyil biotexnologiya patentlash amaliyotida asosiy mezon bo'lib xizmat qiladi.

Misol tariqasida, rekombinant DNK texnologiyasi orqali yaratilgan insulin geni tabiiy insulin genidan farqli ravishda patent himoyasini olishi mumkin, chunki uning hosil qilinish jarayonida inson aralashuvi mavjud. Shu bilan birga, tabiiy holatda mavjud bo'lgan gen ketma-ketligi, hatto u juda qimmat va murakkab tadqiqot orqali kashf etilgan bo'lsa ham, patentlanishi mumkin emas. Bu prinsip 2013-yildagi *"Myriad Genetics"* ishida AQSh Oliy sudi tomonidan tasdiqlandi.

2. Takrorlanish qobiliyati. Biologik materiallarning o'z-o'zini takrorlash yoki biologik tizimda takrorlanish qobiliyati patent tizimida noyob muammolarni keltirib chiqaradi. Bu xususiyat an'anaviy patent doktrinalaridan

tubdan farq qiladi, chunki tirik organizmlar patentlangan bo'lsa ham, o'zlarini takrorlash (ko'payish) qobiliyatini saqlab qoladi.

Patent huquqida an'anaviy to'liq foydalanish doktrinasini (*"exhaustion doctrine"*) biotexnologiya obyektlari uchun to'liq qo'llanmaydi. Misol uchun, patentlangan urug' sotilgandan keyin ham, undan yetishtirilgan o'simlik va uning keyingi avlod urug'lari patent egasining huquqlarini buzishi mumkin. Bu holat patent himoyasining davomiyligini ta'minlashda yangi yondashuvlarni talab qiladi.

Bu muammoga misollar juda ko'p. Masalan, Monsanto kompaniyasi tomonidan yaratilgan genetik modifikatsiyalangan soya urug'lari haqidagi (Bowman v. Monsanto Co., 2013) sud ishlarida aniqlandiki, fermerlar birinchi avlod urug'ini sotib olganidan keyin ikkinchi avlod urug'larini ekish uchun patent egasidan alohida ruxsat olishi kerak. Bu holat an'anaviy moddiy mulk huquqidan tubdan farq qiladi, chunki oddiy tovarlarda sotish bilan huquqlar to'liq o'tadi.

3. Yuqori xavf va noaniqlik darajasi. Biotexnologiya obyektlari ko'pincha yuqori xavf darajasiga ega bo'lib, ularning ta'siri oldindan to'liq bashorat qilinmasligi mumkin. Shuni inobatga olgan holda, Germaniya Patent qonuni (Patentgesetz, PatG), §1a-moddasining (1)-qismiga ko'ra, inson tanasi uning shakllanishi va rivojlanishining turli bosqichlarida, shu jumladan, jinsiy hujayralar patentlanishi mumkin emas. Bu cheklov xavfsizlik va etik masalalarni hisobga olgan holda belgilangan.

2023-yilda o'tkazilgan xalqaro so'rovga ko'ra, biotexnologiya mahsulotlaridan foydalanishda 73 foiz respondent xavfsizlik masalalaridan xavotirlarini bildirgan (Biotechnology Public Perception Survey, 2023). Bu yuqori ko'rsatkich biotexnologiya obyektlarining xavf darajasini baholash va boshqarish masalasining dolzarbligini yaqqol aks ettiradi.

Biotexnologiya obyektlarining xavfsizligi masalasi nafaqat patent huquqi, balki mahsulotlarning bozorga chiqarilishi, sertifikatlash va nazorat qilish tizimlarida ham muhim

ahamiyatga ega. Genetik modifikatsiyalangan organizmlar (GMO), gen muharrirlik texnologiyalari va sintetik biologiya mahsulotlari atrof-muhit va inson salomatligiga kutilmagan ta'sir ko'rsatishi mumkin. Shu sababli ko'pgina davlatlar maxsus biologik xavfsizlik qonunchiligini qabul qilgan.

Misol uchun, *Cartagena Protocol on Biosafety* (Secretariat of the Convention on Biological Diversity, 2000) genetik modifikatsiyalangan organizmlarning xavfsiz ko'chirilishi, ishlatilishi va boshqarilishi bo'yicha xalqaro standartlarni belgilaydi. Shuningdek, AQShda FDA (*Food and Drug Administration*) biotexnologiya mahsulotlarini qat'iy nazorat qiladi va bozorga chiqarishdan oldin xavfsizligini baholashdan o'tkazadi.

4. *Etik va ijtimoiy ahamiyatning yuqoriligi.* Yevropa Patent idorasi (EPO)ning 2025-yilgi hujjati – “*Guidelines for Examination*”da EPC (*European Patent Convention*) ostida, G-II bo'limi, 4.1-qismida (*Matter contrary to “ordre public” or morality*) ko'rsatilishicha, har qanday ixtiro, uning tijorat maqsadida foydalanilishi “*ordre public*” (ommaviy tartib) yoki axloqqa zid bo'lsa, patentlanmaydi. Masalan, genetik muhandislik, genetik testlash va inson ustida tadqiqotlar kabi yo'nalishlar jamiyatda muammolar keltirishi va keng etik munozaralarni uyg'otishi sababli agar ixtiro ekspluatatsiyasi ommaviy tartib yoki axloq me'yorlariga qarshi bo'lsa, u holda EPCning Art. 53(a) bandi doirasida qat'iy taqiqlanishi mumkin.

Bu etik cheklovlar nafaqat huquqiy, balki ijtimoiy jihatdan ham zarur bo'lib, biotexnologiya rivojlanishining maqbul yo'nalishlarini belgilashga yordam beradi. Masalan, inson embrioni ustida genetik muhandislik, insonni klonlash va *chimera* (ikkita organizm qismlardan tashkil topgan) organizmlar yaratish ko'plab mamlakatlarda qat'iy taqiqlangan yoki cheklangan.

2018-yilda xitoylik olim *He Jiankui* genetik tahrirlangan egizak chaqaloqlar tug'ilganini e'lon qilganida bu voqea butun dunyo

ilmiy hamjamiyatida va jamoatchilik orasida katta janjalni keltirib chiqardi (Cyranoski & Ledford, 2018). Ushbu hodisa biotexnologiya sohasida, ayniqsa, inson genomi ustida tajribalar olib borishda, qat'iy etik nazoratning zarurligini yaqqol ko'rsatdi. Natijada bir qator davlatlar va xalqaro tashkilotlar genetik tahrir qilishga oid tartiblarni qayta ko'rib chiqib, yanada qat'iy qonunchilik va normativ hujjatlarni qabul qila boshladilar.

Xalqaro huquqiy amaliyot tahlili

AQSh amaliyoti. Amerika Qo'shma Shtatlari biotexnologiya huquqida dunyodagi eng liberal yondashuvni qo'llaydi. 1980-yilda AQSh Oliy sudi tomonidan ko'rib chiqilgan *Diamond v. Chakrabarty* (1980) ishidagi tarixiy pretsedent “quyosh ostida inson tomonidan yaratilgan har qanday narsa” tamoyilini belgiladi. Bu qaror biotexnologiyani patentlash sohasida haqiqiy inqilobiy o'zgarishga sabab va keyingi barcha qarorlar uchun asos bo'ldi.

Ushbu ishda Ananda Chakrabarti genetik muhandislik yordamida yaratilgan, neftni parchalay oladigan (xususan, dengizga oqizilgan neftlarni yeydigan) bakteriyani patentlashga muvaffaq bo'ldi. AQSh Oliy sudi 5-4 ovoz ko'pchilik bilan qaror qabul qilib, mikroorganizmlar patentlanishi mumkinligini rasmiy ravishda tasdiqladi. Bu qaror biotexnologiya sohasida yangi davrni boshlab berdi.

Qaror qabul qilishda Oliy sud qonun chiqaruvchi organ tomonidan qo'yilgan cheklovlarining keng talqinini qo'llab-quvvatladi. Sud ta'kidladiki, Kongress qonunga “har qanday” so'zini kiritish orqali patentlilik sohasini keng qamrovli darajaga yetkazishni maqsad qilgan. Biroq sud uchta asosiy istisnoni belgiladi: tabiiy hodisalar, abstrakt g'oyalar va tabiiy qonunlar patentlanishi mumkin emas.

Biroq keyinchalik 2013-yilda AQSh Oliy sudi tomonidan ko'rib chiqilgan *Association for Molecular Pathology v. Myriad Genetics, Inc.* (2013) ishida tabiiy holda yuzaga keluvchi DNK ketma-ketliklari patentlanish uchun mos emasligi qaroriga kelindi. Bu qaror bio-

texnologiyani patentlash sohasida muhim chegarani belgilab, tabiiy va sun'iy elementlar o'rtasidagi farqni aniqlashtirdi.

“Myriad Genetics” kompaniyasi BRCA1 va BRCA2 genlarini izolyatsiya qilgan va ularning mutatsiyalari ko'krak va tuxumdon saratoni xavfini oshirishini aniqlagan edi. Kompaniya bu genlar va ularning diagnostik qo'llanishiga patentlar olgandi. Biroq Oliy sud qarorida tabiiy DNK ketma-ketliklari, hatto ular juda qimmat tadqiqot orqali izolyatsiya qilingan bo'lsa ham, “tabiiy mahsulot” hisoblanadi va patentlanishi mumkin emas, deb ta'kidladi. Biroq cDNK (komplementar DNK) – ya'ni sun'iy sintez qilingan DNK patentlanishi mumkin, chunki u tabiatda mavjud emas.

Yevropa Ittifoqi amaliyoti. Yevropa Ittifoqida biotexnologiya obyektlariga nisbatan ancha ehtiyotkor va tanqidiy yondashuv qo'llanadi. 1998-yil 6-iyulda Yevropa Parlamenti va Kengashi tomonidan qabul qilingan Biotexnologik ixtirolarni huquqiy himoya qilish to'g'risidagi 98/44/EC raqamli Direktiva (1998-yil 30-iyul, L 213 YI Rasmiy jurnali, 13–21-b.) genetik materiallarning ma'lum va aniq shartlar ostida patentlanishi mumkinligini belgilaydi. Bu direktiva etik va xavfsizlik masalalariga alohida e'tibor beradi.

Yevropa Patent idorasi yo'riqnomasiga ko'ra, tabiatda kashf etilgan gen, agar u aniq texnik ta'sir etilgan bo'lsa va tabiiy holatidan farqli tarzda qo'llansa, patentlanishi mumkin. Biroq etik cheklovlar qo'yiladi va ommaviy tartibga zid ixtirolar qat'iy patentlanmaydi. Bu yondashuv innovatsiya va etik normalar o'rtasidagi muvozanatni saqlashga qaratilgan.

98/44/EC Direktivaning 6-moddasiga ko'ra, quyidagi ixtirolar patentlanishi mumkin emas:

- insonni klonlash jarayonlari;
- inson germinal liniyasining genetik identifikatsiyasini o'zgartirish jarayonlari;
- tibbiy yoki veterinar maqsadlarsiz hayvonlarga azob berish jarayonlari;
- inson embrionlarini sanoat yoki tijorat maqsadlarida ishlatish.

Yevropa amaliyotida etik ekspertizaga alohida e'tibor beriladi. Har bir biotexnologik patent arizasi nafaqat texnik, balki etik jihatdan ham baholanadi. Bu jarayon patentning jamiyat manfaatlariga mos kelishini ta'minlaydi.

Xitoy amaliyoti. Xitoyda 2020-yil 28-mayda qabul qilingan va 2021-yil 1-yanvardan kuchga kirgan Xitoy Xalq Respublikasi Fuqarolik kodeksining 1009-moddasi inson DNKsi bilan bog'liq tadqiqotlarni qat'iy tartibga soladi. Bu qonun biotexnologiya sohasida etik cheklovlarni belgilash va inson huquqlarini himoya qilishga qaratilgan bo'lib, davlat nazoratini kuchaytiradi.

Fuqarolik kodeksining 1009-moddasi quyidagilarni belgilaydi:

- biotibbiyot tadqiqotlari qonun va me'yoriy hujjatlarni hurmat qilishi, etik me'yorlarga rioya qilishi kerak;
- inson genomi, embrioni ustida tadqiqotlar qat'iy tartibga solinadi;
- inson hayoti, salomatligi va qadr-qimmatini himoya qilish ustuvor hisoblanadi.

Xitoy hukumati biotexnologiya rivojlanishini rag'batlantirish bilan bir vaqtda, xavfsizlik va etik masalalarni nazorat qilish o'rtasida muvozanatni saqlashga harakat qilmoqda. Bu ikki tomonlama yondashuv mamlakatning uzoq muddatli rivojlanish strategiyasiga mos keladi.

He Jiankui voqeasidan keyin Xitoy hukumati yanada qat'iy nazorat choralari joriy qildi. 2019-yilda maxsus qonun qabul qilindi, unda inson embrioni ustida genetik tahrirlash qat'iy taqiqlandi. Shuningdek, biotexnologiya tadqiqotlarini amalga oshirayotgan barcha muassasalar maxsus litsenziya olishlari va etik komissiyalar nazoratida ishlashlari shart qilindi.

Boshqa yurisdiksiyalar. Yaponiya, Kanada, Avstraliya va Janubiy Koreya kabi davlatlar ham biotexnologiya obyektlariga nisbatan o'ziga xos yondashuvlarni ishlab chiqqan. Yaponiya AQSh va Yevropa o'rtasidagi o'rta pozitsiyani egallaydi, biotexnologiya inno-

vatsiyalarini qo'llab-quvvatlagan holda ayni vaqtda etik cheklovlarni ham hisobga oladi.

Kanada biotexnologiya patentlashda nisbatan liberal yondashuvni qo'llaydi, lekin yuqori (murakkab) tuzilishli organizmlar (*higher life forms*) patentlanishiga cheklov qo'yadi. Avstraliya esa Yevropa yondashuviga yaqin bo'lib, etik masalalarga katta e'tibor beradi.

Olib borilgan keng qamrovli tadqiqot natijalari shuni yaqqol ko'rsatdiki, biotexnologiya obyektlari an'anaviy fuqarolik-huquqiy kategoriyalardan sezilarli darajada farq qiladi. Ularning o'ziga xos xususiyatlari nafaqat maxsus huquqiy yondashuvni talab qiladi, balki butunlay yangi huquqiy kategoriyalar yaratishni ham zaruriyatga aylantiradi.

Tabiiyligi va sun'iylik dialektikasi masalasida turli yurisdiksiyalar tubdan har xil yechimlarni qo'llayotgani aniqlandi. AQSh ko'proq sun'iy elementga e'tibor bersa, Yevropa texnik ta'sirga ega bo'lishni nazarda tutgan holda tabiiy materiallarning himoyasida ancha ehtiyotkor pozitsiyani egallaydi. Bu farq global biotexnologiya bozorida muvofiq-lashtirish muammolarini keltirib chiqarmoqda va xalqaro hamkorlikni murakkablashtir-moqda.

Misol uchun, bir xil biotexnologiya obyekt-i AQShda patentlanishi, ammo Yevropada rad etilishi mumkin. Bu holat kompaniyalar uchun strategik muammolar tug'diradi va global investitsiyalarni rejalashtirishni qiyin-lashtiradi. Shuningdek, bu farq ilmiy hamkor-likka ham salbiy ta'sir ko'rsatadi, chunki tad-qiqotchilar har bir yurisdiksiyada turli huqu-qiy rejimlar bilan shug'ullanishlari kerak.

Takrorlanish qobiliyati masalasi patent huquqida butunlay yangi yondashuvlarni ta-lab qilishi aniqlandi. An'anaviy patent doktri-nalari biotexnologiya obyektlarining o'z-o'zi-ni takrorlash xususiyatini hisobga olmagan holda ishlab chiqilgani sababli hozirgi sharo-itlarda to'liq maqbul emas.

Tadqiqot davomida bir qator jiddiy mu-ammolar aniqlandi. Biotexnologiya obyekt-lari bir vaqtda bir nechta huquqiy sohalarga

(patent huquqi, fuqarolik huquqi, tibbiyot huquqi, ekologiya huquqi) tegishli bo'lib, ularning huquqiy rejimi aniq belgilanmagani katta muammo hisoblanadi. Bu holat huqu-qiy noaniqlik yaratadi va investitsiyalarni ka-maytiradi.

Shuningdek, turli davlatlar biotexnologiya obyektlariga nisbatan har xil yondashuvlarni qo'llaydi, bu esa biotexnologiya sohasida xal-qaro munosabatlar va tovarlar muomalasida qiyinchiliklar va investorlar uchun noaniq muhit yaratadi. Bu holat innovatsiya rivojla-nishini sekinlashtirishi mumkin.

1992-yil 5-iyunda Rio-de-Janeyro shah-rida imzolangan Biologik xilma-xillik to'g'ri-sidagi konvensiya biotexnologiya obyektlari bilan ishlashda atrof-muhit va biologik xavf-sizlik masalalariga alohida e'tibor berishni ta'kidlaydi (2023). Bu xalqaro hujjat biotex-nologiya sohasida global standartlarni shakl-lantirish yo'lida muhim qadam hisoblanadi.

Tadqiqot davomida yana bir muhim mu-ammo aniqlandi: biotexnologiya obyektlari-ga egalik va foydalanish huquqlari masalasi. 1990-yildagi *Moore v. Regents of the Univer-sity of California* (1990) ishida Kaliforniya shtati Oliy sudi bemor hujayralari ustida ega-lik huquqiga ega emasligi haqida qaror qabul qildi. Ushbu ishda *John Moore* ismli bemor o'zining talog'i hujayralaridan olingan va tijo-rat maqsadlarida ishlatilgan hujayra liniyasi-ga nisbatan da'vo qilgan edi.

Sud qaroriga ko'ra, bemor o'z tanasidan olingan biologik materiallar ustida egalik hu-quqiga ega emas, shuning uchun ularning ti-jorat maqsadlarida ishlatilishidan foyda olish huquqi ham yo'q. Bu qaror katta munozara-lar tug'dirdi va biotexnologiya etika sohasida inson biologik materiallarining tijoratlashi-rishi etikasi, ruxsat olish zaruriyati va man-faatlarni taqsimlash kabi muhim masalalarni ko'tardi.

Xulosa

Amalga oshirilgan kompleks tadqiqot asosida quyidagi muhim xulosalarga kelish mumkin:

Birinchidan, biotexnologiya obyektlari o'zlarining tabiiyligi va sun'iylik dialektikasi, takrorlanish qobiliyati, yuqori xavf darajasi va etik ahamiyati tufayli an'anaviy fuqarolik-huquqiy kategoriyalardan sezilarli darajada farq qiladi va alohida huquqiy maqomni talab qiladi. Ular nafaqat moddiy mulk, balki intellektual mulk kategoriyalariga ham to'liq mos kelmaydi, chunki ularning xususiyatlari ikkala kategoriyadan ham elementlarni o'z ichiga oladi.

Ikkinchidan, hozirgi vaqtda biotexnologiya obyektlarining huquqiy maqomini to'liq qamrab oladigan yagona xalqaro standart mavjud emas. Turli davlatlar har xil yondashuvlarni qo'llaydi, bu esa global miqyosda muvofiq-lashtirish muammolarini keltirib chiqaradi. AQSh liberal yondashuvni qo'llayotgan bo'lsa, Yevropa ehtiyotkor pozitsiyani egallaydi, Xi-toy esa qat'iy davlat nazoratini amalga oshir-moqda.

Uchinchidan, biotexnologiya obyektlari-ning huquqiy tartibga solishi etik normalar, xavfsizlik talablari va innovatsion rivojlanish o'rtasidagi nozik muvozanatni talab qiladi va bu muvozanatni saqlash zamonaviy huquq-shunoslikning asosiy vazifalaridan biri hisob-lanadi. Haddan tashqari liberal yondashuv etik muammolarga olib kelishi mumkin, had-dan tashqari qattiq nazorat esa innovatsiyani sekinlashtiradi.

To'rtinchidan, 1980-yildagi *Diamond v. Chakrabarty* va 2013-yildagi *Myriad Genetics* ishlaridagi sud amaliyoti tahlili shuni ko'r-satdiki, biotexnologiyani patentlash sohasida tabiiy va sun'iy elementlar o'rtasidagi huqu-qiy chegaralarni aniqlash jarayoni davom etmoqda va bu jarayon doimiy qayta ko'rib chiqishni talab qiladi. Texnologiya rivojlani-shi bilan yangi muammolar paydo bo'lmoqda va sud amaliyoti ularga moslashib borishi za-rur.

Beshinchidan, inson biologik materialla-rining tijoratlashtirish masalasi jiddiy etik va huquqiy muammolarni tug'diradi. *Moore v. Regents* ishi ushbu masalada aniq va ado-

latli yechimlar topilmaganini ko'rsatdi. Be-morlar o'z biologik materiallaridan olingan tijorat mahsulotlaridan foyda olish huquqiga ega bo'lishlari kerakmi yoki yo'qmi – bu savol hali ham ochiq qolmoqda.

Tadqiqot natijalari asosida quyidagi ama-liy takliflarni berish mumkin:

Birinchidan, biotexnologiya obyektlari uchun maxsus fuqarolik-huquqiy kategoriya yaratish zarur. Bu kategoriya ularning o'zi-ga xos xususiyatlarini to'liq hisobga olishi va huquqiy aniqlikni ta'minlashi kerak. Bun-day kategoriya an'anaviy moddiy mulk va intellektual mulk tushunchalarining sintezi asosida shakllantirilishi lozim. "Bio-mulk" (*bio-property*) yoki "biologik obyektlar" kabi maxsus kategoriya kiritish maqsadga muvo-fiqdir.

Ikkinchidan, xalqaro miqyosda biotexno-logiya huquqi bo'yicha yagona standartlarni ishlab chiqish va qabul qilish lozim. Bu stan-dartlar turli davlatlar o'rtasidagi farqlarni kamaytirib, global hamkorlikni osonlashti-radi. 1992-yilda qabul qilingan Biologik xil-ma-xillik to'g'risidagi konvensiya tajribasiga asoslanib, yangi xalqaro shartnomalar ishlab chiqish maqsadga muvofiqdir. Xususan, bio-texnologiya patentlash, biologik xavfsizlik va etik standartlar bo'yicha universal qoidalar yaratish zarur.

Uchinchidan, etik ekspertiza mexanizm-larini huquqiy tartibga solish tizimiga to'liq integratsiya qilish zarur. Bu mexanizmlar biotexnologiya rivojlanishining maqbul yo'-nalishlarini ta'minlashga yordam beradi. Yevropa Ittifoqi tajribasidan kelib chiqib, maxsus bioetika komissiyalarini tashkil etish va ularning qarorlariga huquqiy kuch berish tavsiya etiladi. Bunday komissiyalar tarkibi-ga huquqshunoslar, biotexnologlar, etiklar, diniy arboblardan va jamiyat vakillari kiritilishi lozim.

To'rtinchidan, biotexnologiya obyektlari-ni xavfsizlik bo'yicha baholash uchun maxsus va aniq protseduralar ishlab chiqish lozim. Bu protseduralar xavflarni oldindan aniqlash

va ularni minimallashtirishga imkon beradi. Germaniya Patent qonuni tajribasidan foydalanib, inson salomatligi va atrof-muhitga potentsial zarar yetkazishi mumkin bo'lgan obyektlar uchun qat'iy monitoring tizimini joriy etish zarur. Shuningdek, biotexnologiya obyektlarini bozorga chiqarishdan oldin majburiy xavfsizlik bahosi o'tkazish tizimini yaratish kerak.

Beshinchidan, biotexnologiya obyektlarining takrorlanish qobiliyatini hisobga olgan holda patent huquqida "to'liq foydalanish dokrinasi"ni qayta ko'rib chiqish va biotexnologiya sohasiga maxsus mexanizmlar yaratish talab etiladi. Bu patent egalarining huquqlari va jamiyat manfaatlari o'rtasidagi muvozanatni ta'minlashga yordam beradi. "Genetik litsenziyalash" kabi yangi huquqiy institutlarni joriy etish mumkin.

Oltinchidan, inson biologik materiallari bilan ishlashda aniq huquqiy rejimni belgilash zarur. Bemorlarning o'z biologik materiallaridan tijorat maqsadlarida foydalanishga ruxsat berish yoki rad etish huquqini ta'minlash, shuningdek, agar bunday materiallardan tijorat mahsulotlari yaratilgan bo'lsa, adolatli kompensatsiya mexanizmlarini ishlab chiqish kerak. "Biologik manfaatlarni ulashish" (*benefit-sharing*) tizimini joriy etish maqsadga muvofiqdir.

Yettinchidan, O'zbekiston qonunchiligini takomillashtirish uchun maxsus tavsiyalar:

- O'zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksiga biotexnologiya obyektlariga oid maxsus bob kiritish;
- biotexnologiya obyektlarini patentlash va litsenziyalash bo'yicha maxsus qonun qabul qilish;
- Milliy bioetika komissiyasini tashkil etish va uning faoliyatini tartibga solish;
- biologik xavfsizlik milliy tizimini yaratish va uni xalqaro standartlarga moslashtirishni ta'minlash;

– biotexnologiya sohasida xalqaro hamkorlikni rivojlantirish va xalqaro shartnomalarni imzolash zarur.

Kelajakda biotexnologiya huquqining muvaffaqiyatli rivojlanishi uchun tarmoqlararo yondashuvga ehtiyoj bor. Huquqshunolar, biotexnologlar, etiklar va iqtisodchilarning samarali hamkorligi orqali muvozanatli va innovatsion huquqiy tizimni yaratish mumkin bo'ladi. Bu yondashuv nafaqat ilmiy taraqqiyotni rag'batlantiradi, balki jamiyat xavfsizligi va etik standartlarni ham ta'minlaydi.

Biotexnologiya obyektlarining fuqarolik-huquqiy tabiati masalasi davom etayotgan tadqiqotlar predmeti bo'lib qoladi. Texnologiyaning tez rivojlanishi doimo yangi huquqiy muammolarni keltirib chiqaradi va ularning yechimi yangi, kreativ yondashuvlarni talab qiladi. CRISPR-Cas9 texnologiyasi, sun'iy biologik tizimlar va sintetik biologiya sohasidagi so'nggi yutuqlar huquqshunoslikda yangi muammolarni yuzaga keltirmoqda va bu muammolar tez orada mustaqil tadqiqot obyektiga aylanishi kutilmoqda.

Sun'iy intellekt bilan birlashtirilgan biotexnologiya obyektlari, nanobiotexnologiya va bioprinting kabi yangi yo'nalishlar ham alohida huquqiy tartibga solishni talab qiladi. Masalan, sun'iy organlar yaratish va transplantatsiya qilish masalalari nafaqat tibbiy, balki bunday organlar kimga tegishli, ularni sotish mumkinmi, donor va qabul qiluvchilarning huquqlari qanday tartibga solinadi degan savollarni paydo qiluvchi huquqiy jihatdan ham murakkab muammolarni tug'diradi.

Shuning uchun bu sohada doimiy tadqiqot va tahlillarga ehtiyoj katta. O'zbekiston Respublikasi qonunchiligida ham biotexnologiya obyektlariga nisbatan maxsus huquqiy tartibga solish mexanizmlarini joriy etish, xalqaro tajribani o'rganish va milliy sharoitlarga moslashtirilgan huquqiy bazani yaratish dolzarb vazifa hisoblanadi.

REFERENCES

1. Association on for Molecular Pathology v. Myriad Genetics, Inc., 569. US. 576. (2013). Certiorary to the US Court of appeals for the Federal Circuit.
2. American Chemical Society. (2023). *Biotechnology: Science for the New Millennium* (p. 156). Washington, DC, ACS Publ.
3. Biotechnology Public Perception Survey (2023). European Commission Joint Research Centre. <https://joint-research-centre.ec.europa.eu>
4. Bowman v. Monsanto Co., 569 US. 278. (2013). Supreme Court of the US.
5. Centers for Disease Control and Prevention (CDC). Biological Risk Management. Division of Laboratory Systems. <https://www.cdc.gov/laboratory-systems/php/biological-risk-management/index.html>
6. Cyranoski, D. & Ledford, H. (2018). Genome-edited baby claim provokes international outcry. *Nature*, 563(7733), 607–608. <https://doi.org/10.1038/d41586-018-07545-0>
7. De Lisa, I. (2020). *The Patentability of Synthetic Biology Inventions: New Technology, Same Patentability Issues?* (p. 318). Cham: Springer Nature.
8. Diamond v. Chakrabaty, 447 U.S. 303. (1980). Certiorary to the US Court of Customs.
9. Federal appeals court sends CRISPR-Cas9 patent case back to patent office for reconsideration. (2025, May). UC Berkeley News. <https://news.berkeley.edu/2025/05/12/federal-appeals-court-sends-crispr-cas9-patent-case-back-to-patent-office-for-reconsideration>
10. FDA. (n.d). What is a biosimilar product? <https://www.fda.gov/drugs/biosimilars/overview-health-care-professionals>
11. Global Biotechnology Market Report 2023. (2023). Research and Markets. <https://www.researchandmarkets.com/reports/biotechnology>
12. Global Biotechnology Industry Statistics. (2023). Biotechnology Innovation Organization (BIO). <https://www.bio.org/policy/human-health/vaccines-biodefense/biotechnology-industry-facts>
13. Mokhov, A., Yavorsky, A., Grivachevskiy, A., & Khoroshilova, E. (2021). *Biopolitics, biotechnologies, biomedicine, and biolaw as forms of bioregulation*. SHS Web of Conferences, 108, 01009. https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/19/shsconf_blf2021_01009/shsconf_blf2021_01009.html
14. Moore v. Regents of the University of California, no. S006987. (1990). Superior Court of Los Angeles County.
15. NCERT. (2025). Biology: Chapter - Biotechnology: Principles and Processes. (Chapter 11). National Council of Educational Research and Training. <https://ncert.nic.in/textbook/pdf/lebo109.pdf>
16. Ogbogu, U. (2017, November). *What Is a New Object? Case Studies of Classification Problems and Practices at the Intersection of Law and Biotechnology*. <https://ssrn.com/abstract=3073435>
17. Patenting inventions arising from biological research. (n.d). PMC (PubMed Central). National Center for Biotechnology Information. PMC549056. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC549056/>
18. Secretariat of the Convention on Biological Diversity. (2000). Cartagena Protocol on Biosafety to the Convention on Biological Diversity: Text and annexs. Montreal.
19. Singh, K. K. (2015). *Biotechnology and Intellectual Property Rights: Legal and Social Implications* (p. 342). New Delhi: Springer India.
20. CRISPR patent wars. (2022). DLA Piper. <https://www.dlapiper.com/en/insights/publications/intellectual-property-news/2022/the-crispr-patent-wars>

Kelib tushgan / Получено / Received: 11.09.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 15.10.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 27.10.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.5./AIKL6572

UDC: 341.24(045)(575.1)

CHOICE OF LAW IN INTERNATIONAL COMMERCIAL CONTRACTS: TACIT AND EXPRESS CHOICE IN DIGITAL TRADE

Abdugaffarov Davronbek Dilshod ugli,

Basic doctoral student at Tashkent State University of Law

ORCID: 0009-0000-3898-5456

e-mail: davronbekabdugaffarov@gmail.com

Abstract. This article addresses the complex issues of choosing legal principles in international commercial contracts in the context of globalization and the rapid development of digital commerce. It analyzes the fundamental principle of party autonomy, in particular its explicit (expressly stated in the contract) and implied (determined based on the circumstances) forms. The paper considers the adaptation of traditional legal approaches to modern challenges such as smart contracts, decentralized autonomous organizations (DAOs) and jurisdictional uncertainty. The immutability of smart contracts, while providing commercial certainty, simultaneously gives rise to legal paradoxes and regulatory gaps, as demonstrated in the case of *Van Loon v. US Treasury*. The need to obtain legal entity status for DAOs creates a market of “legal shells” offered by various jurisdictions (e.g., Wyoming, Switzerland). The emergence of innovative mechanisms such as multi-signature arbitration in dispute resolution leads to the privatization of enforcement proceedings. The aim of the study is to examine the adaptation of traditional legal approaches to modern challenges such as smart contracts, decentralized autonomous organizations, and jurisdictional uncertainty. The paper uses legal analysis and case study methods. The results show that the immutability of smart contracts creates legal paradoxes, while mandatory public law rules limit the voluntary autonomy of the parties.

Keywords: private international law, digital commerce, choice of law, party autonomy, express choice, implicit choice, smart contracts, decentralized autonomous organizations

XALQARO TIJORAT SHARTNOMALARIDA HUQUQNI TANLASH: RAQAMLI TIJORATDA ANIQ IFODALANGAN VA IFODALANMAGAN SHAKLLAR

Abdugaffarov Davronbek Dilshod o'g'li,

Toshkent davlat yuridik universiteti

tayanch doktoranti

Annotatsiya. Maqolada globallashuv va raqamli savdoning jadal rivojlanishi sharoitida xalqaro tijorat shartnomalarida qo'llanadigan huquqni tanlashning murakkab masalalari ko'rib chiqiladi. Taraflar xohish-irodasi avtonomiyasining fundamental prinsipi, xususan, uning ochiq (shartnomada to'g'ridan to'g'ri belgilangan) va nazarda tutilgan (vaziyatdan kelib chiqqan holda belgilangan) shakllari tahlil qilinadi. Shuningdek, an'anaviy huquqiy yondashuvlarning smart-shartnomalar, markazlashmagan avtonom tashkilotlar va yurisdiksiyaning noaniqligi kabi zamonaviy muammolarga moslashuvi o'rganiladi. Smart-shartnomalarning o'zgarishligi tijorat aniqligini ta'minlash bilan bir vaqtda

huquqiy paradokslar va tartibga solish bo'shliqlarini keltirib chiqaradi, buni "Van Loon AQSh g'aznasiga qarshi" ishi namoyish qiladi. Markazlashmagan avtonom tashkilotlarga yuridik shaxs maqomini berish zarurati turli yurisdiksiyalar (masalan, Vayoming, Shveysariya) tomonidan taklif etiladigan "huquqiy qobiqlar" bozorini shakllantiradi. Nizolarni hal qilishda ko'p imzoli arbitraj kabi innovatsion mexanizmlarning paydo bo'lishi ijro tartib-taomillarini xususiylashtirishga olib keladi. Tadqiqotning maqsadi an'anaviy huquqiy yondashuvlarning zamonaviy tahdidlarga, jumladan, smart-shartnomalar, markazlashmagan avtonom tashkilotlar va yurisdiksiyaviy noaniqlikka moslashuvini tahlil qilishdan iborat. Tadqiqotda huquqiy tahlil va keys-stadi usullaridan foydalanilgan. Natijalar shuni ko'rsatadiki, aqlli shartnomalarning o'zgarmasligi yuridik paradokslarni keltirib chiqaradi, ommaviy huquqning imperativ normalari esa tomonlarning ixtiyoriy mustaqilligini cheklaydi.

Kalit so'zlar: xalqaro xususiy huquq, raqamli savdo, huquq tanlovi, tomonlar irodasi avtonomiyasi, to'g'ridan to'g'ri tanlov, nazarda tutilgan tanlov, aqlli shartnomalar, markazlashtirilmagan avtonom tashkilotlar

ВЫБОР ПРИМЕНИМОГО ПРАВА В МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ ДОГОВОРАХ: ПРЯМОЙ И ПОДРАЗУМЕВАЕМЫЙ ВЫБОР В ЦИФРОВОЙ ТОРГОВЛЕ

Абдугаффаров Давронбек Дильшод угли,
базовый докторант Ташкентского государственного
юридического университета

Аннотация. В статье рассматриваются сложные вопросы выбора применимого права в международных коммерческих договорах в условиях глобализации и стремительного развития цифровой торговли. Анализируется фундаментальный принцип автономии воли сторон, в частности его явная (прямо закреплённая в договоре) и подразумеваемая (определяемая исходя из обстоятельств) формы. Исследуется адаптация традиционных правовых подходов к современным вызовам, таким как смарт-контракты, децентрализованные автономные организации и неопределённость юрисдикции. Неизменяемость смарт-контрактов, обеспечивая коммерческую определённость, одновременно порождает правовые парадоксы и регуляторные пробелы, что ярко демонстрирует дело Van Loon v. US Treasury. Необходимость придания децентрализованным автономным организациям статуса юридического лица формирует рынок «правовых оболочек», предлагаемых различными юрисдикциями (например, Вайоминг, Швейцария). Появление инновационных механизмов, таких как арбитраж с мультиподписью при разрешении споров, приводит к приватизации исполнительных процедур. Целью исследования является анализ адаптации традиционных правовых подходов к современным вызовам, включая смарт-контракты, децентрализованные автономные организации и юрисдикционную неопределённость. В работе использованы методы правового анализа и кейс-стади. Результаты показывают, что неизменяемость смарт-контрактов создаёт юридические парадоксы, тогда как императивные нормы публичного права ограничивают добровольную автономию сторон.

Ключевые слова: международное частное право, цифровая торговля, выбор права, автономия воли сторон, прямой выбор, подразумеваемый выбор, смарт-контракты, децентрализованные автономные организации

Introduction

The globalization of commerce and the rise of digital trade have reshaped

international commercial contracts. A key aspect is the choice of law clause, determining the legal system governing

contractual obligations. Both express and tacit choices of law ensure predictability in cross-border transactions. This article explores their principles, examines digital trade practices, and assesses prospects for improvement.

Party autonomy is a cornerstone of private international law, enabling contracting parties to select the legal system that best fits their commercial needs. An express choice of law clause explicitly designates the governing jurisdiction, offering clarity to courts and arbitral tribunals while minimizing interpretational discrepancies. For instance, a standard clause might state: “This Agreement shall be governed by and construed in accordance with the laws of the State of New York” (HCCH, 2015). The HCCH is also actively engaged in adapting traditional private international law to novel digital instruments. For example, its recent discussions have centered on the private international law aspects of Voluntary Carbon Markets (VCMs), which involve digital or online certification of units and the tokenization of assets using distributed ledger technology. These initiatives highlight how traditional connecting factors, such as a physical place of transaction, are being challenged by new digital assets and market structures, underscoring the need for updated legal frameworks (HCCH, 2015). The organization’s e-Apostille Programme, which aims to develop and promote low-cost, secure software models for electronic apostilles, is another practical example of its efforts to harmonize cross-border internet exchanges (HCCH, 2015).

Express choice, where parties explicitly designate the governing law, provides clarity and predictability in enforcement. In contrast, tacit choice relies on contextual factors and requires nuanced judicial interpretation. This article analyzes both approaches, highlighting how digital trade

complexities impact traditional principles, supported by scholarly references and case law examples (Boyer Law Firm, n.d.).

In an influential study, Aurora Jillena Meliala argues that a clear legal framework, including explicit choice of law rules, is essential for legal certainty in metaverse-based commercial activities. As virtual environments host significant economic transactions, conventional legal concepts must adapt to the unique challenges of decentralized digital spaces (Meliala, 2024).

Moreover, G.J. Bouwers explores how regional and supranational organizations – particularly in emerging economies – could benefit from codifying private international law rules on tacit choice. This codification would enhance legal predictability and support economic growth by establishing standardized guidelines for determining tacit choice when express contractual clauses are absent (Bouwers, 2023).

In addition to these studies, insights from the research by Tamás Dezső Czigler further complement these findings by summarizing choice of law rules affecting electronic contracts in both the US and Europe (Czigler, 2012). Together, these research efforts form a comprehensive understanding of the evolving legal landscape that digital trade presents, emphasizing both the opportunities and challenges in harmonizing international legal norms.

Main part

Theoretical Framework and Legal Foundations

Party Autonomy and Express Choice

Party autonomy is a key principle of private international law, enabling contracting parties to choose the legal system that best suits their commercial needs. An express choice of law clause explicitly designates the governing jurisdiction, offering clarity to courts and arbitral tribunals while minimizing interpretational discrepancies. For example, a standard

clause may state: “This Agreement shall be governed by and construed in accordance with the laws of the State of New York” (WilmerHale, 2021).

Express choice provides crucial clarity in digital trade, where parties operate across multiple jurisdictions and contracts are formed rapidly, often through automation. Using precise legal language within a well-established legal framework helps prevent disputes over applicable law, ensuring smoother dispute resolution.

Tacit Choice: Inference and Complexity

Tacit choice, or implied choice, emerges when a contract lacks an explicit governing law clause. Instead, courts and arbitral tribunals infer the intended legal system based on the context of the transaction. This inference can be drawn from factors such as the language and structure of the contract, the forum selection clause, place of performance, or even the currency used for payment (HCCH, 2015).

Proving a tacit choice of law requires clear evidence of the parties’ intent, which can often be ambiguous. For example, if a business regularly operates from a particular jurisdiction without explicitly designating its governing law, that jurisdiction’s laws may be inferred as the governing framework. While this flexibility can be useful, it poses challenges in digital commerce, where the absence of physical indicators – such as a defined place of performance or explicit communications – complicates the determination of the applicable legal system (WilmerHale, 2021).

Digital Trade and the Expansion of Choice of Law Principles

The digital landscape has reshaped international commerce, eliminating traditional physical and geographical constraints. Digital trade – spanning e-commerce, online services, data transfers, and technologies like smart contracts – operates in a borderless realm, heightening

the need for a clear choice of law framework. As contracts are increasingly formed on online platforms and executed autonomously, conventional indicators for determining tacit choice, such as physical location or negotiation venue, have become less reliable (HCCH, 2015). This concept is particularly crucial for Decentralized Autonomous Organizations (DAOs), which require a legal identity to interact with traditional legal and financial systems. A well-designed legal wrapper is a legal entity that a DAO uses to gain separate legal personality, limited liability, and tax protection, shielding its members and core contributors from personal, unlimited liability (DAOBOX, n.d.). Without a legal wrapper, a DAO might be considered a general partnership, making all contributors personally liable in the event of a lawsuit or other legal issue. The legal wrapper also allows the organization to formally enter into contracts and hire employees (Aragon, n.d.).

Jurisdictions around the world are developing specific legal wrappers tailored to DAOs. For example, the state of Wyoming has created legislation that allows for the registration of DAO-specific Limited Liability Companies (LLCs), which uniquely permit a smart contract to be designated as a manager in the official legal filings. This provides a clear, legally recognized link between the on-chain code and the off-chain legal entity. Other jurisdictions offer different legal structures, such as a Swiss Association, an Unincorporated Nonprofit Association (UNA) in the U.S., or a company limited by guarantee, each with its own pros and cons regarding membership, legal identity, and governance flexibility (Aragon, n.d.).

In smart contracts deployed on a blockchain, code self-execution operates based on predefined conditions, often without explicit legal language. As a result, the governing law may need to be embedded within the contract code itself or inferred

from the surrounding transactional data. Furthermore, digital platforms frequently incorporate standardized terms that, through consistent practice, imply a tacit choice of law – thereby fostering a hybrid legal framework better suited to the complexities of digital trade.

The United States has provided a foundational framework for electronic agreements through the Electronic Signatures in Global and National Commerce Act (E-SIGN Act) and the Uniform Electronic Transactions Act (UETA). These federal and state laws, respectively, affirm the legal validity of electronic records and signatures, thereby lending crucial support to the idea that smart contracts are legally enforceable agreements. However, the self-executing and often immutable nature of smart contracts creates unique legal challenges that go beyond simple validation. Unlike traditional contracts, which allow for a degree of flexibility and modification, smart contracts operate on a rigid, “if-then” logic where vague or ambiguous terms cannot exist in the code. Moreover, once deployed on a blockchain, a smart contract is immutable and cannot be modified; any change requires the cancellation of the old contract and the creation of an entirely new one. This immutability, while preventing breaches through automatic execution, fundamentally changes the dynamic of contract negotiation and modification (Federal-Lawyer.com, n.d.).

The immutability also creates a profound legal paradox for regulatory bodies. The self-executing nature of smart contracts is often lauded for its ability to prevent breaches and provide certainty, as there is no need for third-party approval or intermediaries. However, a recent ruling by the US Court of Appeals for the Fifth Circuit in *Van Loon v. US Treasury* illustrates a significant contradiction (Federal-Lawyer.com, n.d.). The court found that truly immutable

smart contracts, which cannot be altered once deployed, do not fall under the legal definition of “property” for the purpose of sanctioning by the Office of Foreign Assets Control (OFAC). This ruling effectively puts certain smart contracts beyond the reach of a key regulatory authority, demonstrating that immutability, while offering certainty for contracting parties, can inadvertently create a legal “black hole” for regulators. This compels a strategic rethinking: instead of trying to regulate the immutable asset, regulators must pivot to targeting the human actors who create and interact with it, or focus on “mutable” proxy contracts that allow for upgrades and modifications (Katten, n.d.).

Challenges in Implementing Choice of Law in Digital Contexts

Jurisdictional Ambiguity

One of the primary challenges in applying choice of law principles to digital trade is the inherent absence of clearly defined geographical boundaries. In global transactions, the location where a contract is eventually performed may span multiple legal territories. This complexity often forces courts to rely on various conflict-of-laws principles, potentially leading to unpredictable legal outcomes (Boyer Law Firm, n.d.).

Beyond the general issues of immutability and subjectivity, the implementation of smart contracts introduces specific legal challenges that require innovative solutions. Due to the pseudonymous nature of many smart contracts, it can be difficult to identify a party to sue, and there may be evidentiary challenges in pinpointing who is responsible for a loss caused by faulty code or corrupted messages (Norton Rose Fulbright, n.d.). Furthermore, a key advantage of smart contracts, their irrevocability, also creates problems when a party is legally entitled to terminate or unwind a transaction. Since the contract cannot be changed, the permanent record on the blockchain may no longer

reflect the actual legal position (Norton Rose Fulbright, n.d.).

Dispute resolution bodies are actively adapting to these challenges. Arbitration is emerging as a preferred method for resolving smart contract disputes, as it allows parties to appoint arbitrators with specialized technical knowledge and ensures confidentiality of proprietary source code. Arbitration institutions like JAMS have even developed specific “Smart Contract Rules” that allow for bespoke procedures. One such innovative solution is the use of a “multisig” mechanism, where parties collectively nominate an arbitrator, which then triggers the power of that arbitrator to transfer assets or money on the blockchain automatically in accordance with the arbitral award (JAMS, n.d.). This direct, code-based enforcement of a legal decision represents a new frontier in dispute resolution for the digital age.

Uzbekistan is also actively developing its legal framework to accommodate digital technologies, including smart contracts, as part of its broader “Digital Uzbekistan – 2030” strategy. Foundational steps were taken with a 2018 presidential resolution aimed at developing the digital economy and crypto-assets, which defined a smart contract as an electronic agreement whose execution is automated through digital transactions. The government is exploring the application of these technologies in areas like public procurement to increase efficiency and transparency.

However, legal challenges remain, particularly concerning the integration of smart contracts into the existing Civil Code. While there is a move to recognize smart contracts as equivalent to written agreements, proposed drafts of the Civil Code have contained conflicting provisions, creating uncertainty about their legal status and enforceability, especially for transactions that traditionally require notarization. This ongoing legislative development highlights

the country’s efforts to balance technological innovation with established legal principles.

Standardization and Technological Integration

The rapid evolution of digital commerce necessitates standardized contractual formulations that align with modern technology. Clearly drafted, enforceable digital-specific choice of law clauses can mitigate legal uncertainty. Additionally, blockchain technology and smart contracts offer a groundbreaking approach by embedding governing law within the contract itself. While these innovations enhance automation and legal clarity, their effective implementation demands close collaboration between legal professionals and technologists (Navas & Cusi Abogados, n.d.).

Practical Implications and Recommendations

Recommendations for Integrating Express and Tacit Choices

For businesses in international digital trade, combining express and tacit choice strategies is recommended. Express clauses should be prioritized to ensure clarity and uniform interpretation, while tacit choice may be inferred from transactional context and operational patterns when no explicit clause exists. Additionally, educating legal professionals and businesses on the implications of choice of law in digital trade is essential for fostering legal certainty and compliance (WilmerHale, 2021).

The increasingly digital economy demands robust international cooperation to develop uniform legal standards and reduce disparities among national conflict-of-law rules. International organizations, including the Hague Conference on Private International Law, have made significant progress in this arena. However, the rapid evolution of digital trade necessitates further refinement and updated conventions that specifically address the nuances of tacit choice in the digital age (HCCH, 2015).

In addition, the adoption of digital identity frameworks that capture the

preferences of contracting parties could markedly improve clarity and automation. Incorporating these preferences into smart contracts would ensure that the intended governing law is automatically enforced, reducing reliance on subjective judicial interpretation.

Conclusion

In conclusion, the principles of choice of law in international commercial contracts remain indispensable in promoting legal certainty and predictability—especially as digital trade continues to expand. Express choice offers a definitive mechanism through which parties can voluntarily select a governing legal framework, thereby minimizing ambiguity. Conversely, tacit choice, while more nuanced, provides the necessary flexibility in instances where explicit terms are absent. However, with the increasing complexity of digital transactions, coupled with their borderless nature, there is an urgent need to rethink traditional choice of law methodologies.

The integration of innovative research, such as the work by Meliala emphasizing legal clarity in the metaverse and Bouwers highlighting the benefits of codifying tacit choice principles by regional organizations, complements traditional analyses and underscores the evolving challenges and opportunities in this arena. Furthermore, the summary of choice of law rules affecting electronic contracts provided by Czigler reinforces the importance of harmonizing US and European approaches to foster a more predictable and enforceable legal environment globally.

Moving forward, it will be crucial for businesses, legal practitioners, and policy makers to foster concerted efforts towards international standardization, integrate technological solutions such as smart contracts, and promote educational initiatives that highlight best practices. Such efforts will not only support the continued growth of digital trade but also ensure that legal frameworks remain robust and adaptive to emerging challenges in the digital era.

REFERENCES

1. Aragon. (n.d.). How to choose a legal wrapper for your DAO. <https://www.aragon.org/how-to/choose-a-legal-wrapper-for-your-dao>
2. Bouwers, S. (2023). Tacit choice of law in international commercial contracts - an analysis of future instruments of development organisations. *Potchefstroom Electronic Law Journal*, 26, 1–32. <https://doi.org/10.17159/1727-3781/2023/v26i0a15886>
3. Boyer Law Firm. (n.d.). Choice of law clause in cross-border contracts. <https://boyerlawfirm.com/blog/choice-of-law-clause/>
4. Czigler, P. S. (2012). Choice-of-law in the internet age - US and European rules. SSRN. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2165896
5. DAOBOX. (n.d.). Guide to DAO legal wrappers. <https://docs.daobox.io/educational/guide-to-dao-legal-wrappers>
6. DiploFoundation. (n.d.). Hague Conference on Private International Law (HCCH). Digital Watch Observatory. <https://dig.watch/actor/hague-conference-private-international-law>
7. EU Trade – Access2Markets. (2025, January 6). EU’s General Product Safety Regulation (GPSR): A New Era of Consumer Protection.
8. European Association of Private International Law. (2025, January 30). Hague conference to discuss private international law aspects of voluntary carbon markets. <https://eapil.org/2025/01/30/hague-conference-to-discuss-private-international-law-aspects-of-voluntary-carbon-markets/>

9. Farrer & Co LLP. (2025, January 22). Safety first: the EU's General Product Safety Regulation is now in force.
10. Federal-Lawyer.com. (n.d.). Smart contracts: The main legal issues. <https://federal-lawyer.com/blockchain/smart-contracts-legal-issues/>
11. HCCH. (2015). Choice of law in international commercial contracts. <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/specialised-sections/choice-of-law-principles>
12. JAMS. (n.d.). JAMS rules for smart contracts. <https://www.jamsadr.com/rules-smart-contracts>
13. Katten. (n.d.). 'Smart contracts' ruling forces a blockchain development rethink. <https://katten.com/smart-contracts-ruling-forces-a-blockchain-development-rethink>
14. Meliala, S. B. (2024). Tacit choice of law in the metaverse: What law applies? *Uti Possidetis: Journal of International Law*, 5(1), 1–13. <https://online-journal.unja.ac.id/Utipossidetis/article/view/28587/>
15. Navas & Cusi Abogados. (n.d.). Choice of law in international contracts. <https://www.navascusi.com/en/choice-of-law-in-international-contracts/>
16. Norton Rose Fulbright. (n.d.). Arbitrating smart contract disputes. <https://www.nortonrosefulbright.com/en/knowledge/publications/ea958758/arbitrating-smart-contract-disputes>
17. WilmerHale. (2021, December 17). Choice-of-law agreements in international contracts. <https://www.wilmerhale.com/en/insights/publications/20211217-choice-of-law-agreements-in-international-contracts/>

Kelib tushgan / Получено / Received: 11.09.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 15.10.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 27.10.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.5./BW0E6752

UDC: (347.42+34.03):004(045)(575.1)

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ДЕЛИКТНОМ ПРАВЕ: КОМПЕНСАЦИЯ ЗА ИХ НЕПРАВОМЕРНУЮ ОБРАБОТКУ И УТЕЧКУ

Аллакулиев Миржалол Давронбекович,
самостоятельный соискатель Ташкентского
государственного юридического университета
ORCID: 0009-0009-3362-2643
e-mail: m.allakuliev@adliya.uz

Аннотация. В настоящей статье исследованы природа внедоговорных обязательств, возникающих в результате деликтных нарушений законодательства о защите персональных данных, и механизмы компенсации вреда от неправомерной обработки данных и утечки информации. Проанализирована эволюция концепции конфиденциальности как абсолютного права – к пониманию защиты данных как комплекса процессуальных прав на контроль над обработкой информации. Исследование показало недостаточность традиционных институтов деликтного права для защиты информационных прав личности в цифровую эпоху. На основе сравнительно-правового анализа рассмотрены различные модели компенсации: европейская модель по GDPR, предусматривающая компенсацию материального и нематериального вреда; калифорнийская модель CCPA (California Consumer Privacy Act) со статутными размерами компенсации; традиционная модель, требующая доказывания конкретного вреда. Особое внимание уделено проблеме презюмируемого вреда и сложностям доказывания причинной связи при утечке данных. Проанализированы механизмы коллективной защиты при массовых утечках данных и выявлено критическое отсутствие в законодательстве Республики Узбекистан эффективных механизмов деликтной ответственности за нарушения прав на данные. По итогам исследования автором предложен комплекс мер по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова: персональные данные, утечка данных, компенсация вреда, GDPR, нематериальный вред, презюмируемый вред, коллективные иски, причинная связь, информационная безопасность

DELIKT HUQUQIDA SHAXSIY MA'LUMOTLARNI HIMOYA QILISH: ULARGA NOTO'G'RI ISHLOV BERILGANLIGI VA CHIQIB KETGANLIGI UCHUN KOMPENSATSIYA

Allakuliyev Mirjalol Davronbekovich,
Toshkent davlat yuridik universiteti mustaqil izlanuvchisi

Annotatsiya. Ushbu maqolada shaxsga doir ma'lumotlarni himoya qilish to'g'risidagi qonun hujjatlarining delikt buzilishi natijasida yuzaga keladigan shartnomadan tashqari majburiyatlarning tabiati hamda ma'lumotlarga noqonuniy ishlov berish va axborotning chiqib ketishidan yetkazilgan zararni qoplash mexanizmlari tadqiq etilgan. Mutlaq huquq sifatida maxfiylik tushunchasining evolyutsiyasi – ma'lumotlarni himoya qilishni axborotni qayta ishlashni nazorat qilish uchun protsessual

huquqlar majmuasi sifatida tushunish tahlil qilingan. Tadqiqot raqamli davrda shaxsning axborot huquqlarini himoya qilish uchun an'anaviy delikt huquqi institutlarining yetarli emasligini ko'rsatdi. Qiyosiy-huquqiy tahlil asosida kompensatsiyaning turli modellari ko'rib chiqildi: moddiy va nomoddiy zararni qoplashni nazarda tutuvchi GDPR bo'yicha Yevropa modeli; kompensatsiyaning statutli miqdorlari bilan Kaliforniyaning CCPA (California Consumer Privacy Act) modeli va aniq zararni isbotlashni talab qiluvchi an'anaviy model. Taxmin qilinayotgan zarar muammosi va ma'lumotlar sizib chiqishida sabab-oqibat bog'liqligini isbotlashning murakkabliklariga alohida e'tibor qaratilgan. Ma'lumotlarning ommaviy chiqib ketishida jamoaviy himoya mexanizmlari tahlil qilingan va O'zbekiston Respublikasi qonunchiligida ma'lumotlarga bo'lgan huquqlarni buzganlik uchun delikt javobgarlikning samarali mexanizmlari tanqidiy jihatdan mavjud emasligi aniqlangan.

Kalit so'zlar: shaxsiy ma'lumotlar, ma'lumotlar sizib chiqishi, zararni qoplash, GDPR, nomoddiy zarar, taxmin qilingan zarar, jamoaviy da'volar, sababiy bog'lanish, axborot xavfsizligi

PROTECTION OF PERSONAL DATA IN TORT LAW: COMPENSATION FOR UNLAWFUL DATA PROCESSING AND INFORMATION BREACHES

Allakuliev Mirjalol Davronbekovich,

Independent researcher at Tashkent State University of Law

Abstract. This article examines the nature of extra-contractual obligations arising from tortious violations of personal data protection laws and the mechanisms for compensating damages caused by unlawful data processing and information breaches. The analysis traces the evolution of the concept of confidentiality as an absolute right towards understanding data protection as a complex of procedural rights to control information processing. The study reveals the inadequacy of traditional tort law institutions in protecting individual information rights in the digital age. Through comparative legal analysis, various compensation models are considered: the European GDPR model providing compensation for both material and non-material damage; the California CCPA model with statutory damages; and the traditional model requiring proof of specific harm. Special attention is given to the problem of presumed harm and the difficulties in establishing causation in data breach cases. The mechanisms of collective redress in mass data breach incidents are analyzed, revealing a critical absence of effective tort liability mechanisms for data rights violations in the legislation of the Republic of Uzbekistan. Based on the research findings, the author proposes a comprehensive set of measures to improve the legal regulation.

Keywords: personal data, data breaches, harm compensation, GDPR, non-material harm, presumed harm, collective actions, causation, information security

Введение

Стремительная цифровизация всех сфер общественной жизни превратила персональные данные в критически важный актив современной экономики и одновременно в объект множественных рисков нарушения прав личности. Каждое взаимодействие индивида с цифровыми сервисами оставляет цифровой след – данные о местоположении, покупках, коммуникациях, поисковых запросах, медицинских состояниях и финансовых транзакциях. Та-

кая информация собирается, агрегируется, анализируется и используется множеством коммерческих и государственных субъектов (Zuboff, 2019). Массивы персональных данных превратились в основу цифровой экономики: они используются для таргетированной рекламы, профилирования потребителей и автоматизированного принятия решений, способных влиять на социальное и экономическое положение человека.

Наряду с этим персональные данные стали объектом массовых нарушений – че-

рез утечки данных, кибератаки, несанкционированное раскрытие и неправомерную обработку. Статистика глобальных утечек данных демонстрирует экспоненциальный рост как количества инцидентов, так и масштабов каждой отдельной утечки: только за 2023 год было зафиксировано более пяти тысяч публично раскрытых утечек данных, затронувших миллиарды записей персональной информации (2023 Data Breach Report, 2024). Крупнейшие инциденты, такие как случаи с Yahoo, Equifax, Marriott, Facebook и Uber, затронули сотни миллионов пользователей и привели к многомиллиардным компенсационным выплатам и административным штрафам (Solove & Hartzog, 2014).

Традиционное деликтное право оказывается недостаточно приспособленным для адекватной защиты прав субъектов данных и компенсации вреда, причинённого нарушениями в сфере обработки персональной информации. Классические деликты предполагают причинение определённого, конкретного и непосредственного вреда материальным интересам или физической неприкосновенности потерпевшего, тогда как вред от неправомерной обработки данных зачастую носит диффузный, вероятностный и отсроченный характер (Citron & Solove, 2022). Когда база персональных данных миллионов пользователей похищается киберпреступниками, индивидуальный субъект данных может не понести немедленного материального ущерба, но оказывается в состоянии повышенного риска будущей виктимизации – через кражу идентичности, финансовое мошенничество или целевые атаки.

Более того, некоторые формы вреда от неправомерной обработки данных имеют фундаментально информационную природу и не сводятся к материальному ущербу или моральному вреду в классическом понимании. Когда сведения о частной жизни индивида раскрываются без его

согласия, вред заключается в самом нарушении контроля над личной информацией и утрате информационной автономии, независимо от того, привело ли это к конкретным негативным последствиям. Если персональные данные используются для дискриминационного профилирования или манипулятивных практик, вред связан с нарушением достоинства личности и права на равное обращение (Cohen, 2013).

Законодательство о защите данных в последние десятилетия эволюционировало от секторального регулирования конфиденциальности отдельных категорий информации к комплексным режимам, устанавливающим общие принципы и права в отношении обработки любых персональных данных. Общий регламент о защите данных Европейского союза (GDPR) 2016 года стал глобальным ориентиром, установив высокие стандарты защиты информации и предоставив субъектам данных право на компенсацию материального и нематериального вреда, причинённого нарушениями его положений (European Union, 2016). Американский штат Калифорния принял Закон о конфиденциальности потребителей (CCPA) 2018 года, предусматривающий статутные компенсации за утечки персональных данных. Множество других юрисдикций приняли или обновили собственное законодательство о защите данных, включив в него механизмы деликтной ответственности (Greenleaf, 2021).

Республика Узбекистан приняла Закон «О персональных данных» в 2019 году, который установил базовые принципы и требования к обработке персональных данных. Однако данный закон содержит лишь краткие положения об ответственности за нарушения, в основном отсылая к административным мерам, и не предусматривает детального регулирования деликтной ответственности за неправомерную обработку данных и компенсацию

вреда субъектам данных. Гражданский кодекс Республики Узбекистан закрепляет общие нормы о возмещении морального вреда, но не учитывает специфику ущерба, возникающего при нарушении прав в сфере обработки персональных данных. Это создаёт правовую неопределённость и затрудняет эффективную судебную защиту прав субъектов данных.

Основная часть

Классическая концепция права на частную жизнь, сформулированная Уорреном и Брандейсом в знаменитой статье 1890 года «The Right to Privacy», рассматривала конфиденциальность как право быть оставленным в покое, то есть право контролировать доступ других к информации о себе (Warren, 1890). Эта концепция исходила из бинарной логики «публичного» и «частного»: информация либо раскрыта и более не защищена, либо сохраняется в тайне и охраняется от вторжения.

Однако в цифровую эпоху такая бинарная логика становится неадекватной. Индивиды неизбежно раскрывают персональные данные множеству субъектов – работодателям, медицинским учреждениям, финансовым институтам, цифровым платформам, делают их публичными не по собственной воле, а в силу необходимости участия в социальной и экономической жизни. Раскрытие данных одному субъекту для определённой цели не означает согласия на использование этих данных другими лицами для любых иных целей. Современная концепция защиты данных трактует право на персональные данные не как право на секретность, а как право на контроль над обработкой информации: право знать, кто, как и с какой целью обрабатывает данные; право на доступ, исправление, удаление, ограничение обработки, а также право на переносимость данных (data portability) (Solove, 2008).

GDPR закрепляет эту концепцию, определяя защиту персональных данных как

фундаментальное право, отличное от права на частную жизнь, хотя и тесно с ним связанное. Хартия основных прав Европейского союза в статье 8 устанавливает самостоятельное право на защиту персональных данных, дополняющее право на уважение частной жизни, закреплённое в статье 7 (Charter of Fundamental Rights of the European Union, n.d.). Это признание отражает понимание того, что защита данных имеет не только индивидуальное измерение – охрану конфиденциальности, но и коллективное измерение, выражающееся в обеспечении информационной справедливости, недискриминации и поддержании демократических ценностей в условиях массовой обработки данных.

С точки зрения деликтного права неправомерная обработка персональных данных может рассматриваться как самостоятельный деликт, посягающий на охраняемое законом благо – право на защиту данных. Элементами данного деликта являются противоправное действие или бездействие, выражающееся в нарушении требований законодательства о защите данных; причинение вреда правам субъекта данных; наличие причинной связи между нарушением и вредом; вина нарушителя, хотя в ряде случаев может применяться режим строгой ответственности. Специфика этого деликта заключается в особой природе охраняемого блага и характере причиняемого вреда, что требует адаптации традиционных институтов деликтного права (Van Alsenoy, 2016).

Вред от неправомерной обработки данных может проявляться в различных формах. Материальный ущерб включает прямые финансовые потери от кражи идентичности, мошеннического использования платёжных данных, расходы на восстановление кредитной истории, мониторинг кредитных отчётов и защиту от будущей виктимизации. Нематериальный вред охватывает психоэмоциональные

страдания, вызванные нарушением конфиденциальности, тревожность по поводу возможного использования данных, репутационный ущерб вследствие раскрытия компрометирующей информации, дискриминацию на основе профилирования, а также ограничение возможностей, вызванное автоматизированными решениями (Lynskey, 2015). Некоторые формы вреда носят коллективный характер, затрагивая не столько индивидуальные интересы конкретных субъектов данных, сколько общественные интересы – в обеспечении информационной безопасности и справедливости.

Рассматривая европейскую модель компенсации вреда по GDPR, следует отметить, что регламент установил принципиально новый режим деликтной ответственности за нарушения прав на данные, предоставив субъектам данных право на компенсацию как материального, так и нематериального вреда, причинённого любым нарушением его положений. Статья 82 GDPR устанавливает, что любое лицо, которому причинён материальный или нематериальный вред в результате нарушения регламента, имеет право получить компенсацию от контролёра или обработчика за понесённый ущерб (European Union, 2016). Контролёр или обработчик освобождается от ответственности, если докажет, что не несёт вины за событие, причинившее вред. При участии в обработке нескольких контролёров или обработчиков каждый из них несёт солидарную ответственность за весь вред с последующим правом регрессного требования к другим ответственным субъектам (European Union, 2016).

Критически важным элементом статьи 82 является признание нематериального вреда в качестве самостоятельного основания для компенсации, не требующего доказывания материального ущерба. Это отражает понимание, что многие нарушения прав на данные причиняют вред,

который не поддаётся денежной квантификации в традиционном смысле, но тем не менее требует возмещения. Рабочая группа по статье 29 (предшественник Европейского совета по защите данных) указывала, что нематериальный вред может включать физические, психические или эмоциональные страдания, экономические потери, которые трудно оценить, репутационный ущерб, утрату контроля над данными, ограничение прав, дискриминацию и кражу идентичности (Data Protection Working Party, 2017).

Однако GDPR не устанавливает конкретных размеров или методологии расчёта компенсации, оставляя их на усмотрение национальных судов в рамках общих принципов эффективности, пропорциональности и сдерживания. Это привело к значительной фрагментации судебной практики государств-членов и неопределённости относительно размеров компенсации. Некоторые национальные суды присуждают символические суммы (в пределах нескольких сотен или тысяч евро) даже за серьёзные нарушения, тогда как другие выносят решения о выплате значительных сумм, достигающих десятков тысяч евро (Iabalo & Kuner, 2023).

Суд Европейского союза в деле *Österreichische Post* (2023) постановил, что простое нарушение GDPR само по себе не влечёт автоматического права на компенсацию: субъект данных должен доказать наличие материального или нематериального вреда, причинённого нарушением. Однако суд признал, что в случаях серьёзных нарушений вред может презюмироваться, без необходимости детального доказывания конкретных негативных последствий. В деле *VB v Land Hessen* (2023) суд установил, что потеря контроля над персональными данными сама по себе может составлять нематериальный вред, подлежащий компенсации по статье 82 Регламента.

Практика национальных судов демонстрирует различные подходы к определению размера компенсации. Суды Германии применяют сравнительный метод, ориентируясь на размеры возмещений за аналогичные нарушения личных прав в иных контекстах. Британские суды используют концепцию *vexation damages* – компенсации за беспокойство и неудобства, вызванные нарушением. Французские суды, напротив, акцентируют внимание на тяжести нарушения и степени вины нарушителя (Goddard, 2017). Отсутствие гармонизированных стандартов создаёт риски *форум-шопинга* – ситуации, когда истцы выбирают юрисдикцию с наиболее благоприятной судебной практикой по компенсации вреда от нарушений прав на данные, что ведёт к неравенству защиты субъектов данных в различных правовых порядках.

Американская модель строится на статутных компенсациях, предусмотренных Калифорнийским законом о конфиденциальности потребителей (ССРА) и Законом о правах на конфиденциальность Калифорнии (CPRPA). Эти акты закрепляют иной подход к возмещению вреда от нарушений прав на данные – через установление фиксированных компенсаций за утечки данных, независимо от доказывания фактического ущерба. ССРА предоставляет потребителям право на частный иск при утечке их персональных данных вследствие непринятия бизнесом разумных мер безопасности, устанавливая компенсацию в размере от 100 до 750 долларов США за каждого потребителя за каждый инцидент либо фактический ущерб, в зависимости от того, что выше (California Civil Code, 2018).

Такой подход к статутным компенсациям решает проблему доказывания вреда, обеспечивая минимально гарантированное возмещение за серьёзные нарушения безопасности данных. Потребителю

не требуется доказывать, что утечка его данных повлекла конкретный материальный ущерб или нематериальный вред; сам факт утечки, вызванной ненадлежащими мерами защиты, создаёт право на получение компенсации. Это отражает концепцию презюмируемого вреда при утечках данных, связанного с повышенным риском будущей виктимизации, затратами на мониторинг и защиту, а также с утратой контроля над персональной информацией (Hoofnagle, 2019).

Однако действие ССРА ограничивается только утечками данных и не распространяется на иные виды нарушений, такие как неправомерная обработка, отказ в доступе или удалении данных либо дискриминация на основе осуществления прав субъекта. В отношении этих нарушений ССРА предусматривает лишь регуляторное правоприменение через Генерального прокурора Калифорнии, не предоставляя частного права на иск. Это создаёт асимметрию защиты, при которой серьёзные нарушения прав на данные, не связанные с утечками, остаются без эффективных частноправовых средств защиты (Goldman, 2020).

Практика применения ССРА демонстрирует активное использование права на частный иск, сопровождающееся подачей многочисленных коллективных исков против компаний, пострадавших от утечек данных. Суды выработали стандарты разумных мер безопасности, нарушение которых порождает ответственность, включая требования к шифрованию чувствительных данных, применению многофакторной аутентификации, регулярному обновлению систем безопасности и мониторингу подозрительной активности. Размеры компенсаций по урегулированным делам варьируются значительно – от нескольких миллионов до сотен миллионов долларов, в зависимости от масштаба утечки и количества затронутых потребителей (Pardau, 2018).

Одной из наиболее сложных проблем в делах о компенсации вреда, причинённого утечками данных, является доказывание причинной связи между утечкой и конкретным вредом, понесённым индивидуальным субъектом данных. Утечка, как правило, затрагивает большие массивы информации множества субъектов, а похищенные данные могут использоваться злоумышленниками различными способами и в разное время. Когда субъект данных впоследствии становится жертвой кражи идентичности или финансового мошенничества, установление того, что именно эти инциденты стали следствием конкретной утечки, представляет собой чрезвычайно сложную задачу (Solove & Citron, 2017).

Временной разрыв между утечкой и проявлением вреда усугубляет проблему причинной связи. Похищенные данные могут продаваться на «тёмных» рынках, передаваться между преступными группами и использоваться спустя месяцы или даже годы после утечки. За этот период субъект данных мог раскрыть те же сведения другим операторам или стать жертвой иных утечек, что создаёт множественность возможных причин последующего вреда. Установление того, какая именно утечка привела к конкретным негативным последствиям, зачастую оказывается практически невозможным (Spokeo Inc. & v. Robins, 2016).

Массовые утечки данных, затрагивающие миллионы субъектов, обуславливают необходимость коллективных механизмов защиты прав, поскольку индивидуальные иски каждого пострадавшего были бы процессуально неэффективными и создавали бы непропорциональные издержки для судебной системы. Коллективные иски позволяют агрегировать требования множества пострадавших в единое производство, обеспечивая процессуальную экономию, согласованность

судебных решений и усиление переговорной позиции истцов (Hodges, 2008).

Урегулирование коллективных исков по делам об утечках данных, как правило, включает выплату денежной компенсации членам коллектива (часто дифференцированной между субъектами данных, способными доказать фактический ущерб, и теми, кто не может), а также неденежные формы защиты – бесплатный мониторинг кредитной истории, страхование от кражи идентичности и обязательства ответчика по усилению мер информационной безопасности. Размеры урегулирований варьируются от нескольких миллионов до сотен миллионов долларов, в зависимости от масштаба утечки и тяжести последствий (Fitzpatrick, 2010).

Директива ЕС о представительских исках 2020 года дополнительно укрепила коллективные механизмы защиты прав потребителей, включая права на данные, обязав государства-члены обеспечить возможность квалифицированным организациям подавать представительские иски о компенсации вреда. В некоторых странах-членах ЕС введены процедуры *opt-out* коллективным искам, аналогичные американским коллективным искам, тогда как другие сохранили модель *opt-in*, предполагающую явное согласие каждого затронутого субъекта данных на участие в коллективном иске (Representative Actions, 2020).

На основе проведённого анализа можно сформулировать следующие предложения по совершенствованию законодательства Республики Узбекистан о деликтной ответственности за нарушения прав на персональные данные.

Во-первых, представляется необходимым внесение изменений в Закон Республики Узбекистан «О персональных данных», предусматривающих детальное регулирование деликтной ответственности за нарушения прав субъектов данных.

Предлагается дополнить закон отдельной главой о возмещении вреда, причинённого нарушением законодательства о персональных данных, устанавливающей право субъекта данных на компенсацию материального и нематериального вреда от любого нарушения требований закона.

Закон должен закрепить презумпцию нематериального вреда при серьёзных нарушениях прав на данные, включая несанкционированный доступ, утечку информации, обработку без правового основания, отказ в осуществлении прав субъекта данных. Презумпция означает, что субъект данных не обязан доказывать конкретные негативные последствия нарушения: сам факт нарушения создаёт основание для компенсации нематериального вреда. Размер компенсации определяется судом с учётом характера нарушения, категории данных, количества затронутых субъектов, степени вины нарушителя и мер, предпринятых для устранения последствий.

Для утечек данных, связанных с надлежащим обеспечением безопасности, предлагается установить минимальные статутные размеры компенсации по образцу ССРА, обеспечивая гарантированное возмещение независимо от доказывания фактического ущерба. Минимальный размер компенсации может определяться в зависимости от категории данных:

для обычных персональных данных – не менее пяти базовых расчётных величин;

для чувствительных данных (данные о здоровье, биометрические сведения, данные о судимости) – не менее десяти базовых расчётных величин.

Субъект данных сохраняет право требовать компенсацию фактического ущерба, если он превышает установленный статутный минимум.

Во-вторых, представляется целесообразным создание механизма коллективной защиты прав субъектов данных

при массовых нарушениях. Для этого предлагается внести изменения в Гражданский процессуальный кодекс, введя институт группового иска по защите прав потребителей и субъектов персональных данных. Такой иск может быть подан уполномоченным государственным органом по защите прав потребителей и субъектов данных либо некоммерческой организацией, действующей в общественных интересах, от имени группы затронутых субъектов, определённой по общим признакам.

В-третьих, необходимо усиление регуляторного надзора и правоприменения в сфере защиты данных. Целесообразно создание специализированного органа по защите персональных данных с полномочиями по расследованию нарушений, выдаче предписаний об их устранении, наложению административных штрафов и подаче исков в защиту прав неопределённого круга субъектов данных. Размеры административных штрафов должны быть достаточно существенными для обеспечения сдерживающего эффекта, с возможностью их исчисления в процентах от годового оборота нарушителя для крупных организаций.

Заключение

Проведённое исследование выявило фундаментальный разрыв между традиционными институтами деликтного права и потребностями защиты прав субъектов данных в цифровую эпоху. Специфика вреда, причиняемого неправомерной обработкой персональных данных, требует адаптации классических деликтных концепций: признания презюмируемого вреда при серьёзных нарушениях, облегчения бремени доказывания причинной связи и развития коллективных механизмов защиты при массовых нарушениях.

Зарубежный опыт демонстрирует различные модели компенсации вреда, причинённого нарушением прав на дан-

ные, в частности европейскую модель комплексной защиты по GDPR и американскую модель статутных компенсаций за утечки данных. Для Узбекистана представляется целесообразным сочетание элементов обеих моделей: установление общего права на компенсацию матери-

ального и нематериального вреда от любых нарушений с презумпцией вреда при серьёзных нарушениях, дополненное механизмом минимальных статутных компенсаций за утечки данных и развитием коллективных средств защиты прав субъектов.

REFERENCES

1. Citron, D. K., & Solove, D. (2022). Privacy Harms. *Boston University Law Review*, 102, 793–873.
2. Cohen, J. (2013). What Privacy Is For. *Harvard Law Review*, 126, 1904–1933.
3. Charter of Fundamental Rights of the European Union. Articles 7-8.
4. California Civil Code § 1798. 150. (2018). California Consumer Privacy Act.
5. Data Protection Working Party. (2017). *Guidelines on the Right to Data Portability*. WP 242rev.01. Article 29.
6. European Union. (2020). Directive (EU) 2020/1828 on Representative Actions.
7. European Union. (2016). GDPR. Article 82(1), 82(4).
8. European Union. (2016). Regulation (EU) 2016/679 (GDPR). Article 82. Right to Compensation and Liability.
9. Fitzpatrick, B. (2010). Do Class Action Lawyers Make Too Little? *University of Pennsylvania Law Review*, 158, 2043–2083.
10. Greenleaf, G. (2021). Global Data Privacy Laws 2021. *Privacy Laws & Business International Report*, 168, 1–11.
11. Goddard, M. (2017). The EU General Data Protection Regulation. *International Data Privacy Law*, 7, 14–24.
12. Goldman, E. (2020). An Introduction to the California Consumer Privacy Act. *Santa Clara High Technology Law Journal*, 37, 1–38.
13. Hodges, C. (2008). *The Reform of Class and Representative Actions*. Oxford: Hart Publ.
14. Hoofnagle, C., van der Sloot, B., & Zuiderveen, B. F. (2019). The European Union GDPR. *Information & Communications Technology Law*, 28, 65–98.
15. Identity Theft Resource Center. (2024). *2023 Data Breach Report*. San Diego.
16. Iabalo, D., & Kuner, C. (2023). *GDPR Enforcement Case Law Database*. Brussels Privacy Hub.
17. Lyskey, O. (2015). *The Foundations of EU Data Protection Law* (pp. 234–267). Oxford: Oxford University Publ.
18. Österreichische Post, Case C-300/21 CJEU. (2023). Paragraph 45.
19. Pardau, S. (2018). The California Consumer Privacy Act. *Berkeley Technology Law Journal*, 33, 735–800.
20. Spokeo, Inc. v Robins, 578 U.S. 330. (2016). United States Supreme Court.
21. Solove, D., & Citron, D. (2017). Risk and Anxiety. *Texas Law Review*, 737–786.
22. Solove, D. (2008). Understanding Privacy (pp. 101–134). Cambridge: Harvard University Publ.
23. Solove, D., & Hartzog, W. (2014). Breached! Why Data Security Law Fails. *Stanford Law Review*, 66, 2055–2110.
24. VB v Land Hessen, Case C-340/21 CJEU. (2023). Paragraph 38.
25. Van Alsenoy, B. (2016). Liability under EU Data Protection Law. *Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law*, 7, 271–283.
26. Warren, S., Brandeis, L. (1890). The Right to Privacy. *Harvard Law Review*, 4, 193–220.
27. Zuboff, S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism*. (pp. 8–52). New York: PublicAffairs.

Kelib tushgan / Получено / Received: 16.09.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 14.10.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 27.10.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.5./GLPU6607

UDC: 347.454.3(045)(575.1)

UY-JOY QURILISH SHARTNOMALARIDAN KELIB CHIQUADIGAN FUQAROLIK SUD NIZOLARIDA ISBOTLASH JARAYONI VA DALILLARNING HUQUQIY AHAMIYATI

Abdusamatov Nurullo Qobiljon o'g'li,
O'zbekiston Respublikasi Odil sudlov
akademiyasi tayanch doktoranti
ORCID: 0009-0008-1439-2929
e-mail: nurullo2201abd@gmail.com

Annotatsiya. Maqola uy-joy qurilishiga oid shartnomalardan kelib chiqadigan fuqarolik nizolarida isbotlash jarayoni va dalillarning huquqiy ahamiyatini tadqiq etishga bag'ishlangan. Tadqiqot predmeti sifatida fuqarolik sud ishlarida qurilish shartnomalari bo'yicha nizolarni hal qilishda qo'llaniladigan isbotlash faoliyati va dalillarning sud-huquqiy mexanizmlardagi o'rni belgilangan. Maqsad – ushbu nizolarni hal etishda dalillarning mazmuni va sud tomonidan ularni baholash vakolatining nazariy hamda amaliy asoslarini ochib berishdir. Mavzuning dolzarbligi shundan iboratki, uy-joy qurilishi bo'yicha bitimlar keng tarqalgan bo'lib, ulardan kelib chiqadigan nizolarni hal etishda dalillarning to'g'ri qo'llanishi adolatli sud qarorini ta'minlashning muhim omilidir. Tadqiqot metodologiyasi sifatida tahliliy va qiyosiy-huquqiy usullar, shuningdek, amaldagi sud qarorlari misolida empirik yondashuv qo'llangan. Olingan natijalar shuni ko'rsatadiki, qurilish shartnomalariga oid nizolarda dalillarni to'plash, taqdim etish va baholash mexanizmlarini takomillashtirish sud qarorlarining qonuniyligi va asoslanganligini oshiradi. Ushbu natijalar amaliyotda, xususan, sud organlari faoliyatida, shuningdek, qurilish shartnomalarini tuzishda ishtirok etuvchi tomonlar huquq va manfaatlarini samarali himoya qilishda qo'llanilishi mumkin. Xulosada, uy-joy qurilishiga oid nizolarda dalillarni qo'llashga doir protsessual normalarni izchil tatbiq etish huquqiy aniqlikni ta'minlash va odil sudlov tamoyillarini qaror toptirishga xizmat qilishi ilmiy asoslab berilgan.

Kalit so'zlar: uy-joy qurilishi, dalillar, isbotlash, fuqarolik protsessi, sud amaliyoti, dalillarni baholash

ПРОЦЕСС ДОКАЗЫВАНИЯ И ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКИХ СУДЕБНЫХ СПОРАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ДОГОВОРОВ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Абдусаматов Нурулло Кобилжон угли,
базовый докторант Академии правосудия
Республики Узбекистан

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса доказывания и юридического значения доказательств в гражданских спорах, возникающих из договоров жилищного

строительства. В качестве предмета исследования определены доказательная деятельность и роль доказательств в судебно-правовых механизмах разрешения споров по договорам строительного подряда в гражданском судопроизводстве. Цель исследования заключается в раскрытии теоретических и практических основ содержания доказательств и полномочий суда по их оценке при разрешении указанных споров. Актуальность темы обусловлена тем, что сделки в сфере жилищного строительства являются широко распространёнными, и правильное применение доказательств при разрешении споров по ним является важнейшим фактором обеспечения справедливого судебного решения. В качестве методологии исследования использованы аналитический и сравнительно-правовой методы, а также эмпирический подход на основе анализа действующих судебных решений. Полученные результаты показывают, что совершенствование механизмов сбора, представления и оценки доказательств по спорам, связанным с договорами строительного подряда, способствует повышению законности и обоснованности судебных решений. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в деятельности судебных органов, а также при защите прав и законных интересов сторон, участвующих в заключении договоров строительного подряда. В заключении научно обосновано, что последовательное применение процессуальных норм, регулирующих использование доказательств в спорах, связанных с жилищным строительством, служит обеспечению правовой определённости и утверждению принципов справедливого правосудия.

Ключевые слова: жилищное строительство, доказательства, доказывание, гражданский процесс, судебная практика, оценка доказательств

THE EVIDENTIARY PROCESS AND THE LEGAL SIGNIFICANCE OF EVIDENCE IN CIVIL LITIGATION ARISING FROM HOUSING CONSTRUCTION CONTRACTS

Abdusamatov Nurullo Kobiljon ugli,

Basic doctoral student at the Academy of Justice
of the Republic of Uzbekistan

Abstract. This article is devoted to the study of the evidentiary process and the legal significance of evidence in civil disputes arising from housing construction contracts. The subject of the research is defined as the evidentiary activity applied in civil proceedings when resolving disputes on construction contracts, as well as the role of evidence within the judicial-legal mechanisms. The primary objective is to disclose both the theoretical and practical foundations of the content of evidence and the competence of courts in its evaluation when adjudicating such disputes. The relevance of the topic lies in the fact that transactions concerning housing construction are widespread, and the proper application of evidence in resolving disputes arising therefrom constitutes a crucial factor in ensuring fair judicial decisions. The methodology of the research incorporates analytical and comparative-legal approaches, as well as an empirical method based on the study of existing judicial decisions. The results obtained demonstrate that the improvement of mechanisms for collecting, presenting, and evaluating evidence in disputes related to construction contracts enhances the legality and substantiation of judicial rulings. These findings can be applied in practice, in particular by judicial bodies, as well as by the parties involved in the conclusion of construction contracts, in order to ensure effective protection of their rights and legitimate interests. The conclusion substantiates that the consistent application of procedural norms governing the use of evidence in disputes arising from housing construction contributes to legal certainty and the consolidation of the principles of fair trial.

Keywords: housing construction, evidence, evidentiary process, civil procedure, judicial practice, evaluation of evidence

Kirish

Uy-joy qurilishi sohasida tuziladigan shartnomalar jamiyat va iqtisodiyot uchun muhim ahamiyatga ega bo'lib, bunday bitimlardan kelib chiqadigan nizolar fuqarolik sudlarida tez-tez ko'rib turiladi. Qurilish jarayoni murakkab, ko'p bosqichli va ko'plab hujjatlarga tayanadigan faoliyat ekani bois, mazkur nizolarni adolatli hal etishda dalillar va isbotlash jarayoni alohida o'rin tutadi. O'zbekiston Respublikasi fuqarolik protsessual qonunchiligida isbotlashning umumiy qoidalari va dalillarning turlari aniq belgilangan bo'lib, ular barcha fuqarolik ishlarida, jumladan, uy-joy qurilishi shartnomalari bilan bog'liq nizolarga ham tatbiq etiladi. Shu bilan birga, uy-joy qurilishi sohasidagi shartnomalarning o'ziga xos xususiyatlari dalillarni taqdim etish va baholash jarayonida e'tiborga olinishi lozim.

So'nggi yillarda O'zbekistonda qurilish sohasining jadal rivojlanishi ortidan, fuqarolar va qurilish tashkilotlari o'rtasida turarjoylar bo'yicha turli nizolar kelib chiqmoqda. Ba'zan pudratchi (quruvchi) shartnomaviy majburiyatlarini bajarmay, buyurtmachilar (xaridorlar) zarar ko'rishiga sabab bo'lsa, ba'zan esa buyurtmachi tomonidan to'lovlar o'z vaqtida amalga oshirilmay, quruvchi iqtisodiy qiyinchilikka uchraydi. Bunday hollarda O'zbekiston Respublikasi Fuqarolik protsessual kodeksining 72-moddasiga asosan nizoni sudda ko'rish jarayonida har bir taraf o'z da'vo yoki e'tirozlarini dalillar bilan asoslashi talab etiladi (Mamasidiqov & Xabibullayev, 2020). Ayniqsa, uy-joy qurilishiga investitsiya qilgan fuqarolarning huquqlarini himoya qilish masalasi dolzarb bo'lib, so'nggi yillarda normativ hujjatlar (masalan, ulush kiritish asosidagi qurilishni tartibga soluvchi qarorlar) qabul qilinmoqda. Shu sababli uy-joy qurilishiga oid nizolarda isbotlash tartibini chuqurroq o'rganish va ilmiy jihatdan yoritish zarurati mavjud. Maqolaning asosiy maqsadi – uy-joy qurilish shartnomalaridan kelib chiqadigan fuqarolik sud nizolarida isbotlash institutining o'rni va dalillarning huquqiy

ahamiyatini tahlil qilishdir. Shuningdek, sud tomonidan dalillarni baholash mezonlarini aniqlash, dalillarni taqdim etish tartibining amaliy samaradorligini ko'rsatish va adolatli qaror qabul qilish jarayonida isbotlash qoidalarining ahamiyatini ochib berish maqolaning ustuvor vazifalaridan sanaladi. Uy-joy qurilish shartnomalaridan kelib chiqadigan nizolarda isbotlash masalalari milliy qonunchilik va sud amaliyotida atroflicha yoritilgan. Fuqarolik va Fuqarolik protsessual kodekslari shartnomaviy majburiyatlar hamda dalillarni taqdim etish tartibini belgilab beradi. Oliy sud Plenumining 2020-yildagi qarorida dalillarni yig'ish va baholash qoidalari tizimlashtirilgan, Prezidentning 2020-yilgi qarori esa ulush asosida qurilishda ishtirokchilarning huquqlarini himoya qilishga xizmat qiladi.

Qurilish pudrati nizolariga oid plenum qarorlari qonunlarni qo'llash mexanizmini aniqlashtirgan, ommaviy axborot vositalarida esa amaliy muammolar, xususan, xaridor manfaatlarini himoya qilishdagi bo'shliqlar ko'rsatilgan. Sud ekspertizasi bo'yicha metodik tavsiyalar texnik xulosalarning daliliy ahamiyatini ochib beradi. Professor O. Pirmatovning (2020) ilmiy ishida esa elektron dalillarning sud jarayonidagi o'rni ko'rsatib o'tilgan. Adabiyotlar tahlili shuni ko'rsatadiki, uy-joy qurilishiga oid nizolarda isbotlash jarayoni murakkab bo'lib, dalillarni to'g'ri taqdim etish va ularni qonuniy baholash adolatli sud qarorlarini ta'minlashning asosiy sharti hisoblanadi.

Asosiy qism

Fuqarolik sud jarayonida isbotlash deganda, taraflar o'z da'vo yoki e'tirozlarini asoslayotgan holatlar hamda ishni to'g'ri hal qilish uchun ahamiyatga ega bo'lgan har qanday holatlarning mavjudligi yoki yo'qligini sud belgilangan tartibda aniqlashi tushuniladi (Ochqulov, 2012). Huquqshunos olim E. Egamberdiyevning (2007) fikriga ko'ra, ma'lum huquqlarga ega bo'lgan shaxs o'ziga tegishli huquqlarni qonunda belgilab qo'yilgan tartibda belgilab berish va uni

amalg oshirish uchun asos bo'lgan holatlarni tegishli dalillarga tayangan holda isbotlab, asoslamasdan turib, o'ziga tegishli huquqlarni amalga oshirolmaydi. Ayrim huquqlarning haqiqatan ham shaxslarga tegishli ekanligini belgilovchi faktlar, albatta, ish uchun muhim ahamiyatga ega bo'lgan holatlarni isbotlashga xizmat qiluvchi dalillar negizida tekshirilib, isbotlanishi kerak.

Isbotlash jarayoni fuqarolik protsessual qonunchilikda umumiy qoidalarga bo'ysunadi. O'zbekiston Respublikasi Fuqarolik protsessual kodeksining 72-moddasiga muvofiq, har bir taraf o'zining da'vo talablari yoki e'tirozlarini asos qilib ko'rsatgan holatlarni isbotlashga majburdir. Ya'ni sudda da'vo qo'zg'atgan shaxs (da'vogar) o'z talabining asoslari to'g'risidagi dalillarni keltirishi lozim. Javobgar esa da'vogarning talablarini rad etishga doir asoslar mavjudligini (yoki da'vogarning bayon etgan holatlari mavjud emasligini) isbotlashi kerak bo'ladi. Isbotlash va dalillarni taqdim etish majburiyati umumiy tartibda taraflarga yuklatilgan bo'lib, sud faqat ishning holatlarini har tomonlama tekshirib, huquqiy baho beradi.

Shu bilan birga, qonunchilikda ayrim toifadagi ishlar uchun isbotlash yukini taqsimlashga doir maxsus qoidalar belgilangan bo'lib, ular umumiy qoidadan istisno hosil qiladi. Masalan, Mehnat kodeksida mehnat nizolarida ish beruvchiga ayrim holatlarni isbotlash majburiyati yuklatilgani, yoki Fuqarolik kodeksining 985-moddasiga muvofiq zarar yetkazishda aybsizlikni isbotlash javobgar zimmasida ekani qayd etilgan (Pirmatov, 2020). Biroq uy-joy qurilishi shartnomalaridan kelib chiqadigan nizolar uchun maxsus qonuniy istisnolar yo'q, odatda umumiy fuqarolik-protsessual qoida amal qiladi. Demak, pudrat shartnomasi bo'yicha bahs yuzaga kelsa, buyurtmachi-da'vogar pudrat-chining majburiyatini lozim darajada bajar-maganini isbotlashi (masalan, shartnomani va unda belgilangan muddat o'tib ketganini, qurilish haligacha bitmaganini tasdiqlovchi

hujjatlarni taqdim etishi) zarur. Aksincha, agar pudratchi bajarilgan ishlar uchun to'lov undirish talabi bilan sudga murojaat qilsa, u avvalo ishni amalga oshirib, buyurtmachiga topshirganini isbotlashi kerak bo'ladi (buning uchun bajarilgan ishlar dalolatnomasi, obyektini topshirish-qabul qilish akti, pudrat ishlari smetasi va boshqa hujjatlar dalil bo'lib xizmat qiladi). Sud ushbu holatlarni aniqlash jarayonida taraflarning taqdim etgan dalillarini qonun doirasida tekshiradi va baholaydi.

Isbotlashning muhim prinsiplari – dalil-larning aloqadorligi va maqbulligi – qurilish nizolarida ham xuddi boshqa fuqarolik ishlari kabi qo'llaniladi. Aloqadorlik prinsipi shuni anglatadiki, faqat ish uchun ahamiyatga ega bo'lgan, nizoning mazmuniga aloqador holat-largina dalil sifatida qabul qilinadi (Ochqulov, 2012). J.D. Axmedovning (2021) ta'rifiga ko'ra, dalilning aloqadorligi u ishga oid faktlarni tasdiqlashi, rad etishi yoki shubha ostiga olishi bilan belgilanadi va har bir dalil "kamida bitta da'vo yoki e'tirozga aloqador bo'lishi" zarur. Maqbullik esa dalilning qonuniy yo'l bilan olinganini anglatib, sud dalil to'plangan-da shaxslarning huquqlari buzilmaganligini va protsessual qoidalar bajarilganligini tekshiradi. Shuning uchun sudya dalil ustidan qaror qabul qilishda ularning aloqadorligi va maqbulligini birgalikda ko'radi.

Maqbullik prinsipi esa dalillarning qonu-niy yo'l bilan qo'lga kiritilgan bo'lishini talab qiladi. FPKning 74-moddasiga ko'ra, kelib chiqishi noma'lum hujjatlar yoxud qonunni buzgan holda olingan ma'lumotlar sudda dalil sifatida qabul qilinmaydi (Mamasidiqov, 2020). Demak, qurilish bilan bog'liq ishda taraflar faqat rasmiy tartibda olingan va qonuniy kuchga ega hujjatlar, ko'rsatmalar va xulosalar bilan isbotlash faoliyatini olib borishlari mumkin. Masalan, agar buyurtmachi qurilish sifati yomonligini yashirin ravishda olingan audioyozuv bilan isbotlamoqchi bo'lsa, bunday yozuv protsessual talabga xilof ravishda olingan bo'lsa, maqbul dalil bo'la olmaydi. Aksincha, u mutaxassislarning rasmiy

ekspertiza xulosasi kabi qonuniy dalil vositalariga tayanishi lozim bo'ladi. Qurilish bilan bog'liq nizolar bo'yicha sud-ekspert xulosalari ustida ishlayotgan A.T. Xaydarov (2024) ham bu tamoyillarni amaliyotga tatbiq qilish zarurligini ko'rsatadi. U qurilish-texnikaviy ekspertiza yakunlarini baholashda: "Dalillarga baho berish, protsessual qonun talablariga muvofiq, dalillar aloqadorligi va maqbulligi qoidalariga qat'iy rioya qilgan holda amalga oshirish muhim ahamiyatga ega", – deb yozadi. U sud ekspertizasini tayinlash, o'tkazish va ekspert xulosasiga huquqiy baho berish jarayonida sudya va tayinlovchi organ xodimlarining mas'uliyati yuqori bo'lishi kerakligini ta'kidlash orqali, qurilish nizolari uchun ham aloqadorlik va maqbullik prinsiplarining beqiyos ahamiyatini ko'rsatadi.

Sudda isbotlash jarayonida, agar nizoni hal qilish uchun zarur ba'zi holatlar taraflar tomonidan keltirilmasa ham, sud ularni aniqlashga va muhokamaga qo'yishga haqlidir (Xabibullayev, 2023). FPK 72-moddasining ikkinchi qismida ish uchun ahamiyatga ega holatlarni aniqlash va ularni muhokama qilish sudning vazifasi ekanligi, hatto taraflar bu holatlarni keltirmagan bo'lsalar ham, sud ularni e'tibordan chetda qoldirmasligi lozimligi belgilangan (Yodgorov, 2016). Ushbu qoidaning qurilish nizolariga tatbiqi shuni anglatadiki, masalan, sud jarayonida taraflar e'tibordan chetda qoldirgan, lekin obyekt sifati yoki shartnoma shartlarini baholash uchun muhim bo'lgan biron holat (masalan, qurilish materiallarining sertifikatsizligi yoki loyiha-smeta hujjatlarining tasdiqlanmaganligi) aniqlansa, sud bu holatga e'tibor qaratishi va tegishli dalillarni talab qilishi mumkin.

Fuqarolik protsessida dalillar tushunchasi keng qamrovli bo'lib, qonunchilik ish bo'yicha isbot vositalarining aniq ro'yxatini beradi (Kurbanov, 2025). FPKning 71-moddasiga muvofiq, fuqarolik ishida dalillar taraflar va uchinchi shaxslarning tushuntirishlari, guvohlarning ko'rsatuvlari, yozma, ashyoviy va raqamli dalillar, shuningdek, ekspertlar

xulosalari va mutaxassislarning maslahatlaridan iborat bo'lishi mumkin. Quyida uy-joy qurilishi shartnomalaridan kelib chiqadigan nizolarda eng ko'p uchraydigan dalil turlari va ularning o'rni tahlil etiladi.

Qurilish shartnomasi bilan bog'liq nizolarda yozma hujjatlar asosiy va eng ishonchli dalil manbai bo'ladi (Rasulova, 2024). Avvalo, taraflar o'rtasida tuzilgan shartnoma hujjatining o'zi muhim yozma dalildir – unda taraflarning huquq va majburiyatlari, ish bajarish muddati, narxi kabi nizoning hal etilishi uchun asos bo'ladigan shartlar aks etadi. Agar shartnoma yozma shaklda tuzilgan va notarial tasdiqlangan bo'lsa (masalan, ko'chmas mulk oldi-sotdisida shart), sud ushbu hujjat mazmuniga katta ahamiyat beradi. Shuningdek, qurilish jarayonida tuzilgan qarorlar va dalolatnomalar (masalan, qabul qilish-topshirish akti, ish hajmlari bajarilganligi dalolatnomasi, loyiha-smeta hujjatlari, hisob-fakturalar) yozma dalillar turkumiga kiradi va nizoni isbotlashda hal qiluvchi rol o'ynashi mumkin. Yozma dalillar qatoriga taraflar o'rtasidagi rasmiy yozishmalar (maktublar, talabnomalar), bank hujjatlari (to'lov topshiriqnomalari, kvitansiyalar) va boshqa tegishli hujjatlar ham kiradi. Hozirgi kunda ko'plab hujjatlar elektron shaklda tayyorlanayotgani sababli, ularni sudga taqdim etishda qonunchilikda belgilangan tartibga rioya etish muhimdir (masalan, elektron hujjatning haqiqiylikni tasdiqlash uchun elektron raqamli imzo bo'lishi talab etiladi).

Zamonaviy sud amaliyotida elektron dalillarning ahamiyati ortib bormoqda. FPKga 2018–2021-yillarda kiritilgan o'zgartishlarga binoan, elektron ma'lumotlar va raqamli dalillar alohida isbot vositasi sifatida tan olingan. Uy-joy qurilishi bilan bog'liq nizolarda elektron dalillar sifatida taraflarning elektron yozishmalari (e-mail xabarlar, SMS yozishmalar, messenjerlarda olib borilgan muloqotlar), elektron to'lov kvitansiyalari, qurilish jarayonini kuzatuvchi onlayn tizimlardan olingan ma'lumotlar, fotosurat va video yozuvlar

(agar ular ishga aloqador bo'lsa) keltirilishi mumkin (Pirmatov, 2023).

Qurilish nizolarida guvohlar ko'rsatmalari yordamchi dalil sifatida paydo bo'ladi. Odatda, taraflar o'zaro munosabatlarini yozma shartnoma va hujjatlar bilan mustahkamlashga intilishadi, shu bois guvoh ko'rsatmalari asosiy dalil o'rnida kamroq uchraydi. Biroq ayrim holatlarda guvoh ko'rsatmalari muhim ahamiyat kasb etishi mumkin. Guvoh – bu ish holatlari haqida bevosita xabardor bo'lgan, sudda so'roq qilinadigan shaxsdir. FPKning 82–83-moddalariga muvofiq, taraflar sudga guvohlarni chaqirishni so'rash huquqiga ega. Guvoh ko'rsatmalari yozma dalillar mavjud bo'lmaganda yoki ularni to'ldirish zarur bo'lganda qo'l keladi. Shuni alohida ta'kidlash kerakki, agar qonun bitim uchun majburiy yozma shaklni talab qilsa (masalan, yirik so'mmali shartnoma yozma tuzilishi lozim), bunday bitim mavjudligini guvohlar bilan isbotlashga yo'l qo'yilmasligi mumkin – bu ham dalillarning maqbulligi prinsipi bilan bog'liq cheklovdir. Shu sabab, guvoh ko'rsatmalari asosan yordamchi rol o'ynaydi va yozma isbot vositalari bilan ziddiyatga kirishmasligi lozim.

Qurilish bilan bog'liq nizolarda sud ekspertizasi ko'pincha hal qiluvchi dalil manbai bo'lib xizmat qiladi. Chunki ko'plab tortishuvlar mutaxassis bilimini talab qiladigan texnik masalalarga borib taqaladi: qurilish sifatining me'yorlarga muvofiqligi, qurilgan obyekt qiymati, nuqsonlarning sabablari, materiallarning standarti va hokazolar. Fuqarolik protsessida taraflar iltimosnomasiga ko'ra, yoki sudning o'zi tashabbusi bilan ish bo'yicha ekspertiza tayinlanishi mumkin (2019). Masalan, agar buyurtmachi da'vo arizasida *“qurilish ishlari loyiha-smetaga nomuvofiq va sifatsiz bajarilgan”* deb asos keltirsa, sud buni oddiy hujjatlar bilan aniqlay olmasligi mumkin. Bunday holda qurilish-texnik ekspertiza tayinlanib, mustaqil ekspert mutaxassislar obyektini ko'zdan kechiradi va o'z xulosasini beradi. Ekspert xulosasida, masalan, bino

necha foiz tayyor ekani, sifat qaysi darajada ekanini tahlil qilib, normativ talablarga nomuvofiq nuqsonlar sanab o'tilishi mumkin. Keyinchalik sud ushbu xulosani boshqa dalillar bilan birgalikda baholaydi va qaror chiqarishda unga tayansa, hal qiluv qarorida ekspert xulosasiga havola keltiradi. Ekspertiza xulosasi mustaqil dalil bo'lib, sud uchun majburiy kuchga ega emas – sud uning to'g'riligi va asoslanganligini tekshirib, boshqa dalillar bilan solishtirib ko'radi. Zarur bo'lsa, sud qo'shimcha yoki takroriy ekspertiza tayinlashga haqli. Uy-joy qurilishi nizolarida keng tarqalgan ekspert turlari – qurilish-texnika ekspertizasi, smeta hisob-kitob ekspertizasi, ba'zan qurilish-moliyaviy ekspertiza (xarajatlarni asoslanganligini aniqlash uchun) va loyiha hujjatlarini texnik ekspertiza qilishdir.

Yuqorida sanalganlardan tashqari, FPK 71-moddasida qayd etilganidek, taraflar va uchinchi shaxslarning suddagi tushuntirishlari ham dalillar sifatida qabul qilinadi. Ya'ni har bir taraf sudda o'z da'vosi yoki javobini asoslab og'zaki yoki yozma tushuntirish berishi va unda ish holatlarini bayon qilishi mumkin. Bu tushuntirishlar ham ish materiallariga kiritilib, boshqa dalillar bilan birga baholanadi. Shuningdek, ashyoviy dalillar – masalan, qurilish materiali namunalari, buzilgan qurilish konstruksiyasining qismi, fototasvirlar ham dalillar turkumiga kiradi, garchi qurilish nizolarida ular kamroq qo'llanilsa-da. Masalan, qurilishda qo'llangan beton namunasini sinovdan o'tkazish uchun sud uni ashyoviy dalil sifatida qabul qilishi va laboratoriya tekshiruvi uchun yuborishi mumkin. Mutaxassisning maslahati (tushuntirishlari) ham qonunda alohida dalil turi sifatida tilga olinadi. Bu ekspert emas, lekin maxsus bilimga ega shaxs ko'rsatmasidir. Qurilish ishlariga doir masalada sud majlisiga jalb etilgan qurilish bo'yicha maslahatchi o'z fikrini bildirishi mumkin, bu ham yozib qo'yiladi va baholashda hisobga olinishi mumkin.

Yuqoridagi dalil turlarining barchasi uy-joy qurilishi bo'yicha sud tortishuvlarida

muayyan o‘rin tutadi. Eng ko‘p uchraydigani yozma hujjatlar va ekspertiza xulosalari bo‘lsa, elektron dalillar va guvoh ko‘rsatmalari ham axborot texnologiyalari rivojlangan sari ortib bormoqda. Muhimi, sud har qanday dalilni qonuniylik, haqqoniylik va aloqadorlik nuqtayi nazaridan sinchiklab tekshiradi. Dalillar ishonchli manbalardan olingan bo‘lishi, bir-birini to‘ldirishi yoki tasdiqlashi muhim. Agar dalillar bir-biriga zid bo‘lsa, sud ularni o‘z ichki ishonchi bilan qaysi biriga ko‘proq ishonish lozimligini hal etadi.

Uy-joy qurilishi bilan bog‘liq nizolar sud amaliyotida turli shakllarda namoyon bo‘lmoqda. Masalan, O‘zbekistonda so‘nggi yillarda ko‘p qavatli uylar qurilishida ulushdor sifatida pul kiritgan fuqarolarning manfaatlari poymol etilgan ayrim holatlar kuzatildi. Masalan, Xorazm viloyatida ro‘y bergan bir ishda quruvchi tashkilot rahbari qurilayotgan ko‘p qavatli uyning 36 ta xonadonini oldindan 67 nafar fuqaroga sotgan, ya‘ni bitta xonadon uchun bir necha kishi bilan shartnoma tuzib, ularning pulini olgan. Natijada qurilish oxiriga yetkazilmay qolgan, to‘plangan mablag‘lar esa boshqa maqsadlarga yo‘naltirilib yuborilgan (talon-toroj qilingan). Bu holat yuzasidan quruvchi rahbariga nisbatan jinoyat ishi qo‘zg‘atilib, sud uning aybi isbotlandi. Sud hukmida jabrlanuvchilarning jami soni 114 nafar ekani, yetkazilgan moddiy zarar 17 milliard so‘mdan oshgani qayd etilgan (Safarov, 2023). Ushbu misol jinoiy javobgarlikka oid bo‘lsa-da, mazkur vaziyatga parallel ravishda jabrlanuvchilar o‘z mulk huquqlarini tiklash yoki pullarini qaytarish uchun fuqarolik tartibida ham da‘vo arizalari kiritadilar. Bunday fuqarolik ishlarida isbotlash alohida murakkab bo‘lishi mumkin, chunki bir xonadon atrofida bir nechta da‘vogar da‘vo qo‘zg‘atadi va sud har birining huquqini individual baholashi lozim bo‘ladi. Dalil sifatida ular quruvchi bilan tuzilgan ulushli ishtirok shartnomalari, to‘lov hujjatlari, qurilishning tugallanmaganini tasdiqlovchi ekspertiza xulosalari, shuning-

dek, jinoyat ishidagi ma‘lumotlardan ham foydalanishlari mumkin (agar ular oshkor qilingan va fuqarolik ishiga taqdim etishga ruxsat etilgan bo‘lsa). Sud esa o‘z navbatida, fuqarolik ishini ko‘rib, agar quruvchi tomonida mol-mulk yoki tugallanmagan obyekt bo‘lsa, uni sotish va ulushdorlar zararini qoplash mexanizmlarini qo‘llashi mumkin. Bu kabi ishlar sud amaliyotida yangi normativ baza – O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2020-yil 27-maydagi PQ-4732-sonli “Ko‘p kvartirali uylarni ulush kiritish asosida qurish sohasidagi munosabatlarni tartibga solishni takomillashtirish to‘g‘risida”gi qarori bilan tasdiqlangan ulushli qurilish to‘g‘risidagi nizom – asosida ko‘rib chiqilmoqda, unda ulushdorlarning huquqlarini himoya qilish kafolatlari belgilangan.

Yuqoridagi misol shuni ko‘rsatadiki, uy-joy qurilishi bilan bog‘liq nizolarda har bir taraf o‘z haqliligini isbotlash uchun turli dalil vositalariga tayanadi. Keltirilgan dalillar qonuniy va ishga aloqador bo‘lsa, sud ularni qabul qiladi, aks holda rad etadi.

Dalillarni baholash – sudning eng muhim vakolatlaridan biri bo‘lib, unda sud ishdagi barcha dalillarni o‘z ichki ishonchi va qonunga binoan tahlil qilib, ular asosida xulosa chiqaradi. Fuqarolik protsessual kodeksi-ning 80-moddasiga muvofiq, sud ish uchun ahamiyatga ega bo‘lgan barcha holatlarni sud majlisida har tomonlama, to‘liq va xoli-sona tekshirgandan so‘ng, dalillarga o‘z ichki ishonchiga asoslanib baho beradi.

Sud dalillarni baholashda qonuniy tafakkurga tayangan holda quyidagi tamoyillarga amal qiladi: dalillarning yetarliligi, ishonchiligi, o‘zaro bog‘liqligi va huquqiy ahamiyati. Hech bir dalil sud uchun avvaldan belgilangan kuchga ega emasligi qonunda alohida qayd etilgan: FPK 80-moddasining to‘rtinchi qismiga ko‘ra, hech bir dalil oldindan hal qiluvchi kuch sifatida e‘tirof etilmaydi. Demak, masalan, faqat bitta tarafning ko‘rsatuvi yoki faqat bitta hujjatning mavjudligi bilan sud ishni hal qilmasdan, balki barcha dalillarni

birgalikda tahlil qiladi. Agar biron dalil ishning haqiqiy holatlariga muvofiq bo'lsa va boshqa dalillar bilan tasdiqlansa, sud uni qabul qiladi. Aksincha, dalil ish holatlariga zid bo'lsa yoki ishonchsiz bo'lib chiqsa, sud uni rad etishi mumkin.

Sudning dalillarni baholashi – bu dalillarga huquqiy va mantiqiy xulosa chiqarish jarayonidir. Uy-joy qurilishi nizolari singari murakkab ishlar ko'rilganda, sudya har bir dalilga alohida va dalillar yig'indisiga birgalikda baho berishi lozim. Sudning ichki ishonchi sudyaga ish holatlarini baholashda erkinlik bersa-da, bu erkinlik mutlaqo subyektivlik emas, balki qonuniy mezonlar doirasidagi erkinlikdir. Sudya dalillarni baholashda xatoga yo'l qo'ymaslik uchun qonunchilikda belgilangan to'liq va har tomonlama tekshirish talabiga rioya qilishi zarur. Professor D.Y. Xabibullayev Fuqarolik protsessual kodeksining 73-moddasiga tayanib: "Sud faqat ish uchun ahamiyatga ega bo'lgan dalillarnigina ko'rishga qabul qiladi", – deb yozadi. Shuningdek, u dalillarning aloqadorligini aniqlash sudyaning ichki ishonchi bilan bog'liq bo'lib, ish uchun ahamiyatga ega bo'lmagan dalillarni va qonuniy isbot vositasi bo'la olmaydigan ma'lumotlarni qabul qilishga yo'l qo'yilmasligini ta'kidlaydi (Xabibullayev, 2023). Bundan tashqari, Oliy sud Plenumining tegishli qarorlarida ta'kidlanishicha, sud har bir ish bo'yicha qaror chiqarganda ish uchun muhim bo'lgan barcha dalillarni qarorda sanab o'tishi, ular qay darajada isbotlangan yoki rad etilganini asoslab berishi lozim (Ochqulov, 2012). Aks holda, ya'ni agar sudning dalillarni baholashi sust bo'lib, muhim bir dalil e'tibordan chetda qolsa yoki noto'g'ri talqin qilinsa, yuqori sud instansiyasi bunday qarorni bekor qilishi mumkin (protsessual qonunchilikka ko'ra, dalillarni noto'g'ri baholash – bu apellyatsiya yoki kassatsiyada qarorni bekor qilish yoki o'zgartirishga asos bo'lishi mumkin).

Uy-joy qurilishi bo'yicha nizolarda sudning dalillarni baholash vakolati ayniqsa

muhim, chunki ko'pincha ish taqdirini bitta ekspert xulosasi hal qilishi mumkin. Sudya esa yakka bir dalilga tayanib qolmasdan, barcha dalillarning bir-biriga mos kelishini tekshiradi. Shunday qilib, dalillarni baholash suddan yuksak professionallik va xolislikni talab qiladi. Sudlar uchun dalillarni baholash bo'yicha yo'riqnomalar berilgan. Hech bir dalil (masalan, faqat guvoh ko'rsatmasi yoki faqat bir tomonning bayonoti) yakka holda ishning to'liq isbotlanganini anglatmaydi. FPKning 80-moddasi suddan har taraflama, to'liq va xolis ko'rib chiqishni talab qiladi.

Yuqoridagilardan tashqari, isbotlash jarayonida amaliyotda bir qator muammolar kuzatilmoqda. Xususan, taraflar dalillarni o'z vaqtida taqdim etmasligi sud ishlarining cho'zilishiga olib kelmoqda, qarshi taraf yoki uchinchi shaxs qo'lida bo'lgan muhim hujjatlarni talab qilib olish tartibi esa yetarli darajada samarali emas. Ayrim hollarda dalillar yashirilishi yoki yo'q qilinishi holatlari ham uchrab turadi, biroq bunday xatti-harakatlar uchun aniq va qat'iy javobgarlik mexanizmlari qonunchilikda to'liq mustahkamlanmagan. Amaldagi Fuqarolik protsessual kodeksi sudlarga dalillarni faqat taraflarning iltimosnomasiga asosan to'plash vakolatini beradi, bu esa uy-joy qurilishi kabi ijtimoiy ahamiyatli nizolarda adolatli qaror qabul qilinishiga to'sqinlik qilishi mumkin. Shu bois mazkur institutni takomillashtirish zarur. Avvalo, dalillarni o'z vaqtida va to'liq taqdim etish majburiyatini mustahkamlash hamda uzrsiz kechiktirilgan dalillarni qabul qilmaslik mexanizmini joriy etish lozim. Shuningdek, sudning qarshi taraf yoki uchinchi shaxslardan muhim hujjatlarni tezkorlik bilan talab qilib olish vakolatini kuchaytirish, dalillarni yashirish yoki yo'q qilish uchun jarima va boshqa huquqiy oqibatlarni, jumladan, "noxush xulosa chiqarish" qoidalarini belgilash maqsadga muvofiqdir.

Xulosa

Uy-joy qurilishi shartnomalariga oid nizolar O'zbekiston fuqarolik sud amaliyo-

tida alohida o'rin egallaydi. Bunday nizolar nafaqat taraflarning mulkiy manfaatlarini, balki jamiyatda mulk huquqining daxlsizligi va shartnoma intizomini ta'minlash bilan ham bevosita bog'liq. Shu sababli sudlar tomonidan bu turdagi ishlarni ko'rishda isbotlash va dalillarni to'g'ri qo'llash masalasi dolzarb hisoblanadi. Sud qarorlarining qonuniy va adolatli chiqishi bevosita dalillarning qanchalik puxta yig'ilganligi, tahlil qilinganligi va ularning qonunda belgilangan tartibda baholanishiga bog'liq.

So'nggi yillarda fuqarolik protsessual qonunchiligimiz izchil ravishda takomillashmoqda. Jumladan, elektron dalillar, raqamli hujjatlar, axborot texnologiyalaridan foydalanilgan yozishmalar hamda boshqa zamonaviy isbot vositalarining qonunchilikka kiritilishi sudlarda isbotlash jarayonini ancha yengillashtirdi. Bu, o'z navbatida, taraflarning huquqlarini teng himoya qilish, sud jarayonida oshkoralik va shaffoflikni ta'minlash imkonini bermoqda.

Qurilish sohasi mamlakatimiz iqtisodiyotining muhim tarmoqlaridan biri bo'lib, unda investitsion muhitning barqarorligi, xususiyl mulk daxlsizligi va tadbirkorlarning huquqiy kafolatlari ustuvor ahamiyat kasb etadi. Shuning uchun uy-joy qurilishi bilan bog'liq shartnomaviy nizolarning sudlarda qonuniy va asosli hal qilinishi investorlar ishonchini mustahkamlaydi, aholining mulkiy huquqlarini samarali himoya qilishga xizmat qiladi va umuman, huquqiy davlat hamda adolatli jamiyat qurish jarayonida muhim o'rin tutadi.

Shunday ekan, isbotlash va dalillar institutining samarali ishlashi odil sudlovning asosiy omillaridan biri sifatida doimo e'tibor markazida bo'lishi lozim. U nafaqat sud amaliyotini, balki jamiyatdagi huquqiy madaniyatni ham rivojlantirishga hissa qo'shadi. Shu bois ushbu institutni takomillashtirib borish, sud amaliyotida zamonaviy yondashuvlarni qo'llash, sudyalarning malakasini oshirish hamda huquqiy ongni yuksaltirish masalalari kelgusida ham dolzarbligicha qolaveradi.

REFERENCES

1. Axmedov, J. D. (2021). Fuqarolik ishlarini sudda ko'rishda dalillarni baholashning protsessual masalalari [Procedural issues of evidence assessment in civil cases in court]. [PhD Dissertation] (p. 189). Tashkent.
2. Egamberdiyev, E. (2007). Fuqarolik yarashuvidagi muammolari [Problems in civil reconciliation]. [Doctoral Dissertation] (p. 235). Tashkent.
3. Esanova, Z. N., Xabibullayev, D. Y. & Salimova, I. M. (2015). Fuqarolik ishlarini sudda kurishda isbotlash va isbot [Evidence and proof in civil cases in court]. (p. 181.). [Monograph]. Tashkent: Lesson Press Publ.
4. Kurbonov, S. I. (2025). Fuqarolik protsessida ashyoviy dalillarni jalb qilish va baholash tartibi va usullari [Procedure and methods for attracting and evaluating material evidence in civil proceedings]. Obrazovanie, nauka i innovatsionnye idei v mire [Education, Science and Innovative Ideas in the World], 70(7), 46–52. <https://inlibrary.uz/index.php/esiiv/article/view/109846>
5. Mamasidiqov, M. M., & Xabibullayev, D. Y. (2020). Fuqarolik protsessual qoidalari [Civil Procedure Rules] (p. 607). Tashkent: Lesson Press Publ.
6. National Research Moscow State University of Civil Engineering. (2019). Forensic Construction, Technical, and Cost Expertise: Current Issues and Solutions. Moscow: MISI-MGSU Publ. <http://mgsu.ru/resources/izdatelskaya-deyatelnost/izdaniya/izdaniya-otkr-dostupa>
7. Ochqulov, O. (2012). Fuqarolik protsessual huquqi. Umumiy qism [Civil procedural law. General part] (p. 516). Tashkent: TSIL Publ.

8. Pirmatov, O. Sh. (2020). Iqtisodiy va fuqarolik sud ishlarini yuritishda elektron dalillarning protsessual jihatlari [Procedural aspects of electronic evidence in economic and civil litigation]. [PhD Dissertation] (pp. 12–25). Tashkent.
9. Pirmatov, O. (2023). Problems of evaluation of digital evidence based on blockchain technologies. *Notes and Reflections in Janus.net, e-journal of international relations*, 14(1). <https://doi.org/10.26619/1647-7251.14.1.01>
10. Rasulova, S., & Abdunabiyev, A. (2024). Qurilishning tashkiliy shakllari [Organizational forms of construction]. *Nauka i innovatsii* [Science and Innovation], 2(37), 116–121. <https://inlibrary.uz/index.php/scin/article/view/61728>
11. Safarov, D. (2023, iyul). *Sarob uchun to'lov – O'zbekistonda uy-joy xaridorlarini qanday himoya qilish mumkin?* [Paying for a Mirage: How to Protect Homebuyers in Uzbekistan?].
12. Siraziyeva, E. (2020). *Ulush kiritish asosida qurish masalalari tartibga solindi* [Issues of Construction Based on Shared Participation Have Been Regulated]. https://www.norma.uz/uz/qonunchilikda_yangi/ulush_kiritish_asosida_qurish_masalalari_tartibga_solindi
13. Xaydarov, A. T. (2024). *Sud-qurilish-texnikaviy ekspertiza o'tkazishning xususiyatlari* [Features of conducting a forensic construction and technical examination]. <https://sudex.uz/?p=6399>
14. Xabibullayev, D. Y. (2023). *Fuqarolik protsessual huquqi (savollar va javoblar)* [Civil procedural law (questions and answers)] (p. 336). Tashkent: TSUL Publ.
15. Yodgorov, X. (2016). *Fuqarolik ishlari bo'yicha sudga murojaat qilish tartibi* [Procedure for filing a civil lawsuit] (p. 224). Tashkent: Baktria Publ.

Kelib tushgan / Получено / Received: 18.09.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 08.10.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 27.10.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.5./VUHK2175

UDC: 349.6(045)(575.1)

YER OSTI SUVLARINING HUQUQIY MUHOFAZASI – DOLZARB EKOLOGIK MASALA

Otamirzayev Oybek Murodullo o'g'li,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Ekologiya huquqi kafedrası o'qituvchisi
ORCID: 0009-0003-6947-3949
e-mail: otamirzaev2107@gmail.com

Annotatsiya. Yer osti suvlarining ekologik ahamiyati uning boshqa tabiat obyektlari bilan muvozanatini ta'minlashda, ekologik qoidalarining iqtisoddan muhimligi, inson hayoti va kundalik turmush tarzida suvning muhim o'ringa ega ekanligini ko'rishimiz mumkin. Tadqiqotda yer osti suvlarining muhimligi, ularni boshqa tabiiy resurslar: yer osti, suv va tuproq bilan bog'liqligi ochib berilgan. Ushbu maqolada yer osti suvlaridan umumiy va maxsus yo'sinda foydalanishning huquqiy asoslari tahlil etilgan. Tadqiqotda statistik, qiyosiy-huquqiy, tarixiy-huquqiy va empirik tahlil metodlaridan foydalanilgan holda Buyuk Britaniya, Rossiya, Armaniston va boshqa yirik yurisdiksiyalar amaliyoti o'rganildi. Natijada yer osti suvlari bilan bog'liq munosabatlarda resurslarni boshqarish tizimini takomillashtirish, aholi va iqtisodiyot tarmoqlari ehtiyojlari uchun yer osti suvlaridan oqilona foydalanilishini ta'minlash, suvlarning zararli ta'sirining oldini olish hamda uning oqibatlarini bartaraf etishga qaratilgan keng ko'lamli islohotlarni amalga oshirish talab etilmoqda. Ilgari o'tkazilgan tadqiqotlardan aniqlanishicha, yer osti suvlari ham ijtimoiy, ham iqtisodiy, ham ekologik masalalar bilan bog'liqligi hamda bu sohadagi bilim va axborotlarning cheklanganligi, buning oldini olishda yagona ma'lumotlar platformasini tashkil etgan holda, ekologik ofat, favqulodda vaziyatlarda aniq, ishonchli ma'lumotlardan birgalikda foydalanish zarurdir. Maqolada bu masalalarning O'zbekiston Respublikasi qonunchiligidagi huquqiy holati va uni yaxshilash bo'yicha takliflar tahlil qilingan.

Kalit so'zlar: ruxsatnoma, muzliklar, iqlim o'zgarishi, umumiy va maxsus foydalanish, ekotizim

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПОДЗЕМНЫХ ВОД – АКТУАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Отамирзаев Ойбек Муродулло угли,
преподаватель кафедры «Экологическое право»
Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. Экологическое значение подземных вод проявляется в обеспечении их баланса с другими природными объектами, а также в осознании того, что экологические принципы имеют приоритет над экономическими интересами, поскольку вода играет жизненно важную роль в существовании человека и его повседневной деятельности. В исследовании раскрыта взаимосвязь подземных вод с другими природными ресурсами – недрами, поверхностными водами и почвой, а также проанализированы правовые основы общего и специального пользования подземными водами. В ходе исследования, с применением статистического,

сравнительно-правового, историко-правового и эмпирического методов анализа, изучен опыт Великобритании, России, Армении и других ведущих юрисдикций. Результаты анализа показали, что в сфере регулирования отношений, связанных с подземными водами, посредством проведения широкомасштабных реформ необходимы: совершенствование системы управления водными ресурсами, обеспечение рационального использования подземных вод для нужд населения и отраслей экономики, предупреждение их вредного воздействия и устранение последствий загрязнения. Проведённые ранее исследования подтверждают, что подземные воды имеют социальное, экономическое и экологическое значение, при этом уровень знаний и доступ к информации в этой области остаются ограниченными. Учёные подчёркивают необходимость создания единой информационной платформы, которая обеспечивала бы достоверный и оперативный обмен данными в условиях экологических катастроф и чрезвычайных ситуаций. В настоящей статье также проанализирован правовой статус подземных вод применительно к законодательству Республики Узбекистан и выдвинуты предложения по совершенствованию национального регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: разрешение, ледники, изменение климата, общее и специальное водопользование, экосистема

LEGAL PROTECTION OF GROUNDWATER IS A CURRENT ENVIRONMENTAL ISSUE

Otamirzaev Oybek Murodullo ugli,

Lecturer at the Department of Environmental Law,
Tashkent State University of Law

Abstract. We can see that the ecological importance of groundwater lies in ensuring its balance with other natural objects, that environmental regulations are more important than economics, and that water plays an important role in human life and daily lifestyle. The study reveals the importance of groundwater and its connection to other natural resources: groundwater, water, and soil. This article analyzes the legal framework for the general and special use of groundwater. The study examines the practice of the United Kingdom, Russia, Armenia, and other major jurisdictions using statistical, comparative legal, historical legal, and empirical analysis methods. As a result, there is a need to implement large-scale reforms aimed at improving the system of resource management in relations related to groundwater, ensuring the rational use of groundwater for the needs of the population and economic sectors, and preventing the harmful effects of water and eliminating its consequences. As previously conducted research has shown that groundwater is associated with social, economic, and environmental issues, as well as limited knowledge and information in this area, and to prevent this, it is necessary to create a unified information platform and jointly use accurate, reliable information in cases of ecological disasters and emergencies. The article analyzes the legal status of these issues in the legislation of our Republic and offers suggestions for its improvement.

Keywords: permit, glaciers, climate change, general and special use, ecosystem

Kirish

Bugungi kunda ekologik muammolar har bir jamiyat oldida turgan va yechimini kuta-yotgan masalalardir. Ushbu muammolarni hal qilish nafaqat ijobiy ekologik ta'sirga ega, balki ijtimoiy, iqtisodiy, siyosiy va huquqiy jihatdan jamiyat taraqqiyotiga muhim qadamlar hisoblanadi. Ekologiya hozirgi zamonning

keng ko'lamdagi ijtimoiy muammolaridan biri bo'lib, uni hal etish barcha xalqlarning manfaatlariga mos bo'lib, sivilizatsiyaning hozirgi kuni va kelajagi ko'p jihatdan ana shu muammolarning hal etilishiga bog'liqdir. Shundan kelib chiqqan holda aytish mumkinki, davlatning keyingi taraqqiyoti bevosita ekologik muammolarni qay darajada hal

qilganiga qarab belgilanadi va fuqarolarning ekologik huquqlarini to'laqonli ta'minlashning garovidir.

Global iqlim o'zgarishi natijasida so'nggi 50–60 yil ichida Markaziy Osiyodagi muzliklar maydoni taxminan 60 foizga qisqardi. Prognozlariga ko'ra, haroratning ko'tarilishi muzliklar hajmining 50 foizga qisqarishiga olib keladi. Taxminlarga qaraganda, 2050-yilga kelib Sirdaryo havzasidagi suv resurslari 5 foizga, Amudaryo havzasidagi suv resurslari esa 15 foizga qisqaradi. Agar 2015-yilgacha O'zbekistonda umumiy suv tanqisligi 3 mlrd m³ dan ortiqni tashkil etgan bo'lsa, 2030-yilga kelib 7 mlrd m³, 2050-yilga kelib esa 15 mlrd m³ ga yetishi mumkin. Mamlakatimizda yer osti suvlarining umumiy zaxirasi 31,2 mlrd kub metrni tashkil etib, uning 47,2 foizi Amudaryo havzasiga, 52,8 foizi esa Sirdaryo havzasiga to'g'ri keladi (Amanov et al., 2023).

Yer osti suvlari yer qa'riining bir qismi bo'lganligi sababli, suvlar, yer, yer osti suvlaridan foydalanish va ularni muhofaza qilish bilan bog'liq munosabatlar, xususan, tog'kon, suv va yer huquqi sohalarini huquqiy tartibga solish predmeti hisoblanadi. Qiyosiy huquqiy jihatdan tahlil qiladigan bo'lsak, bir tomondan, yer osti suvlarini huquqiy tartibga solishda alohida tabiiy resurslardan foydalanish va muhofaza qilishni huquqiy tartibga solishning o'ziga xos xususiyatlariga asoslangan tabaqalashtirilgan yondashuv qo'llanadi. Boshqa tomondan, barcha tabiiy komponentlar o'zaro bog'liq bo'lib, ulardan birining doimiy ravishda ishlatilishi boshqasidan foydalanish va himoya qilishga ta'sir qiladi. Tog' jinslarining bir qismi sifatida yer osti suvlari yagona gidrotizimning bir qismi bo'lib qoladi (Pacheco, 2015); o'simliklar, tuproq va yer usti suvlarining holati yer osti suvlaridan foydalanish rejimiga bog'liq (Sophocleous, 2002). Tizimli o'rganish niqtayi nazaridan, yer osti suvlari tabiiy komponent bo'lganligi sababli, yer osti suvlarini huquqiy tartibga solish ham kompleks yondashuvga

asoslanadi. Yer osti suvlaridan foydalanish va muhofaza qilishni huquqiy tartibga solishning kompleks va tabaqalashtirilgan yondashuvlarini bir vaqtning o'zida qo'llash atrof-muhitni muhofaza qilishning boshqa tarkibiy qismlari orasida yer osti suvlarining rolini yaxshiroq tushunishga, yer osti suvlaridan foydalanish va ularni muhofaza qilishni huquqiy tartibga solish muammolarini ilmiy tadqiq etish usullarini ko'paytirishga imkon beradi (Conti & Joyeeta, 2014). Shunday qilib, kompleks yondashuv tabiatda yer osti suvlaridan foydalanish bilan bog'liq jarayonlarni tizimli tahlil qilish va tegishli huquqiy tartibga solishni qonunchilikda mustahkamlash imkonini beradi. O'z navbatida, tabaqalashtirilgan yondashuv tartibga solinadigan ijtimoiy munosabatlar sohasini batafsilroq tushunish imkonini beradi.

Asosiy qism

Yongwang Zhang tomonidan ta'kidlanishi-cha, yer osti suvlarining kamayishi natijasida cho'llanish jarayonining xavfli oqibatlariga alohida e'tibor qaratish zarur deb hisoblaydi. Uning fikricha, qurg'oqchilikdan keyin tabiiy suv manbalari tiklanmaydi, chunki tuproqning suvni ushlab turish qobiliyati kamaydi (Zhang et al., 2024). Shunday ekan, agar kelajakda odamlar suv resurslaridan foydalanish usullarini tubdan o'zgartirmasa, vaziyat yanada yomonlashishi mumkin.

Ma'lumotlarga ko'ra, agar muzliklarning hozirgi erish sur'ati davom etsa, XXI asr oxiriga kelib ular ko'plab mintaqalarda umuman yo'qolishi mumkin. BMT ma'lumotlariga ko'ra, muzliklar dunyodagi chuchuk suv zaxiralarining taxminan 70 foizini tashkil etadi. Ular barqaror iqlim sharoitida deyarli erimaydi, ammo inson faoliyati tufayli yuzaga kelgan global isish ularning tez erishini keltirib chiqarmoqda.

Horst Rittel and Melvin Webber yer osti suvlari haqida "yer osti suvlari ham ijtimoiy, ham iqtisodiy, ham ekologik masalalar bilan bog'liqligi hamda bu sohada bilim va axborotlarning cheklanganligi sohani tartibga

solishda va uni muhofaza qilishda qator to'siqliklarga olib kelishi"ni ta'kidlagan (Hug-gins, 2023).

Kerstin Meshlemning (2016) fikriga ko'ra, yer osti suvlaridan foydalanish va muhofaza qilishni xalqaro tartibga solishning asosiy yo'nalishi aholi salomatligini muhofaza qilish hamda ijtimoiy, iqtisodiy va boshqa jiddiy ekologik maqsadlarga erishish bo'lishi kerak, shuningdek, yer osti suvlari ekotizimiga zararli antropogen ta'sirlarni minimallashtirish nazarda tutiladi.

Yer osti suvlaridan foydalanish va ularni muhofaza qilishni huquqiy tartibga solishning rivojlanishi ekologik huquq rivojlanishining ko'rsatkichidir, chunki u umuman tabiiy obyektlarning rivojlanish qonuniyatlarini tushunishga yordam beradi (Griebler, 2023). Shu bilan birga, yer osti suvlarini o'rganish yer qa'ri, suv, yer kabi tabiiy komponentlardan ularning o'zaro aloqadorligi nuqtayi nazaridan foydalanishga nisbatan ijtimoiy munosabatlarning yangi sohalarini rivojlantirish imkonini beradi.

Yuqoridagi olimlarning fikrlaridan xulosa kelsak, yer osti suvlari bioxilma-xillik zanjirining ajralmas bir bo'lagidir (Younger, 2009; Bierkens & Yoshihide, 2019). Suv mavjud bo'lmagan yerda hayot bo'lmagani kabi insonlar ham suvlik darajasi yuqori, ekologik vaziyati yaxshi yerlarda yashashga intilishadi. Yer osti suvini muhofaza qilish insoniyat oldida turgan muhim vazifalardan biridir. U bilan bog'liq munosabatlarni to'g'ri yo'lga qo'yish orqali kelajagimizni kafolatlaymiz.

Keyingi yillarda respublikada ishbilarmonlik va investitsiya muhitini tubdan yaxshilash, ortiqcha byurokratik to'siqlarni bartaraf etish, eskirgan, zamon talablariga mos kelmaydigan tartib-taomillarni takomillastirish borasida izchil chora-tadbirlar amalga oshirilmoqda. Shu bilan birga, O'zbekiston Respublikasi Prezidentining "Litsenziyalash va ruxsat berish tartib-taomillarini tubdan takomillashtirish chora-tadbirlari to'g'risida"gi 6044-sonli Farmonining 5-ilovasida litsenziya

va ruxsat etish xususiyatiga ega hujjatlarni olish tartib-taomillarini yanada qisqartirish va soddalashtirishga qaratilgan chora-tadbirlar ro'yxati qatorida Yer osti suvlariga quduqlarni burg'ulash uchun ruxsatnoma olish, ya'ni yer osti suv resurslaridan maxsus foydalanishga ruxsatnoma berish bilan faoliyati birlashtirilganligi va bunda ruxsat berishga maxsus vakolatli davlat organi etib O'zbekiston Respublikasi Tog'-kon va geologiya vazirligi belgilangan. Ushbu farmonga qadar Yer osti suvlaridan maxsus foydalanganlik uchun ruxsatnoma Ekologiya vazirligi, yer osti suvlariga quduqlarni burg'ulash uchun ruxsatnoma esa Kon va geologiya vazirligi tomonidan berilgan edi. Prezident farmoni bilan ushbu ikki yo'nalishda ruxsatnomalar berish O'zbekiston Respublikasi Tog'-kon sanoati va geologiya vazirligi huzuridagi "Yer qa'ridan foydalanish markazi" davlat muassasasi vakolatiga berildi.

Shu o'rinda tabiiy resurslardan umumiy va maxsus foydalanish turlarini bir-biridan ajratish maqsadga muvofiqdir. O'zbekiston Respublikasining "Tabiatni muhofaza qilish to'g'risida"gi 754-XII-sonli Qonuniga ko'ra, O'zbekiston Respublikasida tabiatdan umumiy tarzda va maxsus yo'sinda foydalaniladi.

Tabiatdan umumiy tarzda foydalanish fuqarolar tomonidan hayotiy zarur ehtiyojlarni qondirish uchun bepul tabiiy resurslarni ayrim foydalanuvchilarga birlashtirmay va hech qanday ruxsatnomalar bermay turib amalga oshiriladi (Otamirzayev, 2025).

Tabiatdan maxsus tarzda foydalanish tartibida korxonalar, muassasalar, tashkilotlar va fuqarolarga ishlab chiqarish va boshqa faoliyatni amalga oshirish uchun tabiiy resurslar haq olib maxsus ruxsatnomalar asosida egalik qilishga, foydalanishga yoki ijaraga beriladi. Yer osti suvlaridan foydalanishni shu ikki kategoriyaga bo'lib olamiz: umumiy va maxsus yer osti suvlaridan foydalanish. O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining "Yer osti suvlaridan foydalanishga oid ruxsat beruvchi hujjatlarni berish tartibini

yanada takomillashtirish chora-tadbirlari to'g'risida"gi qarori va unda berilgan ma'muriy reglament bilan yer osti suvlaridan umumiy va maxsus foydalanish doirasi belgilab berildi. Umumiy foydalanish – jismoniy shaxslar tomonidan chuqurligi 25 (yigirma besh) metr gacha bo'lgan quduqlardan sutkasiga 5 (besh) kub metr hajmdagi yer osti suvlaridan umumiy foydalanilganda tatbiq etilmaydi (bunda quduqda o'rnatilgan asbob-uskunalarining texnik quvvati ko'rsatkichlari asos qilib olinadi). Maxsus foydalanish – umumiy foydalanishga qo'yilgan limitlardan ortiqcha suvdan foydalanganlik va yuridik shaxslar tomonidan yer osti suvlaridan maxsus foydalanish va iste'mol qilish shaklidir.

Jadval

Jismoniy shaxslar tomonidan Yer qa'ri suvidan foydalanlik uchun ruxsatnoma olinmaydigan miqdor ko'rsatkichlari (davlatlar kesimida)

Davlatlar nomi	Ruxsatnoma olish talab etilmaydigan kunlik miqdor (m ³)
Angliya	20
Tojikiston	100
Qozog'iston	50
Rossiya	100
Hindiston	20 (bir oy uchun)
Uels	20
Qirg'iziston	100
Armaniston	5
O'zbekiston	5

Ushbu jadvaldan shuni ko'rishimiz mumkin, davlatlarning joylashuvi, hududlarning suvlilik darajasidan kelib chiqqan holda tabiatga qayta tiklanmaydigan darajada zarar yetkazmaslik doirasida belgilandi.

Yer osti suvlari sohasida munosabatlarining to'g'ri yo'lga qo'yilishida normativ-huquqiy hujjatlarni mukammal ishlab chiqish zarur (Narzullaev, 2021). Biroq kollizion

holatlar ham uchrab turibdi. Masalan, O'zbekiston Respublikasi Suv kodeksining 57-moddasi 3-qismida "Tasdiqlanmagan zaxiralardagi foydalanishga yaroqli bo'lgan yer osti suvlaridan foydalanishda guruhli suv olish inshootlari uchun suvdan maxsus foydalanish uchun ruxsatnoma ikki yildan ko'p bo'lmagan muddatga beriladi" deb belgilangan bo'lishiga qaramay, Kodeksning 143-moddasi bilan ishga tushirish taqiqlangan holatlar qatorida "yer osti suv zaxiralari tasdiqlanmagan guruhli suv olish inshootlarini, shuningdek, mineral va termal suv quduqlarini" belgilab qo'yilgan. Bu esa yer osti suvlari muhofazasida tushunmovchiliklarga, huquqbuzarliklarga olib kelishi mumkin.

Xulosa

Birinchidan, yer osti suvlarini nazorat qilish murakkabligi, ulardagi huquqbuzarliklarni ochish jihatidan qiyinligini hisobga olgan holda fuqarolarga bu turdagi suvlarning muhimligi, ahamiyati haqida ko'proq tushuntirishlar berish orqali fuqarolarning ekologik huquqiy madaniyatini oshirish birlamchi vazifalardan hisoblanadi.

Ikkinchidan, ko'plab mamlakatlarda yer osti suv resurslari haqida joriy ma'lumotlarni aniqlash yuzasidan zamonaviy texnologiyalarni joriy etish va sohadagi ilg'or loyihalarni moliyaviy qo'llab-quvvatlashga kam e'tibor qaratilmoqda. Bu esa kelayotgan ekologik zararlarning oldindan olish va ularga qarshi samarali kurashishda yetarli natija bermayotganligini ko'rishimiz mumkin.

Uchinchidan, hududlarda yer osti suvlarning joylashish chuqurlik darajasi turlicha bo'lib, umumiy foydalanish holatlarida yer osti suvlari chuqurlik darajasiga emas, foydalanish miqdoriga e'tibor qaratish zarur.

To'rtinchidan, yer osti suvlari bilan bog'liq munosabatlar ko'proq tog'-kon sohasi munosabatlari yaqinligini hisobga olgan holda, ularni tartib solish vazifasini yer qa'ri bilan bog'liq ishlarni amalga oshiruvchi davlat organlari va tashkilotlariga yuklatish maqsadga muvofiq bo'lar edi.

REFERENCES

1. Amanov, B., Uljayev, F., & Jumaniyazova, N. (2023). Assessment and forecast of water resources use in Uzbekistan. *E3S Web of Conferences* (vol. 452). EDP Sciences.
2. Babiker, I. S., Mohamed, A. M., & Tetsuya, H. (2007). Assessing groundwater quality using GIS. *Water Resources Management*, 21(4), 699–715.
3. Bierkens, M. F., & Yoshihide, W. (2019). Non-renewable groundwater use and groundwater depletion: a review. *Environmental Research Letters*, 14(6).
4. Conti, K. I., & Joyeeta G. (2014). Protected by pluralism? Grappling with multiple legal frameworks in groundwater governance. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, 11, 46.
5. Griebler, Ch., et al. (2023). Legal frameworks for the conservation and sustainable management of groundwater ecosystems. *Groundwater Ecology and Evolution*, 551–571.
6. Huggins, X., et al. (2023). Groundwater connections and sustainability in social-ecological systems. *Groundwater*, 61(4), 463–478.
7. Kerstin, M. (2016). Groundwater Governance: The Role of Legal Frameworks at the Local and National Level – Established Practice and Emerging Trends. *MDPI*, 8(8), 347. <https://www.mdpi.com/2073-4441/8/8/347>
8. Motlagh, A., Mohaghegh, Z. Y., & Humayra, S. (2020). *Groundwater quality. Water Environment Research*, 92(10), 1649–1658.
9. Narzullaev, O. Kh. (2021). Protection of Biological Resources and Problems of Legal Regulation of the use of Biodiversity. *The American Journal of Political Science Law and Criminology*, 3(02), 1–6.
10. Otamirzayev, O. (2025). Yer osti suvlari holatida huquqiy bir nazar [A legal perspective on groundwater]. *Proceedings of the Republican Scientific and Practical Conference on the topic of New Age Science: Innovative Ideas and Solutions for Humanity* (vol. 1(1), pp. 70–73).
11. International Institute for Sustainable Development. (2023). National report on the state of the environment: Uzbekistan (p. 122).
12. Pacheco, F. A. (2015). Regional groundwater flow in hard rocks. *Science of the Total Environment*, 506, 182.
13. Sophocleous, M. (2002) Interactions between groundwater and surface water: the state of the science. *Hydrogeology*, 10, 55.
14. Younger, P. L. (2009). *Groundwater in the environment: an introduction*. John Wiley & Sons Publ.
15. Zhang, Y., et al. (2024). Assessing the change in soil water deficit characteristics from grassland to forestland on the Loess Plateau. *Scientific Reports* (vol. 11(1), p. 5).

Kelib tushgan / Получено / Received: 12.09.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 10.10.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 27.10.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.5./SBGT7365

UDC: 343.22(045)(575.1)

AYB UCHUN JAVOBGARLIK PRINSIPI VA JINOYAT SUBYEKTI

Karaketova Dilnoza Yuldashevna,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Jinoyat huquqi, kriminologiya
va korrupsiyaga qarshi kurashish
kafedrasini dotsenti,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD)
ORCID: 000-0001-8586-2328
e-mail: d.yu.karaketova@gmail.com

Annotatsiya. Mazkur maqolada jinoyat huquqidagi ayb uchun javobgarlik prinsipi hamda uning jinoyat subyekti bilan o'zaro bog'liqligi tahlil etilgan. Muallif Jinoyat kodeksining 9-moddasida ko'zda tutilgan prinsipning nazariy va amaliy jihatlarini yoritib, aybning qasd va ehtiyotsizlik shakllari, shuningdek, motiv, maqsad va hissiy holatlar kabi qo'shimcha belgilarning ahamiyatini ta'kidlagan. Maqolada aybning falsafiy va huquqiy mohiyati, aybdorlik tushunchasi bilan farqi, shuningdek, chet el huquq tizimlari, xususan, Germaniya jinoyat qonunchiligidagi yondashuvlar bilan qiyosiy tahlil o'tkazilgan. Natijada jinoyat huquqida ayb subyektiv va obyektiv elementlar yig'indisi sifatida qaralishi, jinoyat subyekti esa aybdorlikning asosiy tashuvchisi ekanligi ilmiy jihatdan asoslangan. Muallif ayb uchun javobgarlik prinsipini shaxsning huquqiy, ijtimoiy va psixologik xususiyatlari bilan chambarchas bog'liq holda jinoiy javobgarlikni belgilashda hal qiluvchi omil sifatida baholagan.

Kalit so'zlar: prinsip, ayb, aybdorlik, jinoyat subyekti, qasd, ehtiyotsizlik, motiv, maqsad, affekt

ПРИНЦИП ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВИНУ И СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Каракетова Дильноза Юлдашевна,
доктор философии (PhD) по юридическим наукам,
доцент кафедры «Уголовное право, криминология
и противодействие коррупции»
Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются принцип ответственности за вину в уголовном праве и его взаимосвязь с понятием субъекта преступления. Автор анализирует теоретические и практические аспекты принципа, закреплённого в статье 9 Уголовного кодекса, раскрывая формы вины – умысел и неосторожность, а также значение дополнительных признаков, таких как мотив, цель и эмоциональное состояние. В работе исследуется философская и правовая сущность вины, её отличие от понятия виновности, проводится сравнительный анализ с зарубежными правовыми системами, в частности с уголовным законодательством Германии. В результате анализа обосновывается, что в уголовном праве вина рассматривается как совокупность субъективных и объективных

элементов, а субъект преступления выступает основным носителем виновности. Автор оценивает принцип ответственности за вину как решающий фактор в определении уголовной ответственности личности, тесно связанный с её правовыми, социальными и психологическими особенностями.

Ключевые слова: принцип, вина, виновность, субъект преступления, умысел, неосторожность, мотив, цель, аффект

THE PRINCIPLE OF RESPONSIBILITY FOR GUILT AND THE SUBJECT OF THE CRIME

Karaketova Dilnoza Yuldashevna,
Doctor of Philosophy (PhD) in Law,
Associate Professor at the
Department of Criminal Law,
Criminology, and Anti-Corruption,
Tashkent State University of Law

Abstract. This article analyzes the principle of responsibility for guilt in criminal law and its relationship with the subject of the crime. The author, highlighting the theoretical and practical aspects of the principle provided for in Article 9 of the Criminal Code, emphasizes the significance of such additional features as intentional and negligent forms of guilt, as well as motives, goals, and emotional states. The article provides a comparative analysis of the philosophical and legal essence of guilt, its difference from the concept of guilt, as well as approaches to foreign legal systems, in particular, German criminal legislation. As a result, it has been scientifically substantiated that in criminal law guilt is considered as a combination of subjective and objective elements, and the subject of the crime is the main bearer of guilt. The author assessed the principle of responsibility for guilt as a decisive factor in determining criminal liability in close connection with the legal, social, and psychological characteristics of the individual.

Keywords: principle, guilt, culpability, subject of crime, intent, negligence, motive, purpose, affect

Kirish

Jinoyat kodeksining 9-moddasiga muvofiq, shaxs qonunda belgilangan tartibda aybi isbotlangan ijtimoiy xavfli qilmishlari uchungina javobgar bo'ladi.

Jinoyat huquqida ayb – bu jinoyat subyekting o'z qilmishini (harakat yoki harakatsizlikni) va uning jamiyat uchun xavfli oqibatlarini idrok etish va unga munosabatini aks ettiruvchi subyektiv tomonning majburiy belgisi hisoblanadi.

Ayb shaxsning jinoyat sodir etganligi uchun jinoiy javobgarlikka tortilishida markaziy ahamiyatga ega. Jinoiy javobgarlik faqat ayb mavjud bo'lganidagina yuzaga keladi, shu ma'noda "aybsiz javobgarlik" jinoyat huquqiga zid ekanligini ta'kidlash joiz.

Ushbu tadqiqotda ilmiy tahlilning zamonaviy usullari, huquqiy nazariya va amali-

yotda qo'llanadigan umumiy va xos ilmiy usullardan kompleks tarzda foydalanildi. Tadqiqot metodologiyasi dissertatsiyaning maqsadi va vazifalaridan kelib chiqib tanlangan bo'lib, mantiqiy tahlil va umumlashma usuli, tarixiy-qiyosiy tahlil usuli, qiyosiy-huquqiy usul, normativ-huquqiy tahlil usuli, ilmiy tahlil va doktrinal yondashuv hamda tavsiyaviy modellashirish usuli qo'llandi.

Asosiy qism

Jinoyat huquqiga muvofiq, ayb qasd va ehtiyotsizlik shakllarida bo'ladi. O'z navbatida, qasd va ehtiyotsizlik ham turlarga bo'linadi. Bunda qasd to'g'ri va egri qasdga, ehtiyotsizlik o'z-o'ziga ishonish va beparvolikka bo'linadi.

Ayb obyektiv mavjud bo'lib, u ayblov hukmida aniqlanishi va mustahkamlanishi kerak. Ayb jamiyat uchun xavfli qilmishni sodir

etish orqali shaxsning irodaviy harakatining ma'lum bir yo'nalishini aks ettiradi. Shu bilan birga, har qanday ixtiyoriy harakat, jumladan, huquqqa xilof qilmish ham, shaxs harakat qilayotgan sharoitlarni ma'lum darajada anglashi bilan bog'liq bo'ladi. Jinoyatchining ongli-ixtiyoriy harakati va uning baholanishi jinoiy javobgarlik va jazo qo'llashga oid barcha masalalarni hal etishning asosini tashkil qiladi.

Jinoyat kodeksining 9-moddasida ayb uchun javobgarlik, ya'ni shaxs qonunda belgilangan tartibda aybi isbotlangan ijtimoiy xavfli qilmishlari uchungina javobgar bo'lishi prinsipi belgilangan.

A. Toshpulatovning (2023) fikricha, "Konstitutsiyamizning 26-moddasida jinoyat sodir etishda ayblanayotgan shaxslarning jinoyat ishi sudda qonunda belgilangan tartibda, oshkora muhokama qilinishi va uning aybi isbotlanmaguncha aybdor hisoblanmasligi aks ettirilgan bo'lib, bu prinsip nafaqat jinoyat huquqida, balki jinoyat-protsessual huquqida ham aybsizlik prezumpsiyasi sifatida mavjuddir".

Ayb – bu jinoyat subyektining sodir etgan yoki sodir etilishi mumkin bo'lgan harakatga nisbatan intellektual va irodaviy munosabatidir. Bu nuqtayi nazardan ayb faqat ruhiy munosabat sifatida qabul qilinib, subyektning o'ziga xos bahosi yoki muayyan vaziyatdagi shaxsiy xatti-harakatlariga nisbatan o'ziga bergan bahosi sifatida tushuniladi (Kudryavtsev et al., 2005).

O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksining 20-22-moddalarida ayb aynan shu tarzda bayon etilgan bo'lib, unda qasd va ehtiyotsizlik shakllari, shuningdek, ularning turlari – to'g'ri va egri qasd, ehtiyotsizlik va uning turlari o'z-o'ziga ishonish hamda beparvolik ajratib ko'rsatilgan. Ayb tushunchasiga bunday ruhiy yondashuv jinoyat huquqi ilm-fanida eng ko'p tarqalgan bo'lib, u o'z ildizlarini Gegel tomonidan taklif etilgan aybning falsafiy tushunchasiga asoslanadi. Unga ko'ra, ayb – boshqa subyektlarning uning ha-

rakatlariga bergan tashqi bahosi emas, balki avvalo, shaxsning o'ziga xos irodasi va ongi hisoblanadi. Biroq Gegel (1990) ta'kidlaganidek, shaxsning o'z aybini tan olishi ham uning jinoyat qilganligi uchun javobgar bo'lishini anglatmaydi.

Aynan shu Gegel falsafasidan aybning qasd shaklining ruhiy jihatiga oid barcha zamonaviy qarashlar shakllangan. Ya'ni ayb qilmish oqibatida jamoat uchun xavfli oqibatlarining sodir bo'lishini yoki sodir bo'lishi mumkinligini anglash, bunday oqibatlarni keltirib chiqarishga irodaviy istak yoki ularning yuzaga kelishini xohlash sifatida baholalanadi.

Boshqa tomondan ayb – jinoyat tarkibi mazmunining ajralmas qismi yoki jinoyat tarkibi subyektiv tomonining elementi hisoblanadi. Bu nuqtayi nazardan ayb yuqorida ko'rib chiqilgan ruhiy jihat bilan ko'p jihatdan umumiylikka ega, chunki u ham xuddi shu shakllar – qasd va ehtiyotsizlik asosida belgilanadi. Biroq bu yerda aybni jinoyatni sodir etgan yoki uni sodir etish niyatida bo'lgan shaxsning o'zi emas, balki qonun chiqaruvchi baholaydi va bu baholash shaxsni jinoiy javobgarlikka tortish uchun zaruriy shart sifatida ko'riladi (Golubev, 2013). Bunda ayb jinoyat qonunining Maxsus qismi normalarida o'zining aniq ifodasini topadi.

Shu bilan birga, paradoks shundan iboratki, subyektning harakatini "tashqi" baholash uchun uning o'z harakatlariga bo'lgan "ichki" munosabatini baholash mezonlaridan foydalaniladi. Bu "tashqi" bahoning muayyan darajada ideallashtirilishiga olib keladi. Ya'ni normal, qonunga itoatkor va huquqiy ongga ega subyekt o'z harakatlarini qanday baholashi kerakligi, uning qilmishiga nisbatan tashqi bahoning asosiy ko'rsatkichi hisoblanadi.

Masalan, o'g'ri o'g'irlikni sodir etayotganda uning harakatlari qonunning u yoki bu normasiga qay darajada zid ekanligi har doim ham o'ylab o'tirmaydi. U hatto, o'zining voyaga yetmaganligi yoki boshqa holatlar sababli, ushbu harakatining qonunga zid-

ligi yoki uning uchun qonunda javogarlik belgilanganligi haqida bexabar bo'lishi ham mumkin. Bunday holda, ya'ni qilmishi uchun javobgarlik mavjudligi haqida xabardor emasligi yoki uning oqibatlarini anglamaganligi jinoiy javobgarlikdan ozod qilinishiga olib keladimi? Chunki u o'zini aybdor deb hisoblamasligi mumkin va o'z harakatlarini odatiy *modus vivendi*¹ (hayot tarzi) doirasida, shuningdek, uning uchun xos bo'lgan *modus operandi*² (harakat usuli) asosida sodir etgan bo'ladi-ku? Albatta, bunday holatda, shaxs jinoiy javobgarlikdan ozod qilinishi mumkin emas, chunki qonunni bilmaslik, shuningdek, uni majburiy qoida sifatida qabul qilmaslik javobgarlikdan ozod qilmaydi. Shu sababli, yuqorida qayd etilgan harakatga nisbatan (o'z qilmishini to'la anglamagan holda o'g'irlik qilgan shaxsning) "ichki bahoning" idealashtirilishini jinoiy jazolanadigan harakatga nisbatan "tashqi baholash" mezoni sifatida qabul qilish mumkin.

Shu bilan birgalikda, ayb subyektiv tomonning yagona elementi emas, ko'pchilik jinoyat tarkiblari uchun subyektiv tomonning fakultativ elementlari sifatida jinoyatning motivi va maqsadi ham muhim ahamiyat kasb etadi (Zotova, 2021).

Motiv va maqsadni aniqlash subyektning aybini, ya'ni uning o'z qilmishiga nisbatan ruhiy munosabatini tahlil qilishda muhim rol o'ynaydi. Agar Jinoyat kodeksining Maxsus qismida muayyan jinoyat tarkiblarida motiv yoki maqsad to'g'risida to'g'ridan to'g'ri ko'rsatilmagan bo'lsa, ular fakultativ belgilar sifatida baholanadi.

Ayrim rossiyalik olimlar, jumladan, N.A. Chernova (2016), jinoyatning subyektiv tomonida emotsional elementlarni ham ajratib ko'rsatadilar. Bu elementlar yuqorida tasvirlangan aybning ruhiy elementlari – ong

va iroda bilan yaqin bog'liq bo'lsa-da, ularni mustaqil tarkibiy qism sifatida qaraydilar va isbotlanishi lozim bo'lgan elementlar sifatida faqat ikki jinoyat tarkibida mustahkamlangan, deb hisoblaydilar. Uning fikricha, RF Jinoyat kodeksining 107-moddasida javobgarlik belgilangan "Affekt holatida sodir etilgan qotillik" va 113-moddasi "Affekt holatida sog'liqqa og'ir yoki o'rtacha og'ir zarar yetkazish" jinoyatlarida affekt, ya'ni kuchli ruhiy hayajon subyektiv tomonning emotsiyaviy tarkibiy qismi jinoyat tarkibini shakllantiruvchi element sifatida qaralishi lozim.

K. Hakimov (2022) fikricha, o'zida vaziyatga bog'liq ravishda vujudga kelish xususiyatini kasb etuvchi kuchli ruhiy hayajonlanish (affekt) holatida sodir etilgan jinoyatlarda aybdorning o'ziga xos ijtimoiy xavflilik darajasini inobatga olish muhim ahamiyatga ega. Garchi kuchli ruhiy hayajonlanish (affekt) holatida shaxsning xulq-atvori o'zi uchun odatdagidek bo'lmasa-da, unda aybdor shaxsining o'ziga xos jihatlari va aniq ijtimoiy-psixologik sifatleri namoyon bo'ladi.

Uning fikricha, affekt (kuchli ruhiy hayajonlanish) holatida sodir etilgan jinoyatni qonun bilan muhofazalanadigan ijtimoiy munosabatlarga zarar yetkazuvchi ijtimoiy xavfli qilmish sifatida emas, balki jinoyatni sodir etishga olib keluvchi bir qancha sabablarga ega bo'lgan sotsial hodisa sifatida baholaganimizda, ko'pchilik holatlarda aybdor ijtimoiy xavfli qilmish sodir etishni to'g'ridan to'g'ri maqsad qilmaganligiga va uni o'zidagi vaziyatga nisbatan salbiy ta'sirini to'xtatishga yetarli darajada kuch topa olmaganligiga guvoh bo'lishimiz mumkin.

Shu sababdan ham, affekt jinoyat qonuni-da javobgarlikni yengillashtiruvchi holat sifatida (JK 98-, 106-moddalari)da baholanadi.

¹ Modus vivendi (lot. - hayot tarzi, kun kechirish usuli) diplomatik termin bo'lib, kelishuv asosida vaqtinchalik hayot tarzi bo'lib, keyinchalik doimiy xususiyat kasb etadigan kelishuv tuzilguncha amal qiladigan sharoitga nisbatan qo'llaniladi. Ushbu matnda esa, ma'lum bir shaxsning ma'lum bir hayotiy vaziyatda yashab qolish tarzi sifatida keltirilmoqda.

² Modus operandi (lot. - harakat usuli). Kriminologiyada jinoyatchi shaxsining kriminologik portretini yaratishda qo'llaniladi va odatda biror-bir jinoyatni sodir qilgan gumon qilinuvchini aniqlash va ushlashda imkon beradi.

Aybning uchinchi jihati – aybdorlik bo'lib, u nafaqat subyektiv, balki obyektiv omillarni ham o'z ichiga oladi. Jinoyat qonunchiligi aynan shu omillar bilan jinoiy javobgarlik yuzaga kelishini bog'laydi, ya'ni jinoyat qonun bilan taqiqlangan ijtimoiy xavfli qilmishni sodir etish uchun javobgarlikni belgilaydi.

JK 9-moddasida belgilangan ayb uchun javobgarlik prinsipi mazmuniga qarasak, qonun chiqaruvchi jinoiy javobgarlikni subyektiv o'z aybini ruhiy anglashi yoki huquqni qo'llovchi organ tomonidan muayyan harakatda aniq bir ayb shaklini belgilash bilan bog'lamaydi.

JK 9-moddasida shaxsning jinoyat sodir etganligi uchun aybdorligi umumiy tarzda belgilanganligini ko'rish mumkin. Bu holda, faqat subyektiv elementlarni aniqlash bilan cheklanib qolmay, balki jinoyat tarkibining obyektiv elementlarini ham belgilash talab etiladi. Bular qatoriga obyekt, obyektiv tomon, zarur hollarda esa – yuzaga kelgan oqibatlar yoki obyektiv dunyoda sodir bo'lgan o'zgarishlar kiradi. Bunda faqat jinoyat sodir etgan shaxsning shaxsiy his-tuyg'ulari yoki huquqni qo'llovchi organ tomonidan bunday harakatga berilgan subyektiv baholar bilan cheklanish mumkin emas.

Masalan, shaxs o'zgalar mulkini talon-toraj qilganida, bu holat bo'yicha ma'lum bir irodaviy va ongli kechinmalarni boshdan kechirishi mumkin. Huquqni qo'llovchi organ bunday talon-toraj qasddan sodir etilgan deb baholashi ehtimoli bor. Bu xulosa subyektiv harakatlarining tashqi ko'rinishiga asoslanib chiqariladi. Biroq, agar bunday talon-toraj ahamiyatsiz bo'lsa, ya'ni qonunda jinoyat deb hisoblanishi uchun belgilangan chegaradan past bo'lsa, shaxsni jinoyat sodir etganlikda aybdor deb topish mutlaqo noto'g'ri bo'ladi. Bunday holat ma'muriy huquqbuzarlik sifatida baholanadi (Ma'muriy javobgarlik to'g'risidagi kodeksning 61-moddasi).

Shu bilan birga, tashqi ko'rinishidan talon-torajga o'xshagan qilmish, jinoyat qonunida ko'zda tutilgan ayb shakllarisiz sodir

etilgan bo'lsa, uni jinoyat sifatida baholash mumkin emas. Ya'ni obyektiv ayblov (aybdorlikni faqat tashqi harakat asosida belgilash) qabul qilinmaydi.

Yuqoridagi fikrlarni umumlashtirganda, ayb va aybdorlik tushunchalari aynan bir xil emasligini ta'kidlash lozim. Ayb aybdorlik tushunchasining tarkibiy qismi bo'lib, u qonun bilan belgilangan obyektiv va subyektiv elementlar yig'indisi natijasida shakllanadi. Shu bilan birga, ayb obyektiv ayblov imkoniyatini istisno etuvchi zaruriy element hisoblanadi.

Ayb jinoyat huquqida ikki jihatdan – ruhiy va mazmun jihatidan namoyon bo'ladi. Ruhiy jihat – subyektiv o'z harakatlarini “qanday bo'lishi kerak” deb qabul qilishi, ya'ni aybni ideallashtirilgan tarzda anglashi bilan bog'liq. Mazmuniy jihati esa, qonun chiqaruvchi va huquqni qo'llovchi organ tomonidan subyektiv tomonning “tashqi” baholanishiga taalluqli. Ayb subyektiv tomonning zaruriy elementi hisoblanadi, biroq u yagona element emas. Subyektiv tomonga motiv, maqsadlar, shuningdek, hissiyot va emotsional elementlar ham kirishi mumkin. Qonun chiqaruvchi ularni aybni og'irlashtiruvchi yoki yengillashtiruvchi holatlar sifatida e'tiborga olishi mumkin.

A. Toshpulatov (2023) ta'kidlaganidek, “Xorijiy davlatlar qonunchiligida jinoyat tarkibi sifatida ayb tushunchasi va aybdorlik masalasi kengroq talqin qilinganligini kuza-tishimiz mumkin. A. Jalinskiy va A. Rerixtlar (2001) Germaniya jinoyat huquqini tahlil qilish asosida jinoyat tushunchasini uch belgidan, ya'ni jinoyat tarkibining mavjudligi (obyektiv va subyektiv belgilarning mavjudligi), qilmishni jinoyat deb topishni istisno qiladigan holatlarning yo'qligi va jinoyatning mustaqil belgisi sifatida aybdan iboratligini ko'rsatishgan. Ularning fikricha, Germaniya jinoyat huquqida aybdorlik va huquqqa xiloflik o'rtasida jiddiy farq mavjud bo'lib, qilmish huquqqa xilof, ammo aybsiz deb topilishiga asos bo'ladi. Bundan tashqari, ularda ayb va ehtiyotsizlik ikki xil tushuncha sifatida qaraladi.

Jinoyat qonunida aybdorlik prinsipi (“nula poena sine culpa”) huquqiy davlat prinsipi elementlaridan bo‘lib, Germaniyada konstitutsiyaviy maqomga ega. Germaniya Jinoyat kodeksining (2023-yil may) 46-moddasiga ko‘ra, jinoyat sodir etgan shaxsning aybi jazo tayinlashning asosi hisoblanadi. Jazoni belgilashda uning aybdorning kelajakdagi ijtimoiy hayotiga ta’siri inobatga olinadi.

Jazo tayinlashda jinoyat sodir etgan shaxsning foydasiga va zarariga ta’sir etuvchi holatlar, shaxsning holatlari hisobga olinadi. Bunda quyidagilarga alohida e’tibor qaratiladi:

Jinoyatchini harakatga undovchi sabab va maqsad, undan kelib chiqadigan fikrlash tarzi, jinoyat sodir etishdagi irodasi, majburiyatlarni buzish darajasi, jinoyatni amalga oshirish usuli, jinoyat sodir etilgunga qadar ayblanuvchining turmush tarzi, uning shaxsiy va moddiy ahvoli, jinoyatdan keyingi xulq-atvori (yetkazilgan zararni qoplash va jabrlanuvchi bilan yarashish) (Germaniya, 2023-yil may).

Ko‘rinib turibdiki, Germaniya jinoyat qonunchiligida shaxsni jazolash uchun asosiy mezon aybning mavjudligini aniqlash hisoblanadi” (Toshpulatov, 2023).

Biz ham A. Toshpo‘latovning fikrlarini qo‘llab-quvvatlab, jinoyat huquqiga oid adabiyotlarda, shuningdek, huquqni qo‘llash amaliyotida asosiy e’tibor jinoyat tarkibi (obyekt, obyektiv tomon, subyekt va subyektiv tomon) mavjudligini aniqlashga qaratilganini, ammo shaxsning nima uchun jinoyat sodir etganligi, uni jinoyatga undagan sabablar, jinoyat sodir etishiga olib kelgan vaziyatlar, tayinlanadigan jazoning aybdorning tuzalishi va keyingi hayotiga qanday ta’siri masalalariga yetarlicha e’tibor berilmaganligini ta’kidlaymiz.

Huquqni qo‘llash amaliyoti nuqtayi nazaridan ayb tushunchasi qanchalik muhim bo‘lsa, shaxsning o‘z qilmishiga nisbatan aybdorlik munosabatini tashkil etuvchi unsurlar va ularning jinoyat ishi bo‘yicha majburiy

ravishda isbotlanishi zarurligi masalasi ham shunchalik dolzarbdir. Shuningdek, qaysi subyektiv belgilar barcha hollarda aniqlanishi shart va qaysilari faqat muayyan vaziyatlarda o‘rganilishi lozimligini belgilash ham muhim masala hisoblanadi.

Qonun chiqaruvchi jinoyat qonunining 20-moddasida har qanday ijtimoiy xavfli qilmish va undan kelib chiqqan oqibatlarga nisbatan aybning qasddan yoki ehtiyotsizlikdan sodir etilganligini aniqlash zarurligini ta’kidlaydi. Jinoyat kodeksining Umumiy qismida jinoyatni kvalifikatsiya qilishga ta’sir ko‘rsatuvchi aybning ruhiy holatini belgilaydigan bir qator ruhiy jarayonlar ko‘rsatib o‘tilgan. Masalan, jinoyat sodir etishdan ixtiyoriy qaytish (26-modda), zaruriy mudofaa (37-modda), jismoniy yoki ruhiy majburlash yoxud qo‘rqitish natijasida jinoyat sodir etish (411-modda), chin ko‘ngildan pushaymon bo‘lish (55-modda), amalda pushaymonlik (571-modda), aybga iqrorlik (572-modda) va boshqalar.

Bundan tashqari, Maxsus qismdagi bir qator moddalarda jinoyat tarkibi tavsifida kvalifikatsiyalovchi belgi sifatida motiv, maqsad va hissiyotlarda namoyon bo‘ladigan subyektiv belgilar nazarda tutilgan. Masalan, kuchli ruhiy hayajonlanish (98- va 106-moddalar), g‘arazgo‘ylik yoki boshqa past niyatlarda farzandlikka olish sirini oshkor qilish (125-modda), pornografik mahsulotni tarqatish, reklama qilish, namoyish etish maqsadida tayyorlash (130-modda) va boshqalar.

Jinoyat huquqiga oid adabiyotlarda shaxsning o‘z qilmishiga nisbatan aybdorlik hissiga oid uchta asosiy yondashuvlar mavjudligini ko‘rishimiz mumkin.

Birinchi yo‘nalishda ayb (aybdorlik) muayyan jinoyatning subyektiv va obyektiv belgilari yig‘indisi sifatida talqin etiladi. Bu qarash sobiq Sovet Ittifoqi davri olimlarida keng tarqalgan bo‘lib, bir tomondan, obyektiv ayblovni keskin tanqid qilishdan, boshqa tomondan esa aybni javobgarlikning asosi deb belgilashdan kelib chiqadi (mamlaka-

timiz Jinoyat kodeksining 9-moddasidagi ayb uchun javobgarlik prinsipi ham aynan shu yondashuvga tayanadi). Shuningdek, bu yondashuv aybning ijtimoiy mohiyatini aniqlashga intilishga asoslanadi. Bunda, ayb aybdorlik sinonimi sifatida qaralsa-da, shaxsning ongida sodir bo'ladigan barcha jarayonlardan kengroq tushuncha sifatida tahlil qilingan.

Ikkinchi yondashuvda (asosan 1990–2000-yillarda) birinchi yondashuv tanqid qilinib, ayb va aybdorlik tushunchalari bir-biriga aralashib ketganligi, natijada ikkita “ayb” yuzaga kelganligi ta'kidlanadi. Bundan tashqari, aybni bunday keng talqin qilish huquqni qo'llash faoliyatida qiyinchiliklar keltirib chiqarishi, unda obyektiv belgilarni ikki marta – ham jinoyat tarkibining alohida elementi sifatida, ham aybning bir qismi sifatida aniqlash zarurligi ko'rsatib o'tiladi. Ba'zi olimlar jinoyatning subyektiv tomoni va ayb tushunchalarini aynan bir xil deb hisoblaydilar. Ularning fikricha, har ikkisi ham jinoyat sodir etish bilan bog'liq barcha ruhiy jarayonlarni qamrab oladi. Bu fikr odatda quyidagicha asoslantiriladi: “Qonun chiqaruvchi motiv, maqsad va his-tuyg'ularni ayb shakllarining ta'rifiga kiritmagan holda, har qanday inson xatti-harakatlari, jumladan, jinoiy harakatlar ham, ruhiy faoliyatning ushbu tarkibiy qismlariga doimo ega ekanligini nazarda tutadi” (Voroshilin & Kriger, 1978).

A.I. Rarog (1987) fikricha, “Aybni jinoyatning subyektiv tomoni deb tushunish, qonunchilikda belgilangan ayb tushunchasi mos kelmaydi, ayb tushunchasini noaniqlashtiradi, uning ham yuridik tavsifi, ham psixologik mazmuni nuqtayi nazaridan chegaralarini belgilashni qiyinlashtiradi, motiv va maqsadning aybdagi aniq o'rnini belgilamaydi, ayb shaklini uning mazmunidan ajratishga yo'l qo'yadi, bu esa konseptual xatolarga olib kelishi mumkin, asossiz ravishda ayb mazmuniga motiv, maqsad, affekt, his-tuyg'ular kabi psixologik kategoriyalarni kiritadi, holbuki, bular aybdor shaxsning jinoiy harakatga nis-

batan ruhiy munosabatining to'g'ridan to'g'ri elementlari emas”.

Hozirgi vaqtda adabiyotlarda keng tarqalgan yondashuvga ko'ra, ayb har qanday jinoyat tarkibining zaruriy belgisi hisoblansa-da, ammo motiv, maqsad va ba'zan hissiyotni o'z ichiga olgan jinoyat subyektiv tomonining bir elementidir. Bunda motiv, maqsad va hissiyotlar fakultativ belgilar bo'lib, faqat ayrim jinoyatlar uchun zaruriy belgilar bo'lishi mumkin.

Bu yerda jinoyat sodir etishga undagan turtki (pobujdeniye) odatda motivning sinonimi sifatida ko'riladi. Ammo psixologiya fani nuqtayi nazaridan bu noto'g'ri, chunki turtki hissiyot va ehtiyojlardan iborat bo'lib, ular ijobiy yoki salbiy bo'lishi mumkin va motiv shakllanishidan oldingi holat sifatida qaraladi. Motiv esa muayyan qaror qabul qilish va uni asoslash uchun zarur psixologik sharoit sifatida namoyon bo'ladi.

Shu bilan birga, hissiyot, affekt subyektiv tomon elementlariga kirmaydi, balki ular jinoyatchi shaxsini tavsiflovchi belgilar hisoblanadi (Rarog, 2008), degan qarashlarga ham qo'shilib bo'lmaydi.

Hissiy jarayonlar yoshga doir ruhiy barqarorlikni aniqlashda (jinoiy javobgarlik uchun yoshga doir aqli rasolik) muhim ahamiyat kasb etadi va bu ma'noda ular ko'proq subyektning xususiyati sifatida qaralishi mumkin. Ya'ni muayyan shaxsga xos his-tuyg'ular uning jahldor yoki mehribon ekanligini ko'rsatuvchi belgilari sifatida baholanishi mumkin.

Biroq, faol rivojlanib, muayyan xatti-harakatda namoyon bo'ladigan hissiyotlar, ayniqsa, affekt, jinoyatchi shaxsining tub mohiyatini aks ettirmaydi, chunki ular uning odatiy xulq-atvoriga mutlaqo xos bo'lmasligi mumkin. Ular aybdor shaxsning ruhiy faoliyatidagi aqliy va irodaviy jarayonlarga ma'lum bir ta'sir ko'rsatib, jinoyatning subyektiv tomoni belgisi sifatida namoyon bo'ladi.

Shu bilan birga, jinoyat subyeksi va ayb o'rtasida uzviy bog'liqlik mavjudligini ham

ta'kidlash joiz. Chunki bu ikkala tushuncha ham subyektiv-obyektiv xususiyatga ega. Jinoyat subyektining majburiy belgilari, xuddi aybning majburiy tarkibiy qismlari singari, bir tomondan, ijtimoiy xavfli qilmishni sodir etgan shaxsning ongli-irodaviy ichki xususiyatlarini tavsiflaydi. Boshqa tomondan esa, ular jamiyat va davlat tomonidan majburiy ijtimoiy-huquqiy baholashga sabab bo'ladi (Veklenko, 2003).

Boshqa jihatdan qaraydigan bo'lsak, shaxsning aybini uning motiv va maqsadlarini bilmasdan turib aniqlab bo'lmaydi va bu qonunchilikda ham o'z aksini topgan. Jumladan, Jinoyat-protsessual kodeksining 82-moddasida ayblash va hukm qilish asoslaridan biri sifatida jinoyatning to'g'ri yoki egri qasd bilan yoxud beparvolik yoki o'z-o'ziga ishonish oqibatida sodir etilganligi, jinoyatning sabablari va maqsadlari isbotlangan bo'lishi kerakligi belgilangan.

Ehtiyotsizlik tufayli sodir etilgan jinoyatlarda, odatda, motiv va maqsadni aniqlash talab qilinmaydi. Biroq ba'zi ehtiyotsizlikdan sodir etilgan jinoyatlarda ham motiv va maqsadni aniqlash shaxsni jinoiy javobgarlikka tortishda muhim ahamiyat kasb etishi mumkin. Masalan, shaxs o'zini himoya qilish maqsadida quroldan o'q uzganligi yoki shovqin solayotgan qo'shnilarini qo'rqitish uchun o'q otganligi natijasida ehtiyotsizlikdan kelib chiqqan o'lim holatlarida motiv va maqsad aniqlanishi shart bo'ladi.

Xulosa

Yuqoridagilardan kelib chiqib aytish mumkinki, ayb uchun javobgarlik prinsipi, avvalo, jinoyat subyekti bilan chambarchas bog'liqdir. Ayb uchun javobgarlik prinsipi va jinoyat subyektining o'zaro bog'liqligi quyidagilarda namoyon bo'ladi, ushbu prinsipga ko'ra, shaxs faqat o'zining aybi bilan sodir etgan jinoyati uchungina javobgarlikka tortilishi mumkin. Bu holat jinoyat subyekti tushunchasi bilan uzviy bog'liq bo'lib, jinoiy

javobgarlikka tortilishi mumkin bo'lgan shaxsning huquqiy, psixologik va ijtimoiy xususiyatlarini o'z ichiga oladi.

Ayb uchun javobgarlik prinsipi va jinoyat subyektining o'zaro bog'liqligi quyidagilarda namoyon bo'ladi:

- jinoiy javobgarlik faqat aybli ravishda sodir etilgan jinoyat uchun kelib chiqadi;

- ayb uchun javobgarlik prinsipi qonunchilikda shaxsni jinoiy javobgarlikka tortish uchun aybdorlikni isbotlash majburiyatini belgilaydi;

- obyektiv ayblovga yo'l qo'yilmaydi;

- jinoiy javobgarlikni belgilash uchun shaxsning jinoiy qilmishga nisbatan ongli va irodaviy munosabati isbotlanishi lozim;

- ayb shaxsning o'z harakatlariga nisbatan ichki ruhiy munosabatidir. U ijtimoiy xavfli qilmish va uning oqibatlarini anglash, shuningdek, bu oqibatlarni keltirib chiqarish istagi yoki bunday holatga yo'l qo'yish irodasi bilan bog'liq;

- jinoyat subyekti aybdorlikning asosiy tashuvchisi bo'lib, uning jinoiy javobgarligi aynan aybning shakli va mazmuniga bog'liq holda belgilanadi.

Jinoyat huquqida shaxs jinoyat subyekti deb tan olinishi uchun u quyidagi asosiy belgilarga ega bo'lishi lozim: jismoniy shaxs bo'lishi; javobgarlik yoshiga yetgan bo'lishi va aqli raso bo'lishi.

Ba'zi jinoyat tarkiblarida motiv va maqsad subyektiv tomonning zaruriy elementlaridan biri hisoblanadi.

Ayb uchun javobgarlik prinsipi va jinoyat subyekti o'rtasidagi bog'liqlik jismoniy shaxs ekanligi, yosh, aqli rasoligi va ayb shakli kabi mezonlar orqali namoyon bo'ladi. Jinoyat huquqi subyektiv va obyektiv belgilarni o'zaro uzviy bog'liq holda baholashni talab etadi. Shu sababli shaxsning aybini aniqlashda uning jinoiy xatti-harakatga nisbatan ruhiy munosabati, maqsadi va motivlari ham inobatga olinadi.

REFERENCES

1. Chernova, N. A. (2016). *Emotsii v strukture sub'yektivnoy storony prestupleniya* [Emotions in the structure of the subjective side of a crime]. *Sovremennyy yurist [Modern Lawyer]*, 2, 108–119.
2. Gegel, F. (1990). *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. USSR Academy of Sciences, Institute of Philosophy (p. 161). Moscow: Mysl Publ.
3. Golubev, N. A. (2013). K voprosu o vine v ugovnom prave [On the issue of guilt in criminal law]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii [Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 21. <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vine-v-ugolovnom-prave>
4. Golovnenkov, P. V. (2021). *Ugolovnyy kodeks Federativnoy Respubliki Germanii. Nauchno-prakticheskiy kommentariy i perevod teksta zakona* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany. A scientific and practical commentary and translation of the text of the law]. University of Potsdam Press, Germany. https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/ls-hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuaufgabe_der_kommentierten_StGB-Übersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf
5. Hakimov, K. (2022, August). Affekt holatida sodir etilgan jinoyatlarning kriminologik tavsifi va jinoyatchi shaxsini tushunish muammolari [Criminological description of crimes committed in a state of affect and problems of understanding the identity of the criminal]. *Obshchestvo i innovatsii [Society and Innovation]*, 3 (3), 31–42. https://www.researchgate.net/publication/362419169_Affekt_olatida_sodir_etilgan_zinoatlarning_kriminologik_tavsifi_va_zinoatci_sahsini_tusunis_muammolari
6. Kudryavtsev, N. I., Malinin, V. N., Pavlov, V. B., Korzhanskiy V. G., et al. (2005). *Entsiklopediya ugovnogo prava: Sostav prestupleniya* [Encyclopedia of Criminal Law: Elements of a Crime] (4, 796). St. Petersburg: Professor Malinin Publ.
7. Korzhanskiy, N. I., Kudryavtsev, V. N., Malinin, V. B., Pavlov, V. G. et al. (2005). *Entsiklopediya ugovnogo prava: Elementy prestupleniya* [Encyclopedia of Criminal Law: Elements of Crime] (4, 796). St. Petersburg Professor Malinin Publ.
8. Rarog, A. I. (1987). *Vina v sovetskom ugovnom prave* [Guilt in Soviet criminal law] (186). Saratov: Saratov University Publ.
9. Rarog, A. I. (2008). *Spravochnik sud'i po klassifikatsii prestupleniy* [Judge's Handbook of Crime Classification] (227). Moscow: TK Welby; Prospect Publ.
10. Toshpulatov A.I. (2023) *Jinoyat huquqi prinsiplari: nazariya va amaliyot* [Principles of Criminal Law: Theory and Practice]. [Doctor of Law Dissertation, Tashkent State University of Law] (147).
11. Ugolovnyy kodeks Federativnoy Respubliki Germanii (2023, May). [Criminal Code of the Federal Republic of Germany]. <https://constitutions.ru/?p=24969>
12. Voroshilin, E. V. & Kriger, G. A. (1978). *Sub'yektivnaya storona prestupleniya* [The subjective side of the crime] (76, 11). Moscow: Moscow University Publ.
13. Veklenko, S. V. (2003). *Vinovnoe vmenenie v ugovnom prave* [Guilty imputation in criminal law]. [Doctoral Dissertation] (354). Omsk.
14. Zhalinskiy, A. & Rorikht, A. (2001). *Vvedenie v nemetskoe pravo* [Introduction to German law] (594). Moscow.
15. Zotova, A. A. (2021). Znachenie motiva i tseli v otsenke sub'yektivnoy storony prestupleniya v sovremennom ugovnom prave [The importance of motive and purpose in assessing the subjective side of a crime in modern criminal law]. *Novizna. Eksperiment. Traditsii [Novelty. Experiment. Traditions]*, 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-motiva-i-tseli-v-otsenke-subektivnoy-storony-prestupleniya-v-sovremennom-ugolovnom-prave/>

Kelib tushgan / Получено / Received: 11.09.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 16.10.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 27.10.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.5./HDIX7397

UDC: 343(045)(575.1)

ЭКСТРАДИЦИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КАЗАХСТАНА, КЫРГЫЗСТАНА И ТАДЖИКИСТАНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Султонова Лобар Мамарайим кизи,

самостоятельный соискатель

Ташкентского государственного юридического университета,
ведущий менеджер группы юридических услуг

АКБ «Узпромстройбанк»

ORCID: 0000-0002-2877-1275

e-mail: sultanovalobar2298@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена комплексному сравнительно-правовому исследованию института экстрадиции в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан. Экстрадиция рассматривается как ключевой правовой механизм международного сотрудничества государств в сфере уголовного судопроизводства, обеспечивающий привлечение к ответственности лиц, скрывающихся от правосудия за пределами национальной юрисдикции. В работе проведён анализ нормативно-правовых источников, регулирующих процедуру выдачи, включая основания и порядок направления запроса, условия отказа в экстрадиции, особенности временного ареста, а также гарантии прав лица, в отношении которого инициирован экстрадиционный процесс. Сопоставлены положения уголовно-процессуальных кодексов указанных государств, выявлены сходства и отличительные черты в подходах к регулированию данного института. Отдельное внимание уделено роли международных договоров, принципу взаимности и специфике правоприменительной практики. Установлено, что в законодательстве Казахстана наблюдается более детализированное регулирование процедур экстрадиции, тогда как нормы Кыргызстана и Таджикистана в большей степени ориентированы на международные обязательства и дипломатические механизмы взаимодействия. Подчёркнута необходимость дальнейшей гармонизации национального законодательства с учётом современных международных стандартов в сфере прав человека. В статье предлагаются направления совершенствования процессуальных гарантий, направленных на обеспечение баланса между эффективностью правового сотрудничества и защитой фундаментальных прав лиц, подлежащих выдаче. Исследование опирается на сравнительно-правовой и системный методы, с привлечением нормативных актов, международных соглашений и аналитических материалов. Полученные результаты могут быть использованы при подготовке межгосударственных соглашений, разработке законодательных инициатив, а также в правоприменительной практике. Статья адресована специалистам в области уголовного процесса, международного права и прав человека.

Ключевые слова: экстрадиция, уголовный процесс, международное сотрудничество, сравнительно-правовой анализ, правовые гарантии, отказ в выдаче, уголовно-процессуальное законодательство, права человека

QOZOG'ISTON, QIRG'IZISTON VA TOJIKISTON JINOYAT-PROTSESSUAL QONUNCHILIGIDA EKSTRADITSIYA: QIYOSIY TAHLIL

Sultonova Lobar Mamarayim qizi,

Toshkent davlat yuridik universiteti mustaqil izlanuvchisi,
“O‘zsanoatqurilishbank” ATB Yuridik xizmat guruhi yetakchi menejeri

Annotatsiya. Mazkur maqola Qozog‘iston Respublikasi, Qirg‘iz Respublikasi va Tojikiston Respublikasining jinoyat-protsessual qonunchiligida ekstraditsiya institutining qiyosiy-huquqiy tahliliga bag‘ishlangan. Ekstraditsiya jinoyat odil sudlovining xalqaro hamkorligidagi asosiy huquqiy mexanizm sifatida ko‘rib chiqiladi; u adolatdan yashirinayotgan shaxslarni milliy yurisdiksiyadan tashqarida javobgarlikka tortishni ta‘minlaydi. Tadqiqot doirasida ekstraditsiya tartibini tartibga soluvchi normalar tahlil qilindi, xususan: so‘rov yuborish tartibi va asosi, ekstraditsiyadan bosh tortish holatlari, vaqtincha hibsga olish tartibi hamda shaxs huquqlarining kafolatlari. Uch mamlakatning jinoyat-protsessual kodekslari taqqoslandi, ularning umumiyliklari va farqli jihatlari aniqlab berildi. Xalqaro shartnomalar roli, o‘zaro o‘xshashlik prinsipi va amaliy qo‘llash xususiyatlariga alohida e‘tibor qaratilgan. Aniqlanishicha, Qozog‘iston qonunchiligida ekstraditsiya jarayonlari ancha batafsil tartibga solingan bo‘lsa, Qirg‘iziston va Tojikiston qonunchiligida bu jarayonlar ko‘proq xalqaro majburiyatlar va diplomatik mexanizmlarga asoslangan. Shuningdek, xalqaro inson huquqlari standartlari asosida milliy qonunchilikni uyg‘unlashtirish zarurligi ko‘rsatib o‘tilgan. Maqolada huquqiy hamkorlik samaradorligi va ekstraditsiya qilinayotgan shaxslarning asosiy huquqlarini himoya qilish o‘rtasidagi muvozanatni ta‘minlashga yo‘naltirilgan protsessual kafolatlarni takomillashtirish bo‘yicha takliflar berilgan. Tadqiqot qiyosiy-huquqiy va tizimli tahlil metodlariga tayangan holda olib borilgan, unda milliy qonun hujjatlari, xalqaro bitimlar va tahliliy manbalar foydalanilgan. Mazkur maqola jinoyat protsessi, xalqaro huquq va inson huquqlari sohasidagi mutaxassislar uchun mo‘ljallangan.

Kalit so‘zlar: ekstraditsiya, jinoyat-protsess, xalqaro hamkorlik, qiyosiy-huquqiy tahlil, huquqiy kafolatlari, ekstraditsiyadan bosh tortish, jinoyat-protsessual qonunchilik, inson huquqlari

EXTRADITION IN THE CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION OF KAZAKHSTAN, KYRGYZSTAN, AND TAJIKISTAN: COMPARATIVE ANALYSIS

Sultonova Lobar Mamarayim kizi,

Independent researcher at Tashkent State University of Law,
Leading manager of the Legal services group
JSCB “Uzsanoatqurilishbank”

Abstract. This article is devoted to a comprehensive comparative legal study of the institution of extradition in the criminal procedure legislation of the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, and the Republic of Tajikistan. Extradition is considered a key legal mechanism for international cooperation between states in criminal proceedings, ensuring the prosecution of individuals fleeing justice outside national jurisdictions. The study analyzes the regulatory sources governing the extradition procedure, including the grounds and procedure for sending a request, the conditions for refusing extradition, the specifics of temporary detention, and the guarantees of the rights of the person against whom the extradition process has been initiated. The provisions of the criminal procedure codes of the indicated states were compared, and similarities and differences in the approaches to regulating this institution were identified. Special attention was paid to the role of international treaties, the principle of reciprocity, and the specifics of law enforcement practice. It was established that in the legislation of Kazakhstan, more detailed regulation of extradition procedures is observed, while the norms of Kyrgyzstan and Tajikistan are more oriented towards international obligations and diplomatic mechanisms of interaction. The need to further harmonize

national legislation with modern international standards in the field of human rights was emphasized. The article proposes directions for improving procedural guarantees aimed at ensuring a balance between the effectiveness of legal cooperation and the protection of fundamental rights of persons subject to extradition. The research is based on comparative legal and systemic methods, utilizing regulatory documents, international agreements, and analytical materials. The results can be used in the preparation of interstate agreements, the development of legislative initiatives, as well as in law enforcement practice. The article is addressed to specialists in the field of criminal procedure, international law, and human rights.

Keywords: extradition, criminal procedure, international cooperation, comparative legal analysis, legal safeguards, refusal of extradition, criminal procedure legislation, human rights

Введение

Экстрадиция представляет собой предусмотренную нормами международного права и внутригосударственного законодательства юридическую процедуру, в рамках которой одно государство по официальному запросу другого государства осуществляет передачу лица, подозреваемого, обвиняемого либо уже осуждённого за совершение уголовно наказуемого деяния, с целью привлечения его к уголовной ответственности или исполнения назначенного ему наказания. В контексте глобализации и интенсификации международно-правового взаимодействия экстрадиция приобретает значение одного из ключевых механизмов межгосударственного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, направленного на обеспечение эффективности противодействия преступности, в особенности – её транснациональным проявлениям.

Институт экстрадиции занимает важное место в механизме реализации правосудия, поскольку обеспечивает возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, скрывшихся за пределами юрисдикции запрашивающего государства, что предполагает наличие и функционирование устойчивого международного правового сотрудничества между государствами.

Механизмы экстрадиции выполняют превентивную функцию в части недопущения безнаказанности лиц, совершив-

ших уголовно наказуемые деяния, способствуют реализации международно-правовых обязательств государств и обеспечивают соблюдение фундаментальных прав и свобод личности при осуществлении процедуры выдачи.

В странах Центральной Азии – Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане – институт экстрадиции формируется в контексте перехода от советской правовой системы к национальным моделям, учитывающим международные стандарты. В настоящее время все три государства имеют уголовно-процессуальные кодексы, регулирующие порядок и основания экстрадиции, при этом каждый законодатель закрепляет собственные особенности процедуры, права экстрадируемых лиц и гарантии защиты.

В Республике Казахстан вопросы экстрадиции регулируются главным образом Уголовно-процессуальным кодексом (далее – УПК) Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК. В частности, глава 58 УПК Республики Казахстан посвящена международному сотрудничеству в уголовном судопроизводстве, включая статьи 557–611, регулирующие процедуру выдачи, условия удовлетворения запроса, основания для отказа, а также гарантии недопустимости выдачи в случае угрозы нарушения прав человека или политического характера преследования. Законодательство Казахстана строго придерживается принципа взаимности и

международных обязательств, включая положения Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (Palermo, 2000). Особое внимание уделяется запрету экстрадиции собственных граждан, за исключением случаев, предусмотренных международными договорами. Это нашло своё закрепление в статье 11 Конституции Республики Казахстан, где указано, что гражданин Республики Казахстан не может быть выдан иностранному государству, если иное не установлено международными договорами республики.

В Кыргызской Республике правовая база экстрадиции представлена Уголовно-процессуальным кодексом, в котором глава 59 полностью посвящена международному сотрудничеству, включая нормы, регулирующие запросы о выдаче и порядок их исполнения. Законодательство страны построено на принципах международного права и обязательств по многосторонним и двусторонним договорам. Стоит отметить, что Кыргызская Республика активно работает над интеграцией норм международного права в национальное законодательство и повышением прозрачности процедуры экстрадиции. Согласно пункту 2 статьи 509 УПК Кыргызской Республики (2021), при отсутствии международных договоров правовая помощь или иная помощь может быть оказана на основании запроса иностранного государства или запрошена центральным органом Кыргызской Республики на принципе взаимности.

Республика Таджикистан регулирует процедуру экстрадиции на основании Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (2009), где соответствующие положения содержатся в статьях 498–525. Данным кодексом закреплён порядок подачи и рассмотрения запросов на экстрадицию, основания для отказа, а также гарантии соблюдения

прав личности. В ряде аналитических материалов подчёркивается необходимость совершенствования законодательства Таджикистана в части уточнения процедур и усиления судебного контроля. При этом страна активно участвует в международных договорах, включая Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности и региональные соглашения о сотрудничестве в правоохранительной сфере.

Методы и методология исследования. Данное исследование основано на комплексном применении общенаучных, специальных юридических и международно-правовых методов, что позволило всесторонне изучить институт экстрадиции в уголовно-процессуальном законодательстве Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана.

Основной целью было выявление сходств и различий в правовом регулировании экстрадиции, а также оценка их соответствия международным стандартам. Для этого использовалась следующая методология:

общенаучные методы: анализ и синтез для систематизации нормативных положений; индукция и дедукция для выявления общих закономерностей; историко-правовой метод для изучения эволюции законодательства в постсоветском контексте;

специально-юридические методы: сравнительно-правовой метод для сопоставления норм национального и международного права; формально-юридический метод для детального анализа структуры и содержания нормативных актов; юридическое толкование для уточнения смысла норм и их применения; правовое моделирование для разработки рекомендаций по совершенствованию законодательства;

международно-правовой и эмпирический подходы: анализ международных до-

говоров и практики международных органов, а также изучение судебных решений и статистических данных по экстрадиции в исследуемых странах.

Применение этих методов обеспечило глубокий и объективный анализ института экстрадиции, выявление правовых пробелов и коллизий, а также формирование предложений по гармонизации национального законодательства с учётом международных обязательств и региональных особенностей.

Основная часть

Сравнительный анализ норм показывает, что, несмотря на общее направление к соблюдению международных стандартов и обеспечению прав лица, подлежащего экстрадиции, в каждом государстве действуют собственные подходы к таким вопросам, как: перечень оснований для отказа в выдаче; допустимость выдачи граждан своей страны; объём судебного контроля и процедурных гарантий; роль и компетенция Генеральной прокуратуры и суда; сроки исполнения запроса о выдаче.

В научной литературе подчёркивается, что институт экстрадиции в указанных странах всё ещё находится на стадии развития и требует унификации в целях повышения правовой определённости, взаимного признания решений и эффективности сотрудничества.

Необходимо подчеркнуть, что Brounli (1977), рассматривая вопросы экстрадиции, совершенно справедливо указал, что выдача правомерна только в том случае, если при данных фактических обстоятельствах она не представляет собой соучастия в нарушении прав человека или в преступлениях против международного права.

Институт выдачи представляет собой сочетание суверенных прав государства с правами человека. Решение вопроса о выдаче – суверенное право государства, но осуществляется оно в соответствии с

нормами международного и внутреннего права, включая и те, которые относятся к правам человека (1996 г.).

Несмотря на общую направленность на адаптацию правовых систем региона к международным стандартам, институт экстрадиции в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане сохраняет свои специфические черты, связанные с национальными правовыми традициями, институциональными ресурсами и приоритетами в международно-правовой сфере. В связи с этим возникает необходимость проведения сравнительного правового анализа, выявления эффективных практик и разработки рекомендаций по гармонизации правовых механизмов экстрадиции.

Международное сотрудничество в сфере экстрадиции в регионе базируется на ряде ключевых международных документов, среди которых Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (Палермо, 2000 г.), Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), а также двусторонние соглашения между странами Центральной Азии. Принцип взаимности является фундаментальным для реализации процедуры экстрадиции – страны предоставляют друг другу правовую помощь в рамках национальных правовых систем и международных обязательств.

Соблюдение прав человека в сфере экстрадиции, следование тем стандартам, которые гарантируются в международных договорах о защите прав и фундаментальных свобод, – важнейшая и наиболее дискутируемая проблема всего процесса экстрадиции (van Den Wyngaert, 1990).

С научной точки зрения экстрадиция представляет собой сложный правовой институт, который объединяет нормы уголовного процесса и международного права, а также предусматривает соблюдение прав человека. Кроме того, эксперты выделяют важность практических аспек-

тов применения института экстрадиции, включая административные процедуры, судебную практику, квалификацию сотрудников правоохранительных органов и особенности взаимодействия между судебной и исполнительной ветвями власти.

Исходя из этого, изучение института экстрадиции в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане приобретает особую значимость в условиях возрастания потребности в международном сотрудничестве по борьбе с преступностью и защите прав человека. Проведение анализа действующего законодательства, выявление как общих, так и специфических особенностей позволит разработать рекомендации по гармонизации правовых норм, совершенствованию процедур и укреплению гарантий прав для лиц, подлежащих экстрадиции.

Страны Центральной Азии, включая Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, имеют схожую правовую основу в области экстрадиции, унаследованную от советской системы. Однако с течением времени каждое государство развило собственную нормативную базу и заключило международные соглашения, отражающие особенности их правовой политики.

Общие черты государств региона:

- 1) все три страны не допускают выдачи собственных граждан;
- 2) правовое регулирование основано на сочетании норм международных договоров и уголовно-процессуального законодательства;
- 3) экстрадиция осуществляется в судебном порядке;
- 4) предусмотрена защита от политически мотивированной выдачи, а также от угрозы пыток или жестокого обращения.

Отличительные особенности:

- 1) Казахстан характеризуется наиболее развитой судебной практикой защиты лиц при экстрадиции и активным

сотрудничеством с международными институтами;

- 2) в Таджикистане нормативная база экстрадиции менее детализирована, судебная практика ограничена;

- 3) в Кыргызстане предусмотрены более гибкие формы выдачи, включая временную экстрадицию.

Из этого следует, что, хотя правовые системы стран Центральной Азии во многом схожи, различия в уровне правовой детализации, развитости судебной практики и степени взаимодействия с международными механизмами указывают на необходимость унификации и усиления правовых гарантий в сфере экстрадиции. Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, так же как и Узбекистан, обладают общими историко-правовыми основами и развивают институт экстрадиции в русле постсоветской правовой традиции.

Общие черты в регулировании процедуры экстрадиции

1. Правовая база и международные обязательства. Все три государства являются участниками СНГ и ратифицировали Минскую конвенцию о правовой помощи (22 декабря 1993 г.) и Кишинёвскую конвенцию о правовой помощи (7 октября 2002 г.). Кроме того, они заключили ряд двусторонних соглашений с другими странами, включая Узбекистан, Россию, Китай и др.

2. Общие элементы правового регулирования:

экстрадиция регулируется специальными главами уголовно-процессуальных кодексов (например, гл. 58 УПК Казахстана, гл. 59 УПК Кыргызстана, гл. 51 УПК Таджикистана);

основания для отказа в экстрадиции включают наличие гражданства, политический характер преступления, угрозу пыток или дискриминации, а также принцип *ne bis in idem* (недопустимость повторного

привлечения к ответственности за одно и то же деяние);

во всех странах предусмотрен судебный контроль за процедурами экстрадиции, в частности при решении вопросов о задержании и содержании лица под стражей.

Сравнительный анализ национального уголовно-процессуального законодательства Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана в части экстрадиции выявил следующие ключевые аспекты.

1. Нормативное регулирование процедуры экстрадиции

Казахстан. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (гл. 58, ст. 557–611) детализирует все этапы экстрадиции – от направления запроса до фактической передачи лица. Согласно статье 579, запрос о выдаче допускается лишь в отношении преступлений, наказуемых лишением свободы сроком не менее одного года, либо в отношении лиц, осуждённых к лишению свободы и не отбывших не менее шести месяцев наказания.

Арест и временная выдача регулируются статьями 589 и 593, а статья 594 устанавливает, что передача лица должна быть осуществлена в течение 30 дней после вступления решения в законную силу с обязательным уведомлением Генеральной прокуратуры Республики Казахстан.

В юридической доктрине подчёркивается существенный пробел: институт экстрадиции остаётся на пересечении национального и международного права, что требует унификации подходов посредством национального законодательства и международных договоров.

Кыргызстан. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики (гл. 59–61) определяет общие условия экстрадиции, предусматривая участие прокуратуры и судебный контроль. По мнению Batyrbaev & Matkerimova (2024), международное сотрудничество, включая

институт экстрадиции, выступает одной из фундаментальных основ уголовного судопроизводства в Кыргызской Республике.

Таджикистан. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан (ст. 498–525) устанавливает базовые условия экстрадиции, однако нормативное регулирование носит менее детализированный характер и не содержит чётких гарантий прав экстрадируемых лиц. В научной и практической плоскости отмечаются проблемы недостаточной прозрачности процедур и ограниченной межведомственной координации.

2. Международные обязательства и правовые гарантии

Экстрадиция остаётся одним из ключевых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства (Grigorev, 2018).

Республика Казахстан является наиболее активным участником международных соглашений в данной области. Основу международно-правовой базы составляют Конвенции СНГ «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (Минск, 1993 г.; Кишинёв, 2002 г.), а также Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (Палермо, 2000 г.). Кроме того, Казахстан участвует в ряде универсальных договоров, включая: Конвенцию ООН против коррупции (Нью-Йорк, 2003 г.); Конвенцию ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 1988 г.); Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Нью-Йорк, 1984 г.).

3. Участие учёных-правоведов

Согласно определению Galenskaya (1979), «выдача преступников – это акт правовой помощи, осуществляемый в соответствии с положениями специальных

договоров и норм национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства, заключающийся в передаче преступника другому государству для суда над ним или для приведения в исполнение вынесенного приговора». В данном определении не указано, что экстрадиция возможна исключительно при наличии требования о выдаче. Схожие подходы к пониманию экстрадиции прослеживаются в трудах В.К. Звирбуля, В.П. Шупилова, Э. Сименона, Л. Оппенгейма, М.Д. Шаргородского и других исследователей.

Valeev (1976) в монографии «Выдача преступников в современном международном праве», а также ряд других правоведов подчёркивают, что практика заключения двусторонних договоров компенсирует пробелы, вызванные отсутствием специальных национальных законов об экстрадиции, и способствует унификации подходов в международно-правовом регулировании.

Особый вклад в развитие научной дискуссии внесли Dugard & van den Wyngaert (1998), которые в статье «Согласование экстрадиции с правами человека» отмечают, что права человека составляют неотъемлемую часть современного международного права, а институт экстрадиции не может быть изолирован от их воздействия. По мнению авторов, правительства и судебные органы всё чаще действуют в соответствии с этой реальностью: новые экстрадиционные договоры и дополнительные протоколы к существующим соглашениям учитывают фактор прав человека и выстраивают баланс между интересами правоприменения и защитой прав экстрадируемых лиц.

Проведённый сравнительно-правовой анализ позволяет сделать следующие обоснованные выводы:

Казахстан обладает наиболее развитой нормативной базой и высокой степенью международной активности, однако тре-

бует принятия специального закона об экстрадиции и уточнения процедур правовой защиты экстрадируемых лиц;

Кыргызстан демонстрирует прогресс, особенно в части судебного контроля и процессуальных гарантий, но нуждается в дальнейшей формализации процедур и укреплении механизмов защиты прав человека;

Таджикистан сталкивается с необходимостью формирования более детализированного и прозрачного законодательства об экстрадиции, а также активизации участия в международных договорах и надзорных механизмах.

Проведённое исследование позволяет констатировать, что институт экстрадиции в уголовно-процессуальных системах Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана развивается в рамках постепенной имплементации международно-правовых норм. Несмотря на общие корни в советской правовой традиции, в каждой из этих стран формируются самостоятельные модели регулирования процедуры выдачи лиц, различающиеся по уровню законодательной детализации и степени обеспеченности процедурных гарантий.

1. Наличие формальных основ и их правовая структура

Национальные уголовно-процессуальные кодексы трёх государств формально закрепляют институт экстрадиции как самостоятельную форму международного сотрудничества в уголовных делах. Однако их содержание и правоприменение демонстрируют различную степень нормативной системности.

Казахстан. Соответствующие нормы системно изложены в главе 60 УПК, где чётко определены стадии процесса, компетенция органов, основания для отказа и гарантии защиты. Прослеживается устойчивая тенденция к гармонизации национального законодательства с меж-

дународными договорами, прежде всего в рамках ООН и СНГ.

Кыргызстан. Несмотря на наличие нормативной базы (гл. 60 УПК), процедура экстрадиции менее формализована. Генеральная прокуратура наделена широкими дискреционными полномочиями, а судебный контроль, хотя и предусмотрен законом, не имеет устойчивой практики применения.

Таджикистан. Нормы об экстрадиции носят рамочный характер, что осложняет их реализацию на практике. Отсутствие подзаконных актов, регулирующих технические и организационные аспекты процедуры, порождает правовую неопределённость и ограничивает гарантии лиц, подлежащих выдаче.

Таким образом, Казахстан демонстрирует более высокий уровень институционализации экстрадиционного механизма, тогда как Кыргызстан и Таджикистан сталкиваются с проблемой недостаточной детализации и несогласованности правоприменительных процедур.

2. Судебный и прокурорский контроль

Надлежащий контроль за процедурой экстрадиции является ключевым механизмом предотвращения нарушений прав человека и обеспечения справедливого рассмотрения дел.

Казахстан. Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает судебное обжалование решений Генеральной прокуратуры (ст. 591 УПК РК), что соответствует требованиям Международного пакта о гражданских и политических правах. Судебная практика показывает, что казахстанские суды проверяют соблюдение процессуальных требований, наличие гарантий прав личности и соответствие экстрадиционных процедур международным обязательствам государства.

Кыргызстан и Таджикистан. Судебный контроль носит фрагментарный харак-

тер и во многом зависит от усмотрения должностных лиц, что создаёт риск произвольного вмешательства и подрывает принцип правовой определённости.

В открытых источниках информация о судебной практике Кыргызстана в сфере экстрадиции крайне ограничена, что не позволяет судить о степени её соответствия международным стандартам. В Таджикистане по данным на 23 ноября 2012 года законодательство не содержит прямого запрета на экстрадицию в случаях, когда существует реальная угроза применения пыток или бесчеловечного обращения, а также не предусматривает чётких процедур судебного обжалования решений о выдаче.

3. Гарантии прав человека

Экстрадиция не должна применяться в ущерб основным правам и свободам личности. На практике ключевыми механизмами правовой защиты экстрадируемых лиц являются:

отказ в выдаче в случае наличия реального риска применения пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, а также при угрозе нарушения права на справедливое судебное разбирательство;

обязательное информирование лица о сути запроса на экстрадицию, основаниях его задержания и принадлежащих ему правах;

предоставление возможности обжалования решения о выдаче в судебном порядке.

Казахстан и Кыргызстан, являясь участниками международных соглашений, обязались учитывать запреты, установленные Конвенцией ООН против пыток и другими международными актами, закрепляющими гарантии защиты прав человека. Соблюдение этих норм выступает основополагающим условием при осуществлении экстрадиции. Нарушение данного принципа может повлечь меж-

дународно-правовую ответственность государства, осуществляющего выдачу, в соответствии с нормами международного права о защите прав человека.

4. Международно-правовое взаимодействие

Как отмечает Mikhaylenko (2003), с древнейших времён и до настоящего времени экстрадиция во многом зависит от характера межгосударственных отношений и особенностей её правового регулирования. Так, все три рассматриваемые страны – Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан – являются участниками Минской (1993 г.) и Кишинёвской (2002 г.) конвенций СНГ о правовой помощи, что формирует общую региональную нормативную основу для экстрадиции. Однако степень участия в международных механизмах и степень имплементации международных стандартов различаются.

Казахстан демонстрирует наиболее активное международно-правовое взаимодействие, являясь участником не только региональных, но и глобальных инструментов, включая: Европейскую конвенцию о выдаче преступников (13 декабря 1957 г.); Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (Палермо, 2000 г.); двусторонние соглашения о выдаче с Турцией, Китаем, Узбекистаном, ОАЭ и другими государствами.

Кыргызстан и Таджикистан преимущественно опираются на соглашения, заключённые в рамках СНГ и ШОС, что ограничивает универсальность их экстрадиционных механизмов и снижает уровень международной интеграции.

Практика взаимодействия с Интерполом также остаётся недостаточно системной, особенно в Таджикистане, где отсутствует чёткое нормативное закрепление обязанностей компетентных органов по обеспечению международного розыска и сотрудничеству с Националь-

ным центральным бюро Интерпола (Muborakkadamov, 2008).

Экстрадиция представляет собой сложный и многоаспектный процесс, зависящий от совокупности юридических и фактических обстоятельств, характерных для каждого конкретного случая. Как справедливо отмечает Kolosovich (2024), данный институт носит правоограничительный характер и требует от правоприменителя взвешенного подхода при оценке всех факторов, включая: гражданство лица; квалификацию деяния, в связи с которым направлен запрос; наличие и содержание международного договора с запрашивающим государством; гарантии прав и законных интересов лица, подлежащего выдаче.

Таким образом, решение об экстрадиции в каждом конкретном случае должно приниматься с учётом всей совокупности релевантных обстоятельств и норм права – как национального, так и международного – обеспечивая баланс между интересами правосудия и защитой прав личности.

Заключение

Резюмируя проведённое исследование, следует отметить, что в странах Центральной Азии – Республике Казахстан, Кыргызской Республике и Республике Таджикистан – институт экстрадиции регулируется национальными уголовно-процессуальными кодексами, разработанными в постсоветский период. Эти кодексы ориентированы на принципы международного права и учитывают обязательства, вытекающие из участия в многосторонних соглашениях, включая документы ООН, СНГ и ШОС.

Развитие института экстрадиции в указанных государствах происходило в условиях трансформации правовых систем, ранее основанных на советской модели, в направлении построения независимых и суверенных уголовно-процессуальных по-

рядков, соответствующих универсальным принципам прав человека, законности, гуманизма и международного сотрудничества в борьбе с преступностью.

Экстрадиция, являясь важнейшим институтом уголовного процесса и международного права, выполняет ключевую функцию – обеспечение неотвратимости ответственности и осуществление правосудия в отношении лиц, уклоняющихся от наказания, независимо от государственных границ. Проведённый сравнительно-правовой анализ законодательства Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана показал, что, несмотря на общее историческое происхождение, государства региона демонстрируют различные траектории развития экстрадиционного регулирования.

Во всех трёх странах экстрадиция признана самостоятельной формой международного сотрудничества в уголовных делах. Однако уровень нормативной детализации, объём процессуальных гарантий и механизмы судебного и прокурорского контроля существенно различаются. Казахстан располагает наиболее системно оформленной правовой базой (гл. 58 УПК), в которой чётко определены компетенция органов, этапы и условия экстрадиции, а также предусмотрены гарантии защиты прав экстрадируемых лиц. Вместе с тем отсутствие отдельного закона «О международной правовой помощи в уголовных делах» порождает правовые лакуны, особенно при применении универсальных международных норм и рассмотрении нетипичных межгосударственных запросов.

В Кыргызстане и Таджикистане институт экстрадиции до сих пор не получил комплексного развития. В УПК обеих стран отсутствует детальная регламентация процедурных этапов, судебный контроль носит преимущественно декларативный характер, а международно-договорная база ограничивается рамками СНГ

и ШОС. Это повышает риск произвольного правоприменения и нарушений прав лиц, подлежащих выдаче.

Для всех трёх стран характерна фрагментарность правового регулирования: нормы об экстрадиции сосредоточены в УПК и не охватывают смежные институты – международную правовую помощь, дипломатические гарантии, принципы невыдачи при угрозе нарушения прав человека. Подобная модель не отвечает современным международным стандартам, закреплённым, в частности, в Международном пакте о гражданских и политических правах, Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения, а также Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности.

Выявленные ключевые проблемы:

отсутствие чётких процедур получения и оценки дипломатических гарантий от запрашивающего государства;

ограниченность института временной экстрадиции и экстрадиционного ареста (особенно в Кыргызстане и Таджикистане);

недостаточная подготовка практикующих юристов и сотрудников правоохранительных органов в вопросах применения международных соглашений;

слабая и несистемная судебная практика, препятствующая формированию устойчивой национальной доктрины экстрадиционного права.

Рекомендации:

принять специальный закон о международной правовой помощи в уголовных делах, включающий детальное регулирование процедур экстрадиции, экстрадиционного ареста, временной и условной выдачи;

усилить судебный контроль за решениями органов прокуратуры, обеспечив обязательное судебное рассмотрение

каждого запроса о выдаче и возможность апелляционного обжалования;

расширить международно-правовую базу путём ратификации универсальных договоров, включая Европейскую конвенцию о выдаче 1957 года, а также заключения двусторонних соглашений с государствами, с которыми существует активное трансграничное взаимодействие;

ввести механизмы оценки правовых рисков и обязательный анализ возможного нарушения прав человека при экстрадиции (*non-refoulement*);

повысить квалификацию сотрудников прокуратуры, судей и адвокатов в области международного уголовного сотрудничества;

создать межведомственные рабочие группы для унификации и модернизации законодательства об экстрадиции на региональном уровне, в том числе в рамках СНГ, ЕАЭС и ШОС.

Таким образом, несмотря на достигнутые результаты, уголовно-процессуальное законодательство Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана нуждается в дальнейшей модернизации и адаптации к международным стандартам. Только системный, правовой и институциональный подход позволит обеспечить справедливость, защиту прав личности и укрепить доверие к механизмам международного уголовного сотрудничества в Центральной Азии.

REFERENCES

1. Batyrbaev B. S., & Matkerimova Zh. M., (2024). Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo Kyrgyzstana v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva [International cooperation of Kyrgyzstan in the field of criminal proceedings]. *Zhurnal otechestvennoy yurisprudentsii* [Journal of Domestic Jurisprudence], 4(57), 16–21.
2. Brounli, Y. (1977). *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law] (vol. 1. p. 535. Moscow: Progress Publ.
3. Council of Europe. (1950). Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Rome, 4.HI.
4. Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters. (1993 December 22). Minsk.
5. Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters. (2002 October 7). Kishinev.
6. Dugard, J., & van den Wyngaert C. (1998, April). Reconciling Extradition With Human Rights. *The American Journal of International Law*, 92(2), 187–212. <http://www.jstor.org/stable/2998029>
7. Council of Europe. (1957, December 13). European Convention on Extradition. Paris. <https://rm.coe.int/16800645eb>
8. Final decisions on the second periodic report of Tajikistan, adopted by the Committee at its forty-ninth session. (2012, 29 October – 23 November). https://hrlibrary.umn.edu/russian/cat/Rtajikistan_2013.html
9. Grigorev, V. N. (2018). O nekotorykh voprosakh pri ekstraditsii [On some issues during extradition]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 2, 122–129.
10. Kolosovich, O. S. (2024). Ekstraditsionnoe pravovoe regulirovanie v Rossii: vzaimosvyaz' mezhdunarodnykh i natsional'nykh polozheniy [Extradition legal regulation in Russia: the relationship between international and national provisions]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im.*

I. Kanta. Ser. *Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences.], 1, 22–30.

11. Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan Constitution of the Republic of Kazakhstan. (1995, August 30). Article 11. https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution

12. Lukasheva, E. A. (1996). *Obshchaya teoriya prav cheloveka* [General theory of human rights]. p. 520. Moscow: Norma Publ.

13. Mikhaylenko, K. Y. (2003). *Mezhdunarodnoye regulirovanie okazaniya pravovoy pomoshchi po grazhdanskim, semeynym i ugolovnym delam (na primere strany SNG)* [Interstate regulation of the provision of legal assistance in civil, family and criminal cases (using the example of a CIS country)]. [Abstract of the dissertation]. Moscow.

14. Muborakkadamov, A. N. (2008). *Organizatsiya mezhdunarodnogo rozyska organami vnutrennikh del Respubliki Tadzhikistan* [Organization of international search by the internal affairs agencies of the Republic of Tajikistan]. Moscow. https://lawtheses.com/organizatsiya-mezhdunarodnogo-rozyska-organami-vnutrennih-del-respubliki-tadzhikistan?utm_source

15. *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Respubliki Kazakhstan Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan*. (2014, July 4). No. 231-V ZRK. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>

16. United Nations Convention against Transnational Organized Crime (2000). Palermo. <https://www.unodc.org/unodc/en/organized-crime/intro/UNTOC.html>

17. *Ugol'nyy protsessual'nyy kodeks KR Coal Procedural Code of the Kyrgyz Republic*. (2021, October 28). No. 126. <https://mvd.gov.kg/rus/ministry/normative-bases/23>

18. *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Respubliki Tadzhikistan Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan*. (2009, December 3). https://continent-online.com/Document/?doc_id=30594304#pos=5;-142

19. Van Den Wyngaert, C. (1990). Applying the European Convention on Human Rights to Extradition: Opening Pandora's Box? *International Comparative Law Quarterly*, 39(4), 757–779.

20. Valeev, R. M. (1976). *Ekstraditsiya prestupnikov v sovremennom mezhdunarodnom prave (nekotorye voprosy teorii i praktiki)* [Extradition of criminals in modern international law (some issues of theory and practice)]. (p. 128). Kazan: Kazan University Publ.

21. Galenskaya, L. N. (1979). *Osnovnye napravleniya prestupnost'yu: pravovye problemy* [Main directions of cooperation problems] [Abstract of the Doctoral Dissertation]. Leningrad.

Kelib tushgan / Получено / Received: 04.09.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 07.10.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 27.10.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.5./TLPH2891

UDC: 346:341.16:339.5(045)(575.1)

JAHON SAVDO TASHKILOTI DOIRASIDA TURIZM XIZMATLARI BOZORINING HUQUQIY TARTIBGA SOLINISHI

Usmanova Surayyo Bultakovna,

Jahon iqtisodiyoti va diplomatiya universiteti professori v.b.,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD)

ORCID: 0000-0002-6624-7685

e-mail: s.b.usmanova@uwed.uz

Annotatsiya. Mazkur maqolada Jahon Savdo Tashkilotining Xizmatlar savdosi bo'yicha Bosh kelishuvi (GATS) doirasida turizm xizmatlari bozoriga kirish, ularni tartibga solish hamda huquqiy jihatlarni uyg'unlashtirish masalalari atroflicha o'rganilgan. Maqolada, avvalo, GATSning asosiy majburiyatlari – eng qulay sharoit rejimi (MFN), shaffoflik tamoyili, bozorga kirish imkoniyatlari va milliy rejimning mazmun-mohiyati ochib berilgan. Ushbu tamoyillarning turizm xizmatlari bozoriga qanday tatbiq etilishi, ularning milliy qonunchilik va ichki siyosatga ta'siri chuqur tahlil qilingan. Muallifning fikricha, turizm sohasidagi liberallashtirish jarayoni nafaqat iqtisodiy raqobatni kuchaytiradi, balki xizmatlar sifatini oshirish, innovatsion mahsulotlarni joriy etish va xalqaro standartlarga mos muhitni shakllantirishga xizmat qiladi. Shu bilan birga, maqolada liberallashtirish jarayonida iste'molchilar huquqlarini samarali himoya qilish, ekologik barqarorlikni ta'minlash va jamoat manfaatlarini kafolatlash zarurligi ta'kidlangan. Xususan, xorijiy investorlar va mahalliy tadbirkorlar uchun teng huquqli sharoit yaratish turizmning uzoq muddatli rivojlanishi uchun muhim omil sifatida ko'rsatilgan. Tadqiqot natijalari shuni ko'rsatadiki, GATS doirasidagi xalqaro qoidalarni milliy siyosat bilan uyg'unlashtirish turizm sohasining barqaror rivojlanishi, iqtisodiy o'sish va xalqaro hamkorlikni mustahkamlashga olib keladi.

Kalit so'zlar: JST, GATS, turizm xizmatlari, bozorga kirish, ichki tartibga solish, liberallashtirish, O'zbekiston

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ В РАМКАХ ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Усманова Сурайё Бултаковна,

доктор философии (PhD) по юридическим наукам, и. о. профессора
Университета мировой экономики и дипломатии

Аннотация. В данной статье всесторонне исследуются вопросы доступа на рынок туристических услуг, их регулирования и гармонизации правовых аспектов в рамках Генерального соглашения по торговле услугами Всемирной торговой организации (GATS). Прежде всего раскрывается сущность основных обязательств GATS – режима наибольшего благоприятствования (MFN), принципа транспарентности, условий доступа на рынок и национального режима. Подробно анализируется, как указанные принципы применяются в сфере туристических услуг и каким образом они влияют на национальное законодательство

и внутреннюю политику. По мнению автора, процесс либерализации в сфере туризма способствует не только усилению экономической конкуренции, но и повышению качества услуг, внедрению инновационных продуктов и формированию среды, соответствующей международным стандартам. Вместе с тем подчёркивается необходимость обеспечения эффективной защиты прав потребителей, экологической устойчивости и общественных интересов в ходе либерализации. В частности, создание равных условий для иностранных инвесторов и местных предпринимателей рассматривается как ключевой фактор долгосрочного развития туризма. Результаты исследования показывают, что гармонизация международных правил GATS с национальной политикой способствует устойчивому развитию туристической отрасли, экономическому росту и укреплению международного сотрудничества.

Ключевые слова: ВТО, GATS, туристические услуги, доступ на рынок, внутреннее регулирование, либерализация, Узбекистан

LEGAL REGULATION OF TOURISM SERVICES MARKET WITHIN THE FRAMEWORK OF THE WORLD TRADE ORGANIZATION

Usmanova Surayyo Bultakovna,

Doctor of Philosophy (PhD) in Law,

Acting Professor at the University of World Economy and Diplomacy

Abstract. This article examines in detail the issues of entering the tourism services market, their regulation, and the harmonization of legal aspects within the framework of the World Trade Organization's General Agreement on Trade in Services (GATS). The article, first of all, reveals the main obligations of the GATS – the Most-Favoured-Nation regime (MFN), the principle of transparency, market access opportunities, and the essence of the national regime. The implementation of these principles in the tourism services market and their impact on national legislation and domestic policy were thoroughly analyzed. In the author's opinion, the process of liberalization in the tourism sector not only strengthens economic competition, but also serves to improve the quality of services, introduce innovative products, and create an environment that meets international standards. At the same time, the article emphasizes the need for effective protection of consumer rights, ensuring environmental sustainability, and guaranteeing public interests in the process of liberalization. In particular, the creation of equal conditions for foreign investors and local entrepreneurs is indicated as an important factor for the long-term development of tourism. The research results show that the harmonization of international rules within the framework of the GATS with national policy leads to sustainable development of the tourism sector, economic growth, and strengthening of international cooperation.

Keywords: WTO, GATS, tourism services, market access, domestic regulation, liberalization, Uzbekistan

Kirish

So'nggi yillarda O'zbekiston Respublikasida turizm sohasining huquqiy va institutsional asoslarini takomillashtirish davlat siyosatining ustuvor yo'nalishiga aylandi. O'zbekiston Respublikasining "Turizm to'g'risida"gi Qonuni (2019), "O'zbekiston Respublikasida turizmni rivojlantirish konsepsiyasi" (2023) hamda viza va litsenziyalash jarayonlarini soddalashtirish bo'yicha islohotlar xalqaro

savdo tizimiga integratsiya jarayonining ajralmas qismidir. Mazkur islohotlar mam-lakatning Jahon Savdo Tashkilotiga (JST) a'zolik jarayoni bilan bevosita bog'liq bo'lib, xizmatlar bozori, xususan, turizm xizmatlari sohasini xalqaro standartlarga moslashtirishni talab etadi. Shu bois JSTning Xizmatlar savdosi bo'yicha Bosh kelishuvi (GATS) doirasida turizm xizmatlarini tartibga solish, ichki qonunchilikni moslashtirish va xalqaro

majburiyatlarni uyg'unlashtirish dolzarb ilmiy-amaliy masala hisoblanadi.

GATSning asosiy majburiyatlari – eng qulay sharoit rejimi (Most-Favoured-Nation – MFN), shaffoflik, bozorga kirish (Market Access) va milliy rejim (National Treatment) – turizm xizmatlari bozoriga kirishda huquqiy asos yaratadi. Shu bilan birga, GATSning VI moddasi (Ichki tartibga solish) litsenziyalash, malaka va texnik standartlar bo'yicha “asossiz to'siqlar”ni cheklaydi hamda tartiblar “zarurdan ortiq yuklama” keltirmasligi kerakligini belgilaydi. Bu tamoyillar O'zbekistonda turizm faoliyatini raqamlashtirish, soddalashtirilgan litsenziyalash va iste'molchilar huquqlarini himoya qilish tizimlarini joriy etish bilan uyg'unlashadi.

Xalqaro savdoda turizm xizmatlari, asosan, JSTning Xizmatlar savdosi bo'yicha Bosh kelishuvi (GATS) doirasida tartibga solinadi. GATSning asosiy majburiyatlari – MFN, shaffoflik, bozorga kirish va milliy rejim – turizm xizmatlari bozoriga kirishda huquqiy asos yaratadi. Turizm xizmatlarida iste'molchi xorijda (2-usul) nisbatan erkin bo'lsa-da, tijorat mavjudligi (3-usul) va jismoniy shaxslarning vaqtincha ko'chishi (4-usul) ko'pincha cheklovlarga duch keladi. Shu bois GATS doirasida turizm xizmatlarini tartibga solish mexanizmlari, ichki qonunchilik hamda xalqaro huquqiy majburiyatlarning uyg'unligi muhim ahamiyat kasb etadi.

Turizmda ko'pincha 2-usul (iste'molchi xorijda) eng ochiq, 3-usul (tijorat mavjudligi) va 4-usul (jismoniy shaxslarning vaqtincha ko'chishi) esa milliy siyosatlariga ko'ra sezilarli cheklovlarga uchrashi mumkin. GATS, shuningdek, VI modda (ichki tartibga solish) orqali litsenziyalash, malaka va texnik standartlar bo'yicha “asossiz to'siq bo'lmaslik” va “zarurdan ortiq yuklamaslik” tamoyillarini belgilaydi. Turizm subsektorlarining aniqlanishi amaliyotda JSTning W/120 sektor tasnifi va BMT CPC kodlari bilan haqiqiylashtiriladi (masalan, sayyohlik agentliklari – CPC 7471, gidlar – CPC 7472).

So'nggi yillarda GATS doirasida a'zo mamlakatlar xizmatlar bo'yicha Ichki tartibga solish intizomlarini takomillashtirish tashabbusini yakunlab, litsenziya va malaka talablari bo'yicha shaffoflik, muvofiqlik, soddalik tamoyillarini kuchaytirdi. Xalqaro sayohatga ochiqlik ham sezilarli kengaydi: 2008-yilda dunyo aholisining 77 % an'anaviy vizaga muhtoj bo'lgan bo'lsa, 2023-yilda bu ko'rsatkich 47 %gacha pasaydi, e-viza imkoniyatlari esa ortdi (UN Tourism, 2023).

Turizm xizmatlarida iste'molchi xorijda xizmatdan foydalanadigan 2-usul (Mode 2: Consumption Abroad), odatda, eng ochiq hisoblanadi. Aksincha, 3-usul (Mode 3: Commercial Presence) – xorijiy kompaniyalarning O'zbekiston hududida filial yoki vakolatxonalar ochishi va 4-usul (Mode 4: Movement of Natural Persons) – xorijiy xodimlarning vaqtinchalik ko'chib ishlashi – milliy siyosatga ko'ra ko'proq cheklovlarga uchrashi mumkin. Shu sababli ushbu rejimlarning har biri bo'yicha O'zbekiston qonunchiligi va xalqaro me'yorlar o'rtasida muvofiqlik darajasini aniqlash dolzarb masaladir.

Mavzuga oid xorijiy va milliy tadqiqotlarda turizm xizmatlarini liberallashtirish hamda ichki tartibni uyg'unlashtirish bo'yicha turli yondashuvlar mavjud. Masalan, H. Handszuh (1995) GATSning turizm sektorida “samarali bozorga kirish” mezonlarini tahlil qilgan bo'lsa, UNCTAD (2021) rivojlanayotgan mamlakatlar uchun turizm xizmatlarini erkinlashtirishning ijtimoiy oqibatlarini o'rgangan. O'zbek olimlaridan R. Azxodjayeva, U. Yakubxo'jayev va Sh. Almosova (2023) esa JST doirasida sog'liqni saqlash xizmatlarini tartibga solish, tashkilotning asimmetriyalari hamda TRIPS bitimining milliy qonunchilikka tatbiq etilishi bo'yicha amaliy tavsiyalar bergan. Shunday qilib, ushbu tadqiqotning maqsadi – GATS doirasida turizm xizmatlari bozoriga kirish va ichki tartibga solishning huquqiy mexanizmlarini tahlil qilish, O'zbekiston qonunchiligi va xalqaro standartlar o'rtasidagi

uyg'unlikni aniqlash hamda takomillashtirish bo'yicha takliflar ishlab chiqishdir.

Asosiy qism

1. GATS doirasida turizm xizmatlarini tartibga solishning nazariy-huquqiy asoslari

Ichki huquqiy tizimlar JST qonunchiligi-ning rivojlanishini rag'batlantirishdan manfa- atdor bo'lgan globallashtirish subyektlar uchun sifat jihatidan farqli dinamikani taqdim etadi. JST qonunchiligi bilan ziddiyatli munosa- batda bo'lish o'rniga, ichki savdo himoyasi qonunlari, odatda, JST majburiyatlarini aks ettiradi. Ularning sud nazorati jarayonlari JST qonunchiligiga raqobat qilmaydi, balki uni to'ldiradi (Yilmaz, 2013).

JST va boshqa huquqiy tizimlardagi hu- quqiy majburiyatlar mazmunining o'xshash- ligi globallashtirish subyektlarga ichki (yoki mintaqaviy) huquqiy tizimlar doirasida JST majburiyatlari bo'yicha bahs-munozaralarni rag'batlantirish imkonini beradi. Misol uchun, chet ellik ishlab chiqaruvchi tovarlarni qiymatidan past narxda eksport qilayotgani tufayli o'ziga zarar yetkazilayotganini his qilayotgan mahalliy ishlab chiqaruvchini olaylik. Mahalliy ishlab chiqaruvchi dem- ping sodir bo'layotgani yoki yo'qligi va chet el importiga qarshi demping bojlari joriy qilinishi kerakmi yoki yo'qligini tekshirish uchun tergov o'tkazishni so'rab murojaat qi- ladi General Agreement on Tariffs and Trade (1994). Ushbu tekshiruv ishtirokchi a'zoning boshqaruv tuzilmalaridan ichki ma'muriy or- ganlar orqali JST yoki shunga o'xshash ichki huquq yoki majburiyatlarning buzilganligini tekshirishni talab qiladigan jarayon, albatta, ko'rib chiqilayotgan qoidaning to'g'ri qo'l- lanishini izohlashni talab qiladi. Ma'muriy tergovni boshlash orqali ishtirokchilar a'zo o'z hududida JST qoidalarini qanday qo'llashi kerakligini baholashni rag'batlantiradi.

Shartnomada istisnolarni qo'llash mum- kin bo'lgan holatlar bo'yicha hech qanday qonuniy cheklovlar o'rnatilmagan. Xususan, AQSh muzokaralarda ustunlikka erishish uchun ozod qilish tahdidini qo'lladi. Eng qi-

zig'i shundaki, u asosiy telekommunikatsiya va moliyaviy xizmatlar sohalarida ulgurji im- tiyozlar olish bilan tahdid qildi hamda o'zini faqat ikki tomonlama va mintaqaviy asosda ishlashga qo'yib berdi. Uning ta'kidlashicha, agar ko'plab a'zolar o'z takliflarida ochiqroq bo'lmasa, u o'z majburiyatlarini moddiy jihatdan o'zaro munosabatda bo'lmagan mamlakatlarga ham uzaytirishga majbur bo'- ladi. Qo'shma Shtatlarni tinchlantirish uchun ushbu sektorlardagi muzokaralar davra ya- kunidan keyin ham uzaytirildi. Ammo GATS "majburiyatlar muvozanati"ni yaratish uchun muzokaralar o'tkazishni talab qilishi aniq emas edi (World Trade Organization, 2010).

GATS kelishuvi bir a'zo davlatdan boshqa a'zo mamlakatda ishlash uchun chiqib keta- yotgan vaqtinchalik ishlaydigan xodimlarning muzokaralari uchun asoslar taqdim etish orqali ushbu muammoni hal qilishga harakat qiladi. Biroq shartnoma alohida mamlakat- larning chet ellik ishchilarni xavfsizlik, sog'liq yoki iqtisodiy sabablarga ko'ra qabul qilish va qolishini nazorat qilishlariga to'sqinlik qilmaydi. Shuningdek, kadrlarni erkinlash- tirish chegaralar bo'ylab mehnatning erkin harakati bilan bog'liq emas va shuning uchun milliy immigratsiya qonunlariga o'zgartirish- lar kiritishni talab qilmaydi. Buning turizm uchun ta'siri shundaki, turistik xizmat ko'rsa- tish sifati ko'pincha kompaniya egalari va xo- dimlarining tajribasi, malakasi va bilimlariga bog'liq (Lee et al., 2002).

GATSning eng muhim normasi, ehtimol, bozorga kirish bilan bog'liq bo'lishi mumkin (XVI modda). Biroq uning barcha oqibatlari hali to'liq o'rganilmagan. Agar GATT an'ana- lariga to'liq amal qilsa, u tashqi xizmatlarning ichki bozorlarga kirishiga chegara cheklovlari bilan aloqador bo'ladi. Bozorga kirish va mil- liy munosabat juda o'xshash. Ammo "bozorga kirish" ("Market Access") atamasining keng- roq qo'llanishi ham mavjud. Chet elliklar ichki bozorlarga samarali kirish imkoniyatiga ega bo'lishi uchun kamsitmaydigan cheklovlar ham olib tashlanishi zarur. Ushbu turdagi

ichki boshqaruv GATS standartiga muvofiq qisqartirilishi haqida ko'rsatmalar bor. Ba'zi tartibga solishlar chet elliklar va mahalliy aholining bozorlarga kirish hamda bozor faoliyati bilan shug'ullanish imkoniyatlarini cheklaydi. Ko'rib turganimizdek, GATSning tili hech qachon yakuniy emas. Muayyan majburiyatlar bo'yicha muzokaralar olib borishda, masalan, "samarali bozorga kirish", shuningdek, "savdo" bo'yicha cheklovlarini ushbu normaga topshirish haqida alohida ta'kidlanadi (XIX modda). Shartnomaning maqsadini tushunish shartnoma intizomiga kiritilgan va unga ta'sir ko'rsatganidan keyin saqlab qolinishi mumkin bo'lmagan chora-tadbirlarni sanab o'tadigan moddada taklif etiladi (XVI modda 2) ((Hoekman & Sauvé, 1995)).

Ta'minot rejimiga kelsak, taqdim etilgan bozorga kirish darajasi va milliy munosabat bo'yicha majburiyatlar xorijdagi iste'mol uchun eng yuqori va "jismoniy shaxslar mavjudligi" rejimi uchun eng pastdir. Kichik sektor tomonidan qabul qilingan majburiyatlar darajasiga kelsak, mehmonxonalar va restoranlar uchun ko'proq tartibga solish mavjud (barcha milliy jadvallar ushbu kichik sektor uchun majburiyatlarni o'z ichiga oladi), so'ngra sayohat agentliklari va turoperatorlar, gid xizmatlari va boshqalar tomonidan majburiyatlarning pasayishi kuzatiladi (bu kichik toifada 20 dan kam majburiyat qabul qilingan) (Cornelissen, 2002).

Bozorga kirish tamoyillari tomonidan sifat va miqdoriy cheklovlar (limit va kvotalar) savdodagi kamsitishning ehtimoliy sabablari sifatida istisno qilinadi. Turizmning barqaror o'sishiga qulay muhit yaratish uchun mahalliy hukumatlar va jamoalar tomonidan qo'llangan ko'plab miqdoriy va sifat choralari ushbu qoidalar bilan shubha ostiga olinishi mumkin. Masalan, turistning turg'unlik qobiliyati tahdid ostida bo'lishi mumkin. Chunki u ko'pincha turizmni rivojlantirish kursi va ta'sirini boshqarish vositasi sifatida mo'ljallangan. Muayyan turistik mintaqada aholining maksimal sonini belgilash va undan foydalanish

g'oyasi qizg'in bahs-munozaralarga sabab bo'lsa-da, erkin savdo va bozor tamoyillariga ziddir. Atrof-muhitni muhofaza qilish organlari, sayyohlikni rejalashtiruvchilar va boshqa manfaatdor tomonlar uchun sayyohlar sonining ko'pligi va boshqa omillar tufayli xavf ostida bo'lgan joylarda kvotalar yoki cheklovlarini belgilash bozorga kirish ("Market Access") qoidalarini tufayli juda murakkabdir.

JST va inson huquqlari sohasidagi tadqiqotchilarning fikriga ko'ra, JST a'zolari GATS asosida 4-usul bo'yicha olgan aniq majburiyatlaridan tashqari, MFN bandi umuman barcha xizmatlar savdosiga nisbatan qo'llanadi (Joseph et al., 2009). Bu shuni anglatadiki, aniq majburiyatlarni qabul qilishiga qaramay, JST a'zolari xizmatlarni tartibga solish yondashuvida turli mamlakatlar o'rtasida kamsitilishlarga yo'l qo'ya olmaydi.

Biroq GATSdagi muammolardan biri, ayniqsa, rivojlanayotgan mamlakatlarda kuchli proteksionizm hisoblanadi. Boshqacha aytganda, GATS tasniflash sxemasi sayohat va turizmning murakkabligi hamda ko'p qirraliligini tan olmaydi. Handshuhning fikriga ko'ra, turistik xizmatlar ta'rifi faqat holatlarni aniq lashtirish hamda faktlarni chuqur va ijodiy talqin qilishga undashga intiladi, bu esa turizm siyosati uchun juda muhimdir (Handszuh, 1995). UN Tourismning Turistlarni himoya qilishning xalqaro kodeksi (ICPT) – inqiroz holatlarida (masalan, bekor qilingan safarlar, repatriatsiya) sayyohlar huquqlarini yaxshiroq himoya qilishga qaratilgan ixtiyoriy soft law xarakteridagi hujjatdir (UN Tourism, 2021). Yevropa Ittifoqida esa Paketli sayohatlar to'g'risidagi 2015/2302-sonli Direktiv majburiy tarzda ma'lumot berish talablari, turoperatorlarning to'lovga layoqatsizligi (insolvency)dan himoya, birlamchi tashkilotchi javobgarligi kabi mexanizmlarni joriy etadi va a'zolar o'rtasida insolvency-himoya tizimlarining o'zaro tan olinishini ta'minlaydi ((Europion Union, 2015)). Bu yondashuvlar milliy qonunchilik uchun kuchli taqqoslama mezon vazifasini o'taydi.

2. Xalqaro tajriba: Yevropa Ittifoqi amaliyoti

GATS mehmonxona sanoatida litsenziyalash, patentlar, texnik xizmat ko'rsatish shartnomalari, franchayzing va boshqaruv shartnomalarini osonlashtiradi. Xalqaro korxonalar o'z xodimlarini chet elga yuborish va joylashtirish imkoniyatiga ega bo'ladi. Yevropa Ittifoqi va NAFTA tajribasi shuni ko'rsatadiki, xizmat ko'rsatish bozorlarini xorijiy provayderlar uchun ochish kamsitmaslik va milliy munosabat kabi tushunchalarni qo'llashdan ko'ra, ko'proq narsa talab qilishi mumkin. GATS muzokaralari sayohat qanchalik erkinlashtirilganini ko'rsatdi. Hech bir davlat sayohatga qat'iy cheklovlar qo'ymagan – bu holat ba'zan "xorijiy ta'minot" deb ataladi. Sayohatchilar esa chet elga borganda, to'lovlarni amalga oshirish uchun xorijiy valyutani bemaolot sotib olishlari mumkin.

Shunga qaramay, bu muzokaralar sayohat sohasidagi barcha tartiblarni to'liq bekor qilishga olib kelmadi. Chunki turistik xizmatlar ko'rsatish uchun xizmat ko'rsatuvchi tashkilotning o'zi ham amalda mavjud bo'lishi zarur. Masalan, xalqaro yo'nalishlarda ishlovchi aviakompaniyalar mijozlar uchun so'rov oynasi va aeroportlarda maxsus ajratilgan joylarga ega bo'lishlari kerak. Xuddi shuningdek, mehmonxonalar ham chet elda o'z filiallari yoki vakolatxonalari ("commercial presence") orqali faoliyat yuritishlari lozim.

GATSning turizmga oid qo'llanishi Yevropa Ittifoqi va NAFTA tajribasida aniq ko'rinadi. Yevropa Ittifoqida xizmatlar bozorini ochish bilan birga iste'molchilar huquqlarini himoya qilish tizimi kuchli saqlanadi. Masalan, "Paketli sayohatlar to'g'risida"gi 2015/2302-sonli Direktiv:

- iste'molchiga sayohat oldidan to'liq axborot berish majburiyatini joriy qiladi;
- turoperatorlarning to'lovga layoqatsizligi (insolvency) holatlarida himoya mexanizmlarini belgilaydi;
- barcha YI davlatlarida insolvency-himoya tizimlarining o'zaro tan olinishini ta'minlaydi.

Bu yondashuv GATSda ko'zda tutilgan erkin bozorga kirish tamoyilini iste'molchini himoya qilish majburiyati bilan muvozanatlashtirgan ilg'or modeldir.

Shuningdek, YXHT tomonidan ishlab chiqilgan Xizmatlar savdosi cheklovlari indeksi ma'lumotlari turizm xizmatlari uchun Mode 3 (xorijiy tijorat mavjudligi) bo'yicha cheklovlar ko'p hollarda viza, investitsiya skriningi va kadrlar siyosati bilan bog'liqligini ko'rsatadi. Bu indeks GATS majburiyatlarini baholashda muhim vosita sifatida e'tirof etiladi.

Darhaqiqat, turizmni tartibga solishni bekor qilishning asosiy maqsadlaridan biri tijorat mavjudligini o'rnatish bo'lishi kerak. GATSga ko'ra, 89 ta davlatda tijorat mavjudligi uchun hech qanday cheklovlar mavjud emas. Shunday qilib, GATSning maqsadi xizmat ko'rsatishning turli usullari uchun bozor imkoniyatlarini kafolatlash va ta'minlashdan iborat.

Shuningdek, YXHTning Xizmatlar savdosi cheklovlari indeksi (STRI) yillik kuzatuvlari xizmatlar bozoridagi cheklovlar, shu jumladan, xorijiy investitsiyalarni skrining qilish, viza xarajatlari, kasbiy xizmatlarga kirish kabi omillar qanday o'zgarayotganini ko'rsatadi. Bu ma'lumotlar turizm xizmatlarida Mode 3 (tijorat mavjudligi) uchun bozorga kirish sharoitlarini solishtirishda foydali.

3. O'zbekiston qonunchiligi va GATS tamoyillarining uyg'unligi

O'zbekistonda 2019-yilda qabul qilingan "Turizm to'g'risida"gi Qonun sohani tizimli tartibga soldi, atamalarni aniqladi (gid, struktur-yo'lboshlovchi, mustaqil turizm), davlat siyosati yo'nalishlarini belgiladi, faoliyat subyektlari uchun me'yoriy asos yaratdi. Amaliyotda sayyohlik kompaniyalari uchun litsenziya tartibi qo'llangan. So'nggi yillarda esa litsenziyani soddalashtirish/xabardor qilish tartibiga o'tishga doir tashabbuslar muhokama qilinmoqda. Shu bilan birga, turoperatorlar uchun fuqarolik javobgarligini majburiy sug'urtalash talablari iste'molchini himoya qilish mexanizmi sifatida qo'llanadi (2023).

GATSning ichki tartibga solish tamoyil-lari (VI modda) bilan uyg'unlikda, O'zbe-kistonda: turoperatorlar uchun fuqarolik javobgarligini majburiy sug'urtalash joriy etilgan; shaffoflikni ta'minlash maqsadida raqamlashtirilgan litsenziya reyestrlari yo'lga qo'yilgan; iste'molchi himoyasi uchun shartnoma asosida xizmat ko'rsatish majbu-riyati qonun darajasida belgilangan (Mattoo et al., 2008).

O'zbekiston qonunchiligi hali Mode 3 (xorijiy tijorat mavjudligi) va Mode 4 (xorijiy xodimlarning vaqtinchalik ishlashi) bo'yicha GATS standartlariga to'liq mos kelmaydi. Jumladan:

- xorijiy kompaniyalar uchun ro'yxatdan o'tish jarayonlarini soddalashtirish;

- xorijiy mutaxassislar uchun viza va ish ruxsatnomalarini tezlashtirish mexanizmlari-ni yaratish;

- turizm xizmatlarida "raqamli GATS"ga mos normativ baza (e-viza, onlayn litsenziya, masofaviy xizmatlar) joriy etish taklif etiladi.

Davlatning so'nggi axborot kompaniyalari aholiga litsenziyani tekshirish, shartnomani talab qilish, to'lovlar shaffofligini ta'minlash kabi ehtiyot choralarini tavsiya etmoqda – bu esa ichki tartibning amaliy ijrosini mustah-kamlaydi.

GATSning rivojlanayotgan mamlakatlar uchun asosiy muammosi proteksionistik siyosatning saqlanib qolishidir. O'zbekiston-da ham ayrim sohalarda (gidlik, transport, mehmonxona tarmog'i) milliy subyektlarga ustuvorlik berilishi GATS tamoyillariga qis-man zid. Shu bois kelgusida:

- xorijiy investorlarga teng sharoitlar ya-ratish;

- turizm xizmatlarini barqaror rivojla-nish (sustainability) va madaniy merosni muhofaza qilish tamoyillari bilan uyg'un-lashtirish;

- pandemiya tajribasi asosida sanitariya xavfsizligi, repatriatsiya va iste'molchi hu-quqlari himoyasini xalqaro me'yorlar bilan moslashtirish maqsadga muvofiqdir.

Xulosa

Xulosa sifatida ta'kidlash joizki, xalqaro huquqiy me'yorlar (GATS, JST nizomlari) va taqqoslama amaliyot (YI Paketli sayohatlar Direktivasi) turizm xizmatlari bozorini libe-rallashtirish bilan birga iste'molchini himoya qilish va jamoat manfaatlarini saqlashni uyg'unlashtirish uchun tayanch beradi. Milliy darajada esa raqamlashtirilgan, tavakkalga asoslangan, shaffof va insolvency-himoyali tartiblar – GATS doirasida turizm bozoriga ki-rish xarajatlarini kamaytiradi, raqobatni oshi-radi va sektorda barqaror o'sishni ta'minlaydi.

Yuqoridagi tahlillar shuni ko'rsatadiki, JSTning Xizmatlar savdosi bo'yicha Bosh kelishuvi (GATS) turizm xizmatlari bozorini tartibga solishda xalqaro huquqiy asos bo'lib xizmat qiladi. GATSning asosiy majburiyatla-ri – MFN, shaffoflik, bozorga kirish va milliy rejim – turizm sohasida xizmatlar almashi-nuvini kengaytirish, ichki tartibni uyg'un-lashtirish hamda milliy qonunchilikni xalqaro standartlarga moslashtirish imkonini beradi. Biroq liberallashtirish jarayoni iste'molchi huquqlarini himoya qilish, jamoat xavfsizligi, madaniy meros va atrof-muhitni asrash bilan muvozanatli amalga oshirilishi zarur.

Xususan, Yevropa Ittifoqi tajribasi, shu-ningdek, O'zbekistonning milliy qonunchiligi shuni ko'rsatadiki, turizm xizmatlarini erkin-lashtirish bilan birga fuqarolarning huquqla-rini kafolatlash, litsenziyalash va sug'urtalash mexanizmlarini joriy etish, himoya tizimla-rini shakllantirish muhimdir. Shuningdek, pandemiya tajribasi xavfsizlik va sanitariya choralarini samarali, tavakkalga asoslangan boshqaruv asosida qo'llashni talab etmoqda. Kelgusida O'zbekiston turizm xizmatlari bo-zorini rivojlantirishda raqamlashtirilgan tarti-botlar, shaffof nazorat mexanizmlari, xalqaro me'yorlarga mos qoidalar joriy etish jahon bo-zoriga integratsiyalashuv darajasini oshirishi mumkin. Shu yo'l bilan GATSning maqsadlari – bozorga kirishni osonlashtirish va xizmatlar sifatini oshirish – milliy manfaatlar va jamoat ehtiyojlari bilan uyg'unlashtiriladi.

REFERENCES

1. Almosova, Sh. S. (2023). The principle of “national treatment” in WTO and the problems of its implementation in the legislation of Uzbekistan. *International Journal of Law And Criminology*, 3(07), 94–102. <https://doi.org/10.37547/ijlc/Volume03Issue07-16>
2. Cornelissen, S. (2002). The developmental impact of tourism in the Western Cape, South Africa (Doctoral dissertation). University of Cape Town.
3. European Union. (2015). *Directive (EU) 2015/2302 of the European Parliament and of the Council on package travel and linked travel arrangements*.
4. General Agreement on Tariffs and Trade. (1994, April). *Agreement on implementation of Article VI of the General Agreement on Tariffs and Trade 1994 (LT/UR/A-1A/3)*. <http://docsonline.wto.org>
5. Handszuh, H. (1995, December). *Tourism services under GATS*. In *Seminar on GATS Implications for Tourism* (pp. 17–18). Milan, Italy: World Tourism Organization.
6. Hoekman, B., & Sauvè, P. (1995). *Liberalizing trade in services (World Bank Discussion Paper No. 243)*. Washington, DC: The World Bank.
7. Joseph, S., Kinley, D., & Waincymer, J. (Eds.). (2009). *The World Trade Organization and human rights: Interdisciplinary perspectives*. Cheltenham, UK / Northampton, MA, USA: Edward Elgar.
8. Lee, M., Fayed, H., & Fletcher, J. (2002). GATS and tourism. *Tourism Analysis*, 7(2), 125-137.
9. Mattoo, A., Stern, R. M., & Zanini, G. (2008). *A handbook of international trade in services*. Oxford: Oxford University Press.
10. Tourism Committee of the Republic of Uzbekistan. (n.d.). *Information materials on simplifying tourism licensing processes*.
11. Petersmann, E.-U., Cottier, T., & Mavroidis, P. C. (Eds.). (2010). *The World Trade Organization and human rights: Interdisciplinary perspectives* (p. 57). Cheltenham, UK, & Northampton, MA: Edward Elgar.
12. Usmanova, S. B. (2024). Legal regulation of tourism services in the framework of the General Agreement on Trade in Services. *The Scientific Temper*, 15(2), 2291–2298.
13. UNCTAD. (2021). *Handbook of statistics: International trade in services*. New York & Geneva: United Nations.
14. UN Tourism. (2021). *International code for the protection of tourists*.
15. UN Tourism. (2023). *Visa openness report*.
16. World Tourism Organization. (2012). *Tourism and international trade in services*. Madrid: UNWTO.
17. World Trade Organization (WTO). (1995). *General Agreement on Trade in Services (GATS): Text and annexes*. Geneva: WTO Publications.
18. World Trade Organization. (2010). *Globalisation, law and the WTO* (Part I, Chapter 3, p. 54). Cambridge Books Online: Cambridge University Press.
19. Yilmaz, M. (2013). *Domestic judicial review of trade remedies* (p. 5). Cambridge: Cambridge University Press.

YURISPRUDENSIYA

HUQUQIY ILMIY-AMALIY JURNALI

2025-YIL 5-SON

VOLUME 5 / ISSUE 5 / 2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.5.